Владимир Батаев
Дмитрий Тихонов
В последней гавани

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сборник рассказов. Таинственные жители загадочного Леса сталкиваются с представителями цивилизованного общества. Чем закончится эта встреча, учитывая, что у вожаков обоих групп имеются старые счёты? Долги надо возвращать. Этому принципу следуют даже находящиеся по ту сторону закона. Весь Седьмой Звёздный Флот не остановит бравого капитана-контрабандиста, когда он решит заплатить по старым счетам. Выбор есть всегда. Как минимум — из двух зол. Но если варианты, предлагаемые парой представителей развитой инопланетной цивилизации не устраивают — всегда можно придумать третий. Главное, чтоб совесть оставалась чистой. И пусть вокруг только белый снег и лёд, да бродят сасквочи по сугробам, но даже действуя во благо человечества, надо оставаться человечным. Хотя не со всякой инопланетной фауной — и даже флорой — можно дружить. С флорой особенно — человеку с кустом договориться бывает ох как непросто. И если из тебя пытаются сделать «салат наоборот», то бластер в руки и вперёд, на колючую изгородь.

- Владимир Батаев, Дмитрий Тихонов
  - В Последней Гавани
  - Возвращение долга
  - Естественный выбор
  - Стужа
  - Торжество разума
  - Там, за гранью
  - Транзитная зона

Владимир Батаев, Дмитрий Тихонов
В Последней Гавани

В Последней Гавани

Корд метался по лесной опушке, как зверь в клетке. Пять шагов в одну сторону, столько же обратно, и при каждом развороте поглядывал в мою сторону. Взгляды были весьма выразительны и кому-то другому могли бы помешать спокойно сидеть на ветке, заставив поторопиться. Я вполне мог представить, какие мысли мельтешат внутри черепа юноши — мол, размяк старик, не решается выйти за пределы Леса, собирается с духом. Эх, молодость, молодость. Полчаса погоды не сделают, в крайнем случае, потом наверстать можно. А вот хорошенько всё обдумать, прежде чем сломя голову нестись неизвестно куда — это может сэкономить куда больше времени.

Если у сбежавших сопляков есть хоть капля мозгов, то в Столицу они не пойдут. А мозги хоть у кого-то из них должны работать — иначе не прошли бы они незамеченными мимо пограничников, даже мне такое удаётся только в половине случаев. А если глупость всё же восторжествовала, то сейчас они уже в казематах под Храмом, ведут занимательные беседы с экзекуторами. И смысла нам туда соваться нет, слишком поздно, придётся посылать отряд зачистки, и то не факт, что проблему удастся решить даже таким способом. В лучшем случае, если и удастся убрать всех, кто узнал что-то лишнее, новый Священный Поход всё равно обеспечен. Ну да это ладно, отобьёмся, не впервой. Лес поможет.

Я прикоснулся к болтающейся рядом лиане. Она шевельнулась под моей рукой, но не обвила запястье, не сдёрнула с ветки, опутывая тело и ломая кости. Лес знает своих жителей — определяет по запаху или как-то иначе, чем лианам нюхать-то? Метод не так важен, главное, что распознавание свой-чужой работает. А вот того, чтобы тело испускало нужные флюиды, можно добиться и искусственным путём — в смысле, наделить этим того, кто не обладал таким свойством от рождения. Хватит ли на такое возможностей иерархов? Уж хотя бы репеллент на основе крови пленников сварганить сумеют наверняка. И тогда вся армия храмовников спокойно пройдёт сквозь Лес, который будет для них не опаснее обычных деревьев, и доберётся до наших селений.

Эх, вот ведь угораздило юнцов сбежать. Приключений захотелось, мир повидать. А нам теперь расхлёбывать. По-человечески я их, конечно, понимаю, да и сам в молодости немало глупостей понаделал — но только после того, как прошёл соответствующее обучение и был уверен, что живьём

инквизиторы меня не захватят. Одно дело рисковать своей собственной шкурой — это свойственно всем людям, особенно в юности, когда гормоны играют, затмевая рациональное мышление. Каждый должен хоть раз почувствовать, что его жизнь находится на острие меча и зависит только от собственной ловкости и удачи — и какое упоение испытываешь, когда выворачиваешься из такой ситуации живым! А кто всю жизнь просидел в полной безопасности за стенами убежища — считай, и не жил. Но не подставлять же при этом под угрозу весь свой народ!

Что ж, если молодняк пленили храмовники, значит, в Лес я не вернусь. Потому будем исходить из предпосылки, что они пошли не в Столицу, а куда-то ещё. О каких местах им ещё известно? Что могло заинтересовать юнцов?

Я щёлкнул пальцами и спрыгнул с ветки. Молча прошёл мимо Корда и зашагал дальше.

— Ты куда? — изумился он.

— В Последнюю Гавань, — коротко бросил я, не оглянувшись. Я и без того слышал, что Корд движется следом.

Два существа мчались с такой скоростью, что за ними не угнался бы и всадник. Останавливались не более чем на пять часов в сутки, чтобы быстро перекусить и недолго поспать. Если бы кто-то задался целью отметить их путь на карте, получилась бы идеально прямая линия, иногда делающая петли, огибая города и посёлки, ведущая от одного края таинственного Погибельного Леса к портовому городу, известному как Последняя Гавань.

Город этот пользовался лишь чуть менее дурной славой, чем Лес, но был не в пример более хорошо известен — в первую очередь, как пристанище всякого отребья и бандитов, которых более не желали терпеть в иных местах. А в проповедях иерархов Храма Гавань именовалась не иначе, как гнойник на теле империи, который следует выжечь калёным железом — вот только до дела руки так и не доходили. Иерархи не были глупы и прекрасно понимали, что весь мусор нельзя уничтожить и где-то должна иметься свалка — и лучше знать, где она находится и контролировать в меру возможности происходящее там. Поэтому город, где закон вершит сталь, а не судья Храма, где за золото можно купить всё — как поддельные святые мощи и реликвии, так и самые настоящие головы отдельных храмовников и инквизиторов, особо насоливших кому-то, не говоря уж о ближних своих любого пола и возраста по вкусу и в зависимости от целей приобретения, облачённых исключительно в кандалы, не

скрывающие их тела от взора Всеединого и покупателей — продолжал существовать и пополняться новыми жителями, прибывающими туда добровольно или не имея иного выбора.

Двое Охотников отставали от своей дичи на неделю, но стремительно сокращали отрыв. Эта пара не была первой, до них из Леса вышло ещё три группы, но след их затерялся — выбрали ли они неверный маршрут или что-то прервало их земной путь, так и осталось никому неведомо.

— Госпожа инквизитор! Госпожа инквизитор!

Инквизитор Торк подняла голову и смерила взглядом послушника, с заполошным криком влетевшего в её кабинет. Взгляд этот не предвещал юноше ничего хорошего — от неожиданности перо в руке Торк дрогнуло, и по листу бумаги с почти законченным отчётом расплылась чернильная клякса.

— В чём дело? — весьма недружелюбным тоном осведомилась женщина. Её неприятный скрипучий голос вкупе с грубоватыми чертами лица отнюдь не добавляли очарования.

— Вас вызывает магистр Девилиус, — промямлил послушник.

Инквизитор Торк бросила взгляд на испорченный отчёт, но решила, что вряд ли причина срочного вызова имеет отношение к навязшей в зубах канцелярщине. А это значило, что вскоре опостылевший запах бумаги и чернил сменится для неё на упоительную гарь Костров Очищения и вонь палёной плоти еретиков. Ноздри Торк затрепетали от предвкушения.

Девилиуса она застала в мрачном настроении. Магистр кивком указал на массивный стул, а сам отошёл к окну. Торк, склонившись в учтивом поклоне, села на предложенное место. Девилиус даже не обернулся. Торк ждала, поскольку не в её праве было первой раскрывать рот.

— Тебе выпал неплохой шанс отличиться, — раздался бас магистра после минутного молчания.

— Всегда готова, господин! — дрожащим от волнения голосом воскликнула Торк.

Девилиус скривился и провёл рукой по подоконнику. Внимательно изучив оставшуюся на пальцах пыль, магистр усмехнулся каким-то своим мыслям.

— Тогда ты должна услышать одну маленькую историю, — сказал он, оборачиваясь.

Лицо его не выражало никаких эмоций, но Торк могла бы поспорить, что Девилиус возбуждён. Глаза магистра пылали, словно два Костра Очищения. Таким главу инквизиции женщине ещё видеть не доводилось.

Сложив руки на груди, Девилиус принял позу оратора и

менторским тоном произнёс:

— Одиннадцать маленьких крыс выползли из своей норы. Эти мерзкие твари, проклятые Всеединым, решили поиграть с судьбой. Как ты думаешь, куда крысы подались? Конечно же, в вонючую помойную яму, место столь близкое им по нраву, что порой я задумываюсь о правильности наших методов борьбы. Куча гнили рано или поздно перегниет! Зачем нам копаться палкой в выгребной яме, когда можно накрыть её крышкой и спокойно дожидаться результатов?! Уверен, через год-два получится неплохое удобрение!

Торк пыталась вникнуть в смысл услышанного, но получалось с трудом. Иногда Девилиус говорил загадками.

— И что ты думаешь? — продолжал магистр. — Этим нечестивым созданиям удалось вляпаться! Вляпаться в то самое дерьмо, к которому их так тянет! Ха-ха!

Девилиус зашёлся «праведным» хохотом. Торк предпочитала слушать молча, не перебивая, она давно привыкла к причудам магистра.

— М-да, всё гораздо сложнее, Торк, чем кажется, — философски подметил магистр, садясь за стол. Он переворошил кипу бумаг и, выудив потрёпанный кусок пергамента, вручил его инквизитору:

— Это личный указ архимандрита Фаро. Ты, Орвус и Палур отправляетесь в Последнюю Гавань для поимки неверных. На то воля Всеединого.

— Это всё? Я могу идти?

— Нет! — жестко отрезал магистр. — *Лесные* не так глупы, как может показаться на первый взгляд. Эти отщепенцы попались нам исключительно по глупости и… молодости.

Торк нахмурилась.

— Да, госпожа инквизитор. Наш человек из Гавани передал нам юного *лесного*. Ты же знаешь скольких, якобы *лесных* присылают нам из тех мест, каждый желает выслужиться. Но этот оказался настоящим! Не буду вдаваться в тонкости, ты и сама знаешь процедуру. Парень скончался на допросе, но кое-что все же рассказал. Из Леса их вышло одиннадцать. Торговец из Гавани по кличке Про выдал нам только одного, остальных видимо продал, ничтожество! А ведь он мог получить сан и перебраться в Столицу, но вместо этого он предпочёл деньги. Что ж, одним костром больше, день Очищения не за горами. Ваша задача, отыскать остальных *лесных* и доставить их в Столицу. Свободна.

Выходя от магистра, Торк одновременно ликовала и негодовала. Важное задание безусловно льстило ей — ещё бы, возможность захватить сразу десяток проклятых обитателей

Погибельного Леса представлялась далеко не каждому. Торк втайне лелеяла мысль, что если, благодаря выпытанной у будущих пленников информации, удастся навсегда покончить с *лесными* или хотя бы нанести им значительный урон, то её имя может войти в скрижали… А то и к лику святых причислят! И неважно, что на миссию помимо неё отправляются ещё два инквизитора — если будут мешать, претендовать на её славу, то в дороге ведь всякое случиться может.

А злило женщину то, что её не поставили в известность о взятом в плен *лесном*, не пригласили её помочь разговорить его. Ну, сами виноваты, доверили дело сиволапому экзекутору, так теперь пленник разве что демонам преисподней что-то расскажет. Но самое важное вызнать успели: количество вышедших из Леса.

Во дворе уже дожидался отряд из четырёх дюжин рыцарей-храмовников. Торк неприязненно скривилась, увидев, что возглавляет солдат одноглазый Бокан — что за варварское имечко? О его участии в миссии Торк не предупредили. В присутствии этого бритоголового здоровяка о несчастных случаях с собратьями-инквизиторами можно было забыть, как и любых своевольных действиях вообще. Одноглазый был известен ревностным выполнением приказов, а также жестокостью и беспощадностью — а вдобавок ещё и аскетичным образом жизни, чего требовал и от своих подчинённых. В данном случае это означало изнуряющую скачку, питание всухомятку не вылезая из седла и очень короткие ночёвки под открытым небом.

Бокан смерил опоздавшую равнодушным взглядом единственного глаза — некоторые шутили, что даже изумруд, вправленный во вторую глазницу, выражает больше эмоций, чем уцелевшее око магистра-храмовника. Торк в который раз удивилась тому, что за годы, прошедшие с тех пор, как она была послушницей и впервые увидела Бокана, он казалось бы ничуть не изменился, на его лице не появилось ни единой морщины. И даже странная татуировка на лбу, состоящая из вертикальных полос разной длины и толщины, ни капли не выцвела — или одноглазый магистр регулярно подновляет свою варварскую метку? Госпожа инквизитор, вероятно, выпала бы из седла, узнай она, что в своё время тому же удивлялись и её наставники, а до того — их наставники. Истину о Бокане знали только он сам, иерархи и тот *лесной*, кто выбил ему глаз, и встреча с которым магистру-храмовнику вскоре предстояла вновь.

Как Торк и предполагала, Бокан вёл отряд к Гавани в бешеном темпе, загоняя лошадей и сметая патрули особенно ретивых послушников, которые требовали путеводный лист у

отряда храмовников. Непривычная к длительным скачкам, инквизитор выбилась из сил на второй же день, благо она захватила с собой Эликсир Святости, который снимал усталость и хоть как-то позволял держаться в седле. Орвус и Палур — два сноба и лизоблюда, — напротив, чувствовали себя уверенно в седле, что раздражало Торк. А ещё женщину бесило, что ей не выдали оружия (кривой нож и примитивный арбалет она за оружие никогда не считала), тогда как у «напарничков» были прикреплены к поясам Глас Божий и Свет Всеединого. Ну и чёрт с ними! Когда начнутся неприятности, а они обязательно начнутся, учитывая дурную славу Последней Гавани, Торк займется делом. В конце концов, она инквизитор, а не рыцарь Храма. А если Орвус и Палур окажутся настолько глупы и ввяжутся в потасовку вместе со всеми, то туда им и дорога! Тут уж Святое оружие Храма им будет только помехой.

Отряд останавливался лишь на ночь. Есть приходилось в седле. Неутомимый Бокан, казалось, даже спал на лошади, Торк так и не удалось заметить, когда магистр-храмовник употребляет пищу и употребляет ли вообще? Здоровяк жутко нервировал инквизитора, но вступать с ним в словесную перепалку себе дороже. Пока отряд ветром несётся к Гавани, командир тут, безусловно, Бокан, но стоит им ворваться в город, и Торк возьмёт бразды правления в свои руки. Орвуса и Палура она не считала помехой, но как же она ошибалась…

Когда до Гавани оставалось не больше трёх миль, Бокан осадил скакунов. Его лицо всё так же оставалось холодным, но что-то в его поведении было не так. Магистр будто почувствовал какую-то слабую эманацию чужеродной силы. Он спешился и, пригнувшись к самой земле, сорвал несколько травинок, обнюхал и даже попробовал на вкус.

— Они точно здесь, — резюмировал он. — Но в городе кто-то ещё.

— Сейчас посмотрим, — пробормотал Орвус, выудив из кармана продолговатый предмет. Инквизитор выбрался из седла и прошёл по следам Бокана, время от времени прикасаясь к траве загадочным предметом. — Да, ты прав, магистр. Святой Марус обнаружил следы крови *лесных* — как минимум пятерых. Видимо, именно здесь их пленил торговец Про. Остальные, вероятно, не были ранены… Палур, взгляни ты.

Второй инквизитор вытащил из седельной сумки несколько металлических предметов и собрал их воедино, после чего прикрепил длинную рукоять и тщательно обошёл окрестности, водя получившейся конструкцией по земле.

— Ага, вот тут они все остановились — ровно одиннадцать,

всё как говорил пленник, — объявил Палур. — Я даже могу восстановить всю картину дальнейших событий.

— Не стоит лишних трудов, — отмахнулся Бокан.

— А здесь следы ещё двоих, — удивлённо воскликнул инквизитор, обследовав землю чуть в стороне. — Следы пота — они долго бежали — и слюны. След совсем свежий, не более суток тому назад, и анализ указывает совсем не на юнцов.

— С какой стороны они пришли? — осведомился Бокан.

— Восточная.

— Значит, прямиком из Леса… — протянул магистр. — Хм, всего двое… Странно… Ну, что ж, во всяком случае, видит Всеединый, мы на правильном пути.

— Я бы не совался в город с криками о мести Всеединого, — посоветовал Орвус. — Анархисты и еретики вполне могли устроить ловушку.

— Брось, брат, — отмахнулся Палур. — Тот сброд, что обитает в Гавани, ни за какие коврижки не свяжется с *лесными*.

— Вполне, — покачал головой Бокан. — Вполне может, брат.

Торк так и замерла в седле с раскрытым ртом. С каждой фразой храмовников инквизитор понимала, что она не знает всего, вернее она вообще ничего не знает! Торк и не догадывалась, она даже не могла предположить, что канцелярские крысы в лице Орвуса и Палура могут такое. Эти двое очень ловко провели её, напялив маски фанатиков, учтивых храмовников и трусов. Инквизиторы оказались гораздо опасней. Если даже магистр Бокан прислушивается к словам этих снобов, значит всё совсем не так, как казалось.

— Госпожа инквизитор, — ухмыльнулся Палур, — закройте рот, в этих краях обитают ядовитые насекомые.

Торк звучно клацнула челюстями, и зло покосилась на инквизитора.

— Хотелось бы услышать ваше мнение, Торк? — повёл бровью Орвус.

— Вижу, вы прекрасно обходитесь и без моего мнения, — гневно бросила Торк. — Но замечу, что скрываться и пробираться тайком — это не наши методы.

— И что вы предлагаете, инквизитор? — Бокан специально сделал акцент на последнем слове.

— Выжечь калёным железом рассадник ереси и порока! — с пафосом произнесла Торк.

Но храмовники вопреки ожиданиям женщины дружно рассмеялись. От внимания Торк также не ускользнуло, что с момента остановки отряда полсотни воинов святой Инквизиции не проронили ни слова и, кажется, даже не пошевелились.

— Что смешного в моих словах?

Орвус мгновенно переменился в лице и впился взглядом в инквизитора. С минуту он изучал её. Торк не выдержала этого холодного колючего взгляда и опустила голову.

— Покажи ей, брат, — обратился Орвус к ухмыляющемуся Палуру.

Инквизитор кивнул и закатал рукав. Торк чуть не выпала из седла от увиденного. На предплечье инквизитора был изображён пылающий крест. Женщине на мгновение показалось, что огонь был живым, а в ноздри ударил едкий запах палёной плоти. Знак Первостепенной Силы. Такую отметину мог поставить лишь один из иерархов. Инквизитор, получивший этот знак, считался святым, в некоторых смыслах, даже божественным.

— Ты много не знаешь, Торк. Но архимандрит дал тебе возможность прикоснуться к знаниям. Я, Палур, магистр Бокан и ты отправимся в Гавань. Солдаты будут ждать нас здесь. Врываться в город такими силами пока рано, нам нужно удостовериться, что *лесные* находятся там, — Орвус указал пальцем на город.

Торк сглотнула и согласно кивнула. Тайна за семью печатями, которая на миг приоткрылась ей, будоражила. Получить Знак Первостепенной Силы, прикоснуться к величайшим знаниям Храма! Какие возможности появятся у Торк! Видит Всеединый, она это заслужила.

В Гавань мы прибыли ранним утром. Корд предлагал перелезть через стену, не понимая, что этим мы только привлечём внимание. Останавливать или преследовать никто нас, конечно, не стал бы, но слухи в Гавани разлетаются мгновенно, и при этом невозможно даже пустить ветры так, чтобы этому не нашлось хотя бы трёх свидетелей. И разумеется, за пару медяков свидетели будут готовы поклясться, что пах пердёж розами.

Велев Корду держаться позади и помалкивать, я пошёл прямиком к стражникам у ворот. В любом другом городе ворота охраняли бы храмовники, но в Гавани на страже стояли бойцы наиболее крупных преступных группировок, делящих между собой власть.

— Ваши имена, род занятий, цель прибытия, — пробубнил один из стражников.

На секунду мне захотелось пошутить и действительно ответить — то-то он удивился бы. Но я подавил этот порыв и просто вложил ему в руку приличных размеров кусок золота, под определённым углом подозрительно напоминающий нос. Когда-то он таковым и был и составлял единое целое со статуей одного

из святых, имени которого я уже и не помнил. Статую эту я по молодости лет из бахвальства утащил из одного Малого Храма — помнится, на моих сверстников тогда произвело впечатление в основном моё ослиное упрямство: доволок такую тяжесть на собственном горбу! Но теперь эта юношеская глупость пригодилась, и ещё много более мелких кусков той статуи покоились в сумках у меня и Корда.

— Осквернитель святынь? — безразлично поинтересовался стражник.

Я в ответ только неопределённо пожал плечами.

— Пропустите их, это свои! — крикнул он остальным.

Теперь если по городу и поползут слухи, то полезные — характеризующие меня как человека, разбрасывающегося здоровенными кусками золота.

Днём активность Гавани замирала, большинство жителей отсыпались после ночных похождений. Те, кто вёл дневной образ жизни, меня не интересовали. Поэтому мы направились в ближайшую корчму и сняли пару комнат. Корд настаивал, чтобы мы взяли одну комнату и по очереди караулили. Пришлось объяснить ему, что в этом случае корчмарь подумает о наших взаимоотношениях.

Я настрого велел Корду не высовываться из комнаты — хотя почти не сомневался, что он всё равно не послушается — и завалился спать.

Разбудил меня осторожный стук в дверь. Взглянув в окно, я убедился, что уже вечереет.

— Открыто! — крикнул я.

Запирать дверь не было никакого смысла, до того она была хлипкой, а уж засов я и назвать-то этим словом постыдился бы.

Вошла служанка.

— Господин желает умыться и отужинать?

— Клянусь жирным брюхом святого Арчибальда, ты читаешь мысли, женщина! — объявил я.

Моё богохульство её ничуть не смутило.

— Может быть, после ужина господин желает чего-нибудь ещё? — кокетливо потупившись, поинтересовалась она. — Я всегда к вашим услугам, готова выполнить любое желание.

— Любое, говоришь? — задумчиво протянул я. Она угодливо закивала. — Тогда я желал бы, чтобы после того, как я поужинаю, ты пришла в мою комнату… — Я заметил, как она приосанилась, выпятив грудь. Выдержав паузу, договорил: — И прибралась здесь. А то такое чувство, что пыль здесь не протирали с тех пор, как в этой комнате ночевал святой Виллиас.

— О, господин бывал у нас раньше? — удивилась

служанка. — Правда, эту байку про святого Виллиаса рассказывал ещё отец нынешнего хозяина. Я сама об этом только слышала.

— Мой отец бывал, — соврал я. — И рассказывал мне про корчму с самыми грабительскими ценами во всём городе воров. И про секретный рецепт приготовления вкуснейшего жареного поросёнка, известный только здешнему хозяину. Надеюсь, он передал рецепт сыну по наследству?

Хозяин, подслушивающий в коридоре, немедленно нарисовался в поле зрения и радостно стал меня заверять, что такого вкусного жареного поросёнка мне не удастся отведать больше нигде во всей Гавани, не говоря уж о землях под властью Храма, где его — хозяина — непременно сожгли бы на костре за искушение паствы грехом чревоугодия.

Теперь корчмарь, польщённый моей лестью, не станет заламывать цены. А поскольку жадничать я не собираюсь, то если вдруг меня станет здесь кто-то искать или что-то выведывать — хозяин не сознается, что знает о моём существовании даже под пытками. Во всяком случае, не сразу. А все известные ему сведения на интересующую меня тему, он охотно поведает во время ужина, добавив к этому кучу ненужной информации.

Корд неодобрительно на меня косился, глядя, как я непринуждённо болтаю с корчмарём. И зачем я вообще потащил с собой этого сопляка, ничего он не смыслит. Хотя, потому-то и потащил — пойди он один, такого бы натворил, на десяток легенд об ужасных *лесных* хватило бы.

К сожалению, корчмарь не знал ничего конкретного о находящихся в Гавани *лесных*. Слышал, что кто-то продавал рабов из числа вышедших из Леса, но подобные слухи возникают регулярно, обычно это оказываются просто какие-нибудь уродцы. Но хозяин клятвенно заверил, что непременно выяснит все подробности, и если в Гавани есть хоть один *лесной*, узнает, кому он принадлежит и сообщит мне. О причинах моего интереса к *лесным* корчмарь не спрашивал — в Гавани любопытство считается за единственный грех, зато даже не смертный, а буквально смертельный. А что он там подумал о моём стремлении к экзотичным развлечениям — это его дело.

— Ну и что проку было с твоей болтовни? — прошипел Корд, как только мы вышли на улицу. — Только раззвонил о том, кого мы ищем…

— Я узнал, что молодняк захватили в рабство, — спокойно перебил его я. — И если купивший кого-то из них, желает своё приобретение перепродать — корчмарь устроит нам сделку.

— Ты собираешься покупать наших братьев и сестёр?! — возмутился юнец.

— А ты планировал перерезать всю Гавань и с боем прорываться к Лесу через всю армию храмовников? — полюбопытствовал я. — Оставим твою идею в качестве плана «Б».

— И куда мы сейчас? — обиженно буркнул Корд.

— На рынок рабов.

На рабском рынке торговля шла довольно вяло. Не было ни криков зазывал, ни торгов с аукциона, рабов не заставляли расхаживать по помосту, выставляя на показ покупателям свои достоинства. Покупателей тоже было не очень много и никаких праздношатающихся гуляк — для Гавани торговля людьми была обыденным и повседневным делом и ни у кого не вызывала ажиотажа. Меня это не удивляло, я был в Гавани не впервые, случалось наведаться сюда и во время праздников — как ежегодных, так и торжеств по поводу удачного набега на какой-нибудь караван или город, что, впрочем, случалось редко. Вот тогда рабский рынок преображался — благо любой налёт означал захват пленных, а соответственно и широкий ассортимент, а к регулярным праздниками готовились заранее, приберегая лучшее, чтобы сбыть по тройной цене — и выглядел именно так, как представляется большинству обывателей, никогда здесь не бывавших.

Корд рассматривал помосты, надеясь заметить кого-нибудь из сбежавшего молодняка, но я понимал, что пленного *лесного* не поставят в один ряд с рабами-людьми — да они и сами не стали бы стоять спокойно, подняли бы шум и панику, всё же пропаганда инквизиции глубоко сидела в умах. Сам я больше внимания обращал на поведение покупателей — в каком направлении движутся, где проходят не глядя по сторонам, а где задерживаются. Пленные *лесные* не попали бы к мелкой сошке, их в любом случае перепродали бы крупному торговцу, и его вполне можно было расспросить, кому он их продал или где держит, если решил придержать до праздничных торгов. А уж убедить его отвечать на вопросы я сумею. Среди инквизиторов бытует фраза, что в руках у экзекуторов даже статуя запоёт — продолжая метафору, скажу, что в моих руках эта статуя ещё и танцевать будет, если понадобится. Конечно, подобные методы не доставляют мне удовольствия, в отличие от большинства храмовых экзекуторов, но ради выполнения дела рука не дрогнет.

Вскоре я подметил, в каком ряду наблюдается наибольшее столпотворение. Хотя никто из покупателей не задерживался там настолько, чтобы успеть совершить сделку, но многие стремились пройти мимо, некоторые и по два раза, старательно делая вид, что идут в совсем другое место и просто решили срезать путь.

— Там кто-то из наших беглецов, — уверенно указал я Корду. — Не дёргайся, действовать буду я. Прикрывай меня, изобрази телохранителя.

Мы направились к примеченному помосту. Корд держался на шаг позади меня, положив ладонь на рукоять меча на поясе и бросая угрожающие взгляды на всех, кто оказывался поблизости. Жители Гавани бывают двух типов: умеющие верно оценивать людей и мёртвые, а вид Корда недвусмысленно выражал смертельную угрозу, так что перед нами мгновенно образовался коридор свободного пространства, ведущий к помосту.

Работорговец при нашем приближении встал и оскалился в щербатой усмешке, по его мнению, вероятно, выражающей высшую степень приязни.

— Я вижу, господа ищут что-то особенное, — провозгласил он. — И намерены покупать, а не глазеть. — Он покосился на быстро рассасывающуюся толпу. — И вы пришли куда нужно!

Он потянул цепь, которую держал в руке, выдёргивая вперёд забившуюся в угол девушку. На ней была надета короткая рваная хламида, не скрывающая синяки и ссадины на руках и ногах, на лице тоже были заметны следы побоев. Ноги пленницы от щиколоток до колен покрывал густой мех, бывший некогда оранжевым, а теперь побуревший от крови и грязи.

— Самая натуральная *лесная*, — заговорщическим тоном поведал торговец. — И горячая штучка, клянусь сиськами святой Матильды.

Я чуть не расхохотался — видел бы он святую Матильду, не стал бы клясться тем, чего и в природе не существовало, по сравнению с этой дамой дверь показалась бы воплощением женственных форм.

Корд глухо зарычал и собрался уже было прыгнуть на торговца, но я дёрнул его за шиворот, так что он едва не упал.

— Мой юный друг весьма религиозен, — соврал я, — поэтому, почтенный, будь любезен, не поминай части тел святых. Мы верим твоему слову и без клятв.

В ответ на это торговец фыркнул, сдерживая смех — видать, знает цену своим клятвам.

— Тогда к делу, господин. Покупаете? Всего шестьдесят золотых.

Каков наглец, цена неслыханная, даже и за *лесного*. Во всяком случае, на общих торгах — в частном порядке некоторые любители экзотики заплатили бы и больше, но их нужно ещё найти. Инквизиция могла бы вознаградить ещё богаче, — но с равным успехом и в казематы угодить недолго, — в зависимости от настроения магистра.

— У меня нет монет, — развёл руками я. Улыбка торговца разом увяла, сменившись кислой миной. Он уже приготовился послать нас на экскурсию по какому-нибудь живописному маршруту, когда я извлёк из котомки горсть золотых осколков статуи. — На вес возьмёшь?

— Конечно, господин. Давайте вашу сумку, я отвешу нужную сумму и верну остальное. Могу и на монеты разменять, всего двадцатую часть за это возьму.

Интересно, с чего это он меня за дурака держит? Может, из-за слов про религиозность Корда инквизиторами нас счёл?

Я с улыбкой кивнул и запрыгнул на помост, жестом велев Корду оставаться на месте. Приблизился к торговцу, одной рукой протягивая сумку, а другой будто собираясь похлопать его по плечу в знак одобрения. Он нервно сглотнул, увидев короткое тонкое лезвие ножа, прижавшееся к его горлу. От любопытных глаз вид закрывала моя спина, да и лезвие я на всякий случай прикрывал рукой, прижимая его большим пальцем к ладони.

— Издашь хоть один звук — и он станет последним, — прошипел я. — Не бойся, сделаешь и скажешь то, что я требую, и я тебе даже заплачу, больше чем ты просил. Обманешь — позавидуешь святым мученикам.

Я подтолкнул его к двери в подсобное помещение. Работорговец проявил благоразумие и не стал сопротивляться. Корд последовал за нами и, после секундного колебания, прикрыл за собой дверь, оставив девушку снаружи, хотя ему наверняка не терпелось освободить её от оков и наплести уйму сентиментальной ерунды на тему того, что теперь всё будет хорошо, и он о ней позаботится — в общем, проявить себя героем.

Торговец продемонстрировал чудеса красноречия, словно в подвалах инквизиции, и поведал всё, что знал, включая домыслы и собственное мнение, о котором его не спрашивали. Оказалось, что он только посредник, работающий на крупного купца, который не пожелал светиться с опасным товаром, способным привлечь внимание инквизиции — тем более что тот торговец, у которого он приобрёл партию рабов-*лесных* сразу после этого таинственным образом исчез. Сколько рабов всего и продали ли уже кого-то из них, посредник не знал. Но это не имело значения, поскольку он назвал адрес купца, и мы могли пойти и выяснить всё сами.

— Это всё, что я знаю, — заверил он, закончив речь.

Я молча кивнул и вытащил из сумки горсть золота. Не веря своим глазам, торговец подставил руки. Он с недоверием взирал на перекочевавшие к нему осколки статуи, даже поднёс их к лицу, словно ожидая, что они вот-вот исчезнут. Я невозмутимо полез в

сумку за второй горстью, одновременно слегка дёрнув левой рукой, вытряхивая из рукава тонкое лезвие, похожее на острую спицу. Пока торговец таращился на золото в моей правой руке, я резко взмахнул левой, вогнав спицу ему в ухо.

— Ты же обещал его отпустить, если он всё расскажет, — укорил Корд.

— Разве? — удивился я. — Я обещал заплатить и сделал это. Про жизнь и свободу не было сказано ни слова.

Особняк купца охранялся на удивление плохо. В сторожке у ворот, скорее всего, сидели стражники, вероятно телохранители присутствовали и в доме, но окружающую территорию никто не патрулировал, не было даже сторожевых псов. Видимо, купец имел достаточные связи с преступными авторитетами Гавани, чтобы не беспокоиться о мелких грабителях — тем более что сорвиголовы, рискующие игнорировать волю городских бандитских главарей, быстро своих голов лишались.

Мы с Кордом без особого труда преодолели стену и проникли в дом через окно. Там мы разделились — Корд отправился в подвал, искать пленных, а мне предстояло найти и допросить купца. Поднявшись по лестнице, я увидел, что дверь ближайшей комнаты выломана. Это явно не могло считаться нормальным положением дел. Следовало бы сразу развернуться и покинуть территорию особняка. Будь я один, непременно так и поступил бы, но Корд наверняка заупрямится и всё равно придётся выяснять, что здесь произошло, прежде чем удастся его убедить. К тому же, оставалась вероятность, что пленные *лесные* взбунтовались и вырвались на свободу, а теперь прячутся в доме в ожидании возможности скрыться.

Первая комната оказалась пуста. Вторая и третья тоже. Очевидно, двери просто выламывали подряд, не зная, есть ли кто внутри. Так нападающие могут поступать только в том случае, если ничуть не опасаются сопротивления. Видимо, мои предположения о защищённости купца были ошибочны, а наружную охрану попросту вырезали. Такое совпадение — нападение неизвестных на дом прямо перед нашим вторжением — мне совсем не нравилось. Я быстро проверил остальные комнаты и обнаружил только нескольких убитых телохранителей. Никаких следов купца, пленных *лесных* или нападавших. Либо они уже ушли, либо у Корда сейчас большие неприятности.

Я со всех ног помчался вниз.

Торк небрежно вытерла рукавом трудовой пот со лба и бросила взгляд на висящую на цепях на стене окровавленную

тушу, в которой не каждый с первого взгляда признал бы человека. Пыточная в подвале дома купца оказалась не так уж плоха — хотя, конечно, не сравнится с храмовыми застенками, и инструментов маловато, и сработаны они более топорно — правда, хозяин вряд ли когда-нибудь предполагал, что ему придётся прочувствовать происходящее в этой комнате на собственном опыте.

— Браво, браво, — протянул Орвус, беззвучно сведя ладони, изображая аплодисменты. — Жаль, нельзя повторить на бис. Вот только, по моему скромному мнению, вырывание языка в конце было немного излишне.

Торк с неприязнью взглянула на инквизитора, рассевшегося в противоположном конце помещения в кресле, которое по его повелению принесли с первого этажа дома храмовники, с бокалом вина в руке. Он прохлаждался, пока она работала, а теперь ещё смеет попрекать тем, что она слегка увлеклась. В конце концов, купец уже трижды повторил всё, что их интересовало, и слушать дальше его бормотание и стоны было совсем ни к чему.

— Не надо хмурится, Торк, — наигранно улыбнулся инквизитор. — Ваш подход к делу впечатляет! Кто был вашим учителем? Впрочем, не утруждайтесь, один только Поцелуй Мастера говорит о многом. Великий и непревзойдённый магистр-экзекутор Флавий Оренто, — Орвус многозначительно ткнул пальцем вверх, — жаль только, что он не дожил до наших дней.

Торк хотела было вспылить, но вспомнив, с кем имеет дело, а в особенности о знаке Первостепенной Силы, подавила приступ гнева. Опустив окровавленные руки в специально подготовленную кадку с водой, она принялась тщательно вымывать их. Вода быстро окрасилась в алый цвет, но Торк, вопреки здравому смыслу, забавлялась игрой красок, будто её руки были не в крови замученного человека, а запачканы акварелью. Да, в такие минуты Торк казалось, что она выдающийся художник, инквизитор всегда творчески подходила к процессу дознания.

«Животное», — подумал Орвус, продолжая улыбаться.

На купца, да прибудет его грешная душа в свете, инквизиторы вышли довольно быстро. Про — хитрый лис, обводивший святую инквизицию вокруг пальца уже который год — был жестоко наказан. Отступник выдал всю имеющуюся информацию и даже ту, в которой инквизиторы и не нуждались, правда, бедняга не пережил дознания. Дело оставалось за малым. Бокан и отряд храмовников захватили дом купца, смяв безалаберное сопротивление. Всеединый верно указал путь инквизиторам, и вскрытый ларец явил на свет группу *лесных*,

которых уже готовили к продаже. Со слов купца стало ясно, что поспели храмовники вовремя. Ещё бы час-два, и добыча уплыла бы с заморским кораблём в края столь далёкие, где слово Всеединого становится пустым звуком, а власть Храма меркнет в снегах и морозах.

— Ты закончила, Торк? — спросил Орвус. — Нам пора выдвигаться. Бокан почувствовал опасность, а это значит, что лесных разыскивают. Мы и так уже задержались на четверть часа.

— Орвус, как ты получил знак силы? — Торк пропустила предостережения мимо ушей. — Сколько я тебя помню, ты всегда слыл лизоблюдом и снобом. А Палур? Да вас все считали… гхм, ну ты понимаешь меня. И тут вдруг ты встаёшь чуть ли не на одну ступеньку с Боканом. У тебя меняется тембр голоса, проскальзывают командные нотки. Зачем этот маскарад, Орвус?

Инквизитор хитро прищурился. Размяв якобы затёкшую шею, он одним глотком осушил стакан:

— Тебе что-нибудь говорит словосочетание квантовая физика? — повёл бровью Орвус.

— Что? — Торк сморщила лоб, пытаясь понять, ослышалась она или инквизитор уже успел набраться.

— Понятно, — презрительно ухмыльнулся тот, поднимаясь с кресла. — Так ты закончила?

— Да.

— Тогда в путь! — инквизитор указал женщине на дверь.

Торк не стала вдаваться в полемику и выпытывать у меченного знаком Первостепенной Силы, что такое «квантовая физика». Придёт время, и магистр Девилиус сам ей всё расскажет. Должно быть, это какой-то новый метод дознания, о котором знает Орвус, но не знает Торк. Пусть! Пусть этот сноб насмехается. Когда Торк получит знак, а может быть и Скипетр Инквизитора, когда кости наконец упадут в её пользу… тогда!

Дверь слетела с петель, словно её вышибло тараном. Торк сумела отшатнуться в последний момент. Орвус соображал явно быстрее. Вытащив из-за пояса Глас Божий, инквизитор направил оружие в направлении дверного проёма, который был окутан облаком пыли. Святой луч Всеединого сверкнул в затемненном помещении и с шипением врезался в стену. Орвус повторил попытку и призвал божественную силу. На этот раз жёлтый луч растворился в проёме. Что-то звякнуло. Послышалась ругань…

Я перескакивал через ступеньки, но понимал, что опаздываю. Снизу раздался грохот, затем я увидел отблески жёлтых вспышек, и моё сердце сжалось в комок. Я преодолел два пролета на одном дыхании. Внизу царил полумрак.

— Корд, — шепотом позвал я.

— Давай, Орвус! — кричала женщина. — Да снизойдёт гнев Всеединого!

— Корд! — чуть громче позвал я, прижимаясь к стене.

— Аааа… Лес мой отец, — услышал я стон. — Шипастую лиану тебе… ааа…

Я, стараясь не шуметь, пошёл на стоны. Желтые росчерки пару раз сверкнули в опасной близости от меня. Я предпочёл не испытывать судьбу и лёг на холодный пол — это меня и спасло. Стрелок вёл прицельный огонь, даже не видя меня. Плохо дело. Простреливает границу мёртвой зоны не щадя батарей, опытный мерзавец.

Прижимаясь к холодным камням, я полз вперёд. Из развороченного дверного проёма то и дело доносились женские возгласы, комментирующие каждую вспышку.

— Мать твою, Корд! — вскипел я, добравшись наконец до раненного напарника. — Ты чем думал?!

Корд молча стиснул зубы и попытался дотянуться до эфеса оброненного меча, но я его остановил:

— Регенерируй, Корд!

Больше я не сказал ни слова. Корд на рожон не полез, видимо что-то прочитав в моих глазах. А я был зол!

Орвус замер, прислушиваясь. Глас Божий грозное оружие. Луч Всеединого способен разделить человека надвое, но что-то подсказывало инквизитору, что за порогом был вовсе не человек.

Лесной! Кто ещё мог разворотить дверь с такой силой? Разве что Бокан.

— Ну, Орвус! — прокричала Торк. — Что же ты медлишь?!

— Утихни, — скривился инквизитор. — Думай, как нам выбраться из подвала.

— Выбраться? — Торк удивлённо приподняла брови. — У тебя святое оружие в руках, Орвус. Опомнись!

Вспышка. Жёлтый луч впивается в дверную коробку. Вспышка. Шипит камень.

— Святой Велирий! — воскликнул Орвус. — Я поджарю твои пятки, еретик! Покажись!

— Велирий тебя не услышит, инквизитор, — раздался приглушённый голос из коридора. — Экономь заряд, Орвус…

Инквизитор презрительно фыркнул и дал ещё два залпа сквозь стену, но вопреки всем ожиданиям храмовника из коридора раздался лишь смех:

— У тебя есть шанс уйти, инквизитор, — на мгновение в дверном проёме показался силуэт человека.

Орвус выстрелил.

— Ну же! — прокричали из коридора.

— Да прикончи ты его! — взвизгнула Торк, вскидывая арбалет.

— У тебя осталось два-три залпа, Орвус, — вновь прозвучал голос из коридора.

— Хрена тебе, зелень треклятая! — выругался инквизитор. — У меня есть запас! — И добавил шепотом: — Торк, попробуй добраться до окна.

Женщина недоумённо покосилась в сторону зарешёченного маленького окошка у самого потолка.

— Зачем? Мы может воспользоваться и дверью.

— Там лесной, — коротко бросил инквизитор, не отводя глаз от проёма и, покосившись на своё оружие, прошептал: — А у меня и впрямь заряд на исходе.

— У тебя Свет Всеединого!

— А у меня только стилет, — хмыкнул лесной.

— Покажись, еретик и, быть может, мы сохраним тебе жизнь! — Торк решила взять инициативу в свои руки.

— Если я покажусь, милочка, то тебе не собрать костей своего дружка!

Я продолжал тянуть время, пока Корд болезненно регенерировал. Нет, конечно же, я не нуждался в помощи напарника и давно бы мог рискнуть. Скорее всего, я бы сумел уничтожить обоих инквизиторов, но это всё же риск. Инквизиторы не так глупы, как может показаться наивному молодняку. Вдруг у Орвуса за пазухой имеется припрятанный козырь, а если со мной что-то случится, Корд в данный момент окажется совершенно беспомощным.

— Ты как, парень? — спросил я.

— Посредственно, — скривился Корд. — Не думай обо мне.

— Смерть этих, — я кивнул в сторону подвала, — малозначительна, а ты мне ещё нужен.

Корд на это лишь пожал плечами.

Орвус понимал, что его положение безвыходно. В рукопашной схватке инквизитор проиграет лесному. Торк он в расчёт не брал — женщина не понимает и даже не подозревает, кто находится по ту сторону проёма. А вот Орвус успел разглядеть страшный шрам на лице седовласого лесного.

— Лезь к окну, — приказал Орвус, — и не задавай лишних вопросов.

— Мы уходим! Слышишь, седой?!

— Давно пора. Передавай Бокану привет, если встретишься, — голос злорадствовал.

— Откуда он знает о магистре? — Торк быстро соорудила баррикаду из разного хлама и теперь карабкалась к окну.

— Я много чего знаю, Торк, — голос смеялся.

Орвус молчал. Когда Торк наконец добралась до окошка, инквизитор резко поднял ствол импульсного ружья и выстрелил в решётку, расплавив металл.

— Они уходят, — сообщил мне Корд.

— Я знаю, — невесело улыбнулся я. — Этого я и добивался.

Корд явно не уловил ход моих мыслей.

— Уходи к корчме и дожидайся меня там.

— А ты?

— А я должен разведать обстановку, — криво ухмыльнулся я и тенью проскользнул в окошко, в котором скрылись инквизиторы.

— Как он выглядел?! — в третий раз потребовал повторить магистр-храмовник Бокан.

Орвус и Торк переглянулись, оба одинаково неуютно чувствуя себя под пристальным, будто сверлящим взглядом единственного глаза магистра.

— Седой, со шрамом на щеке, — задумчиво протянул Бокан, не дожидаясь ответа инквизиторов, машинально прикоснувшись к изумруду в пустой глазнице. — Вряд ли среди лесных много седовласых… А шрам… да, шрам определённо должен был остаться, даже с их способностями к заживлению, такая рана не могла пройти бесследно…

— Вы знаете этого лесного, магистр? — осторожно осведомился Орвус.

— Мы встречались однажды, — зловеще усмехнувшись, сообщил храмовник. — Господа инквизиторы, наши планы несколько меняются.

— Но мы должны как можно скорее доставить пленных лесных в Храм, сами иерархи… — заикнулся было Палур, но под взглядом Бокана запнулся и умолк.

— Мы должны напомнить жителям этого городишки, что такое власть Храма и чем чревато неподчинение, — заявил магистр. — А что для этого может быть лучше Костра Очищения? Не правда ли, госпожа инквизитор?

Торк, сообразив, что обратились к ней, только кивнула, опасаясь, что это может быть очередной насмешкой над её религиозным пылом.

— А вы, господа, согласны со мной? — Не дождавшись возражений, Бокан продолжил: — В таком случае, объявите, что захваченные лесные будут казнены в полдень на площади перед здешним Храмом. Разумеется, мы не станем казнить всех, оставим… — храмовник призадумался. — Четверых будет достаточно, чтобы иерархи получили то, что хотят. А пятеро остальных познают очищение пламенем Всеединого. Есть возражения?

Если возражения у инквизиторов и были, они предпочли оставить своё мнение при себе.

— И не облажайтесь на этот раз, — прорычал Бокан в лицо Орвусу, схватив его за шиворот и вздёрнув в воздух. — Те двое, которых ты упустил в доме купца, придут спасать своих сородичей. И если седой уйдёт с площади живым, то иерархи узнают, что во время операции в гавани погибло несколько подающих надежды молодых инквизиторов. — Храмовник обвёл взглядом всех троих. — Я выразился достаточно ясно или следует назвать погибших по именам?

Весть о предстоящей казни лесных облетела всю Гавань меньше чем за пару часов. На площади перед малым Храмом — такой имелся даже в этом городе, хотя и порядком заброшенный, в нём было всего несколько престарелых служителей, из-за отсутствия должного религиозного рвения так и не получивших статус инквизиторов и сосланных в самый захудалый храм, чтобы и от таких бездарей была хоть какая-то польза — уже установили пять столбов, обложив их дровами.

— Мы должны спасти их! — настаивал Корд.

— Мы не сможем этого сделать, — в который уже раз повторил я. — Мы едва выбрались из подвала того купца, а там был всего один инквизитор.

— Двое, — тут же возразил он.

— Женщина не в счёт, — отмахнулся я. — Она не из числа посвящённых, в отличие от мужчины. А есть ещё второй, у которого может быть что-то посерьёзнее импульсника — хотя тебе и этого хватило. Не говоря уж… — я придержал язык, но поздно.

— А что ещё? — тут же зацепился Корд. — Чего ты недоговариваешь?

— Ты слышал, кто возглавляет храмовников?

— Какой-то магистр, у него ещё имя странное…

— Бокан, — напомнил я, машинально прикоснувшись к шраму на щеке. — И это не имя, просто аббревиатура.

Корд на несколько секунд задумался, вспоминая всё, что знал об Эпохе Хай-Тек, как именовал времена до появления

инквизиции Основатель в своих записях. Сообразив, юноша едва не подпрыгнул.

— Боевой киборг-андроид?! — недоверчиво выпалил он. — Не может быть, чтобы хоть один уцелел до наших дней, да ещё и служил инквизиции. Ведь Храм запрещает любую технику…

— А бок тебе поджарили Светом Всеединого? — съязвил я. — Или всё же это был импульсник? Инквизиторы много говорят и много запрещают — но только другим, а не себе.

— Но андроид… Ведь это из-за них началось Восстание…

— Они послужили только предлогом, мол, не смеют люди создавать нечто по образу и подобию, оскверняя замысел Всеединого, и всё такое, — хмыкнул я. — При этом андроиды сражались по обе стороны, святоши отнюдь не гнушались использовать «скверну» в своих целях. С чего бы им вдруг менять принципы? Конечно, не думаю, что многие в курсе, кто такой на самом деле Бокан. Я и сам об этом узнал только когда вырвал ему глаз…

— Ты вырвал глаз боевому андроиду?! — у Корда отвисла челюсть.

— Повезло, — пожал плечами я, вновь потерев шрам. — Он мне в ответ всю челюсть разворотил. Знал бы я на кого нарвался, драпанул бы так, что он обоими глазами видел только пыль у меня из-под ног. Второй раз испытывать судьбу не стану. Я всё-таки всего лишь человек…

Корд хотел возразить, но смолчал. Уставился в пол, нервно облизывая губы.

— Но молодёжь надо спасать, — наконец выдавил он. — Я отвлеку Бокана на себя, а ты освободишь их.

— Он тебя в клочья разорвёт.

— Пусть сначала догонит. Я быстро бегаю. Ты справишься раньше, чем я устану…

Да, Корд в конце концов устанет, а Бокан нет. Юноша явно вздумал умереть героем. И я бы даже принял его план — девять пленников важнее одного Корда, — вот только замысел всё равно неосуществим.

— Андроид не погонится за тобой. Инквизиторы меня видели, так что он знает, что я здесь. И Бокану нужен не какой-то сопляк, а тот, кто вырвал ему глаз. Вся эта казнь — ловушка для меня. Иерархи наверняка приказали доставить лесных в Храм, но Бокан решил оставить только четверых, использовав остальных как приманку.

— Так что мы будем делать?

— Пока ничего. Дождёмся, пока они уберутся из города, и рискнём напасть по пути. Я свяжу Бокана боем, а ты освободишь

или убьёшь оставшихся четверых пленников. Скорее всего, придётся убить, уйти вам не удастся. Да и тебе самому придётся покончить с собой — никто из нас не должен попасть в лапы инквизиторов.

— Ты вот так запросто готов обречь на смерть дюжину человек? И чем в таком случае ты лучше храмовников?

— Тем, что сам буду в этой дюжине. Хотя среди инквизиторов полно фанатиков, готовых умереть за своего бога и свои идеи. Таких даже большинство, пожалуй, девять из десяти. Так что, ничем я не лучше, да никогда и не претендовал.

— А раз мы не лучше их, то зачем вообще что-то делать? Пусть прорываются в Лес, перебьют всех наших, нам-то с тобой уже всё равно будет…

— Брось, мальчик, — усмехнулся я. — Методом от противного ты меня тоже не убедишь. Ты же сам понимаешь, что мой вариант единственно возможный реально. А все философские вопросы — кто лучше, кто хуже — я лично оставляю решать тем, кому больше заняться нечем. Все люди становятся фанатиками, когда дело доходит до их личных интересов и принципов, и каждый уверен, что именно его взгляды верны.

— Тогда я один пойду на площадь! Так мне велят мои принципы! — Корд разошёлся не на шутку.

— А твои принципы не возражают против уничтожения твоего народа?

— Ты сам сказал, что мы ничем не лучше инквизиторов, так какая разница?

— Каждый по отдельности может и не лучше. Идеальных людей не бывает, у всех свои недостатки. И мы не святые. Но наше общество определённо лучше. Мы никого не притесняем, не ставим себя выше других. Людей, приходящих в Лес, принимаем как равных. А то, что приходят не многие, не наша вина. Силой никого не тащат, ни в чём не убеждают, каждый делает выбор сам.

— Вот именно, что мы даже не пытаемся спасти людей!

— Спасти их от собственной глупости? Если верят пропаганде инквизиторов и боятся рискнуть — это их дело, их выбор. Спасать кого-то против его воли — не наш метод. Рано или поздно инквизиция развалится, в конце концов вся их техника и оружие выйдет из строя, они больше не смогут демонстрировать свои липовые чудеса. Тогда наши потомки наконец выйдут из Леса и покажут людям возможность жить в гармонии с природой и с собой, не переделывая и ломая мир под себя, а подстраиваясь под него.

— Тебя понесло на проповеди, — урезонил меня Корд.

— Ты хочешь, чтобы храмовники проникли в Лес, уничтожили наших братьев и захватили Коконы, чтобы создать себе армию генетически модифицированных солдат?! — продолжал распаляться я. — Со всеми сведениями, оставленными нам Основателем, они разберутся в генной инженерии не хуже, чем мы. И запрет на изменение творений Всеединого их не остановит.

— Ладно, ладно, ты меня убедил, — всплеснул руками Корд.

— Неужели ты думаешь, что если б мог, я не спас бы молодёжь? Если бы это помогло, я не задумываясь прямо сейчас выбросился бы из окна или пошёл прямиком к Бокану и… — я запнулся, осенённый идеей. — А ведь это может сработать…

— Что именно? — тут же заинтересовался Корд.

— Дело может и не выгореть, но в крайнем случае отряд зачистки должен быть уже на подходе, если они вышли на следующий день после нас, то сумеют перехватить инквизиторов по дороге, так что мы можем себе позволить рискнуть. Весь вопрос в том, насколько я нужен Бокану. Он не человек и не испытывает эмоций, но в боевых андроидов заложена необходимость уничтожить врага любой ценой, особенно если враг сумел повредить самого андроида — чтоб другим неповадно было, и все знали, что кара неминуема…

— Говори яснее, — потребовал Корд.

И я изложил ему свой план.

Посмотреть на казнь, казалось, пришли все жители города. Но в отличие от обычной в таких случаях ситуации, никто не выкрикивал хвалы Всеединому и инквизиторам, не проклинал презренных еретиков, не стремился получить благословение у служителей Храма. Толпа хранила молчание, только иногда раздавался глухой ропот. Даже потасовок из-за попыток протолкнуться в первые ряды не возникало.

Впрочем, на площади собралось определённо не всё население. Не было ни женщин, ни детей, ни стариков. Только мужчины, большинство откровенно разбойничьего вида, многие при оружии — а вероятно, даже все, просто остальным хватало приличия его прятать.

Рыцари-храмовники образовали оцепление, но никто и не пытался прорваться. На самом деле, толпа больше походила на армию, выстроившуюся ровными рядами в полушаге от линии солдат — как раз оставалось место для замаха коротким мечом или топором, но не алебардами, которыми были вооружены рыцари.

— Это мужичьё не осмелится бунтовать, — пробубнил себе

под нос Орвус.

— Конечно, нет, — фыркнула стоящая рядом Торк. — У них перед глазами наглядный пример того, что с ними в этом случае будет.

Она махнула рукой в сторону Храма, на фасаде которого болталось полтора десятка повешенных. Некоторые лоточники, посмевшие превратить прихрамовую площадь в базар, возмутились попыткам храмовников их прогнать, за что и поплатились.

— А по-моему, они в таким настроении именно из-за наших демонстративных карательных мер, — буркнул Палур.

— Ты же сам приказал повесить этих смердов, — зашипел на него Орвус.

— А почему ты меня не остановил? — пожал плечами тот.

— Хватит дрожать, — рыкнул на них подошедший Бокан. — Всё идёт по плану. Эти бандиты могут быть сколько угодно недовольны, но ничего не сделают. Они знают, что числом сомнут моих рыцарей, но при этом и сами полягут во множестве. А никто не пойдёт в первых рядах на смерть. Они же не воины. Многие даже не очень-то верующие и не торопятся на встречу с Всеединым. Да он и не приветит тех, кто выступил против его верных слуг, а? — Из-за тона последняя фраза прозвучала как насмешка.

Внезапно из толпы выступил светловолосый парень. Храмовники тут же скрестили алебарды, преграждая ему дорогу.

— Это же один из лесных! — воскликнула Торк.

— Но не тот, который нужен! — рыкнул Бокан.

— Эй, одноглазый, — выкрикнул лесной. — У меня к тебе предложение от того, кого ты ищешь!

Бокан махнул рукой, приказывая рыцарям пропустить пришедшего.

— Говори, — потребовал магистр.

— Отпусти пленников и тот, кто вырвал тебе глаз, придёт, чтобы забрать и второй, — нагло провозгласил юноша.

— У меня другое предложение, — отозвался Бокан. — Пусть он сразится со мной и если победит, то вы все сможете уйти.

— Не держи нас за дураков, магистр Болван, — расхохотался лесной.

— Ты ведь понимаешь, что не уйдёшь отсюда, если твой приятель не явится. Хотя — в любом случае не уйдёшь, — Бокан равнодушно пожал плечами, проигнорировав оскорбление.

— Я-то может и не уйду. А вот Вырвиглаз очень даже уйдёт. Выбирай — мы или он.

— Пусть приходит, — кивнул храмовник.

— Сначала отпусти пленных. Всех девятерых.

— Ты не умеешь считать, лесной уродец? — притворно удивился Бокан. — Их только пять.

— Я вижу, предложение тебя не интересует…

Корд продолжал торговаться и паясничать, отвлекая на себя всеобщее внимание. Это позволило мне незаметно проникнуть в Храм и освободить четверых пленников. Охранявшие их двое рыцарей не стали серьёзной помехой, а шум из храмовых подземелий не достиг площади. Даже если в остальном замысел провалится, миссию в целом уже можно считать успешной — по сравнению с тем, как могло обернуться. Но то, что Корда ещё не схватили, придавало уверенности в успехе.

Выбравшись через окно с боковой стороны Храма, я отправил молодняк прочь из города, а сам вернулся на площадь, затесавшись в толпу.

— Так что же, магистр Болван, ты боишься встречи с Вырвиглазом и предпочитаешь, чтобы голову тебе открутил я? — продолжал представление Корд.

Ну за прозвище Вырвиглаз он мне ответит! Если каким-то чудом вдруг оба живы останемся — сам его прибью!

Наконец Бокан принял условия и приказал освободить привязанных к столбам лесных. Но выпускать их с площади он не намеревался. Что ж, я в этом и не сомневался, андроид ужасно предсказуем — просчитывает все варианты и выбирает оптимальный. Остаётся надеяться, что я не ошибся и в том, что он не полностью понимает человеческую природу — впрочем, люди и сами её не понимают.

— Я здесь, — объявил я, выступая вперёд.

Как только все взгляды обратились на меня, Корд сделал свой главный ход. Дёрнул руками, вытряхивая из рукавов метательные ножи, и послал их в полёт.

Один из инквизиторов упал с пробитым горлом — тот, который стрелял в Корда, не удержался всё же мальчишка от мести. А вот второй нож вонзился в генератор силового поля, закоротив его. Инквизиторы оказались достаточно умны, чтобы накрыть центр площади защитным куполом, не пропускающим как энергетические, так и любые быстро движущиеся предметы — стрелы, метательные ножи, даже камни. Но при этом умудрились ужасно сглупить, пропустив внутрь парламентёра, не отобрав у него оружие. Впрочем, это всё равно не помогло бы — Корд мог отнять алебарду у рыцаря или придумать что-то ещё.

Впрочем, случившееся не слишком обеспокоило Бокана. Он посчитал, что раз мы оба уже здесь, то быть подстреленным

издали из импульсника ему не грозит. В этом он, конечно, был прав, тем более что у нас и не имелось энергетического оружия.

— Отличный денёк, чтобы прикончить парочку инквизиторов, — заявил я, вступая в ограниченный солдатами круг.

Толпа отозвалась одобрительным гулом.

Бокан не снизошёл до словесной перепалки. Он увидел перед собой цель и начал её выполнять. Выхватив из-за спины двуручный меч, андроид кинулся в атаку. Я встретил его своим клинком.

Прямое парирование было для меня невозможно — не в человеческих силах мериться мускулами с андроидом. Никакие генетические модификации здесь не помогут — если я по силе был равен троим, то он — по меньшей мере десятку. Оставалось уповать на ловкость и быстроту реакции. О победе я даже не думал — только продержаться достаточно, чтобы Корд успел увести молодняк достаточно далеко. Хватит срыва всего одного элемента многоходового плана, чтобы всё полетело насмарку. Ни единое разумное рационально мыслящее существо не пошло бы на такой риск. Только человек.

Я усмехнулся этой мысли, отводя в сторону очередной смертоносный выпад. Пока мы бились в пределах человеческих возможностей, и зрители с увлечением следили за поединком, подбадривая выкриками. Но постепенно темп боя возрастал, скоро он выйдет за пределы моих сил, а пока даже возможности бежать не было. Оставалось уповать, что Корд сумеет разыграть и следующий свой ход.

— Что происходит?! — в панике взвизгнула Торк, когда Орвус упал с ножом в горле.

Палур и сам был не в том состоянии, чтобы разъяснять ситуацию, а остальным и вовсе было не до неё.

Магистр-храмовник и седой лесной сошлись в поединке. А молодой парламентёр выхватил из-за пояса пару кинжалов с тонкими лезвиями и бросился прямиком на рыцарское оцепление. Все солдаты были облачены в полный доспех, включая и глухие шлемы. Но такие клинки, какими воспользовался юноша, когда-то были предназначены для добивания тяжело раненых рыцарей на поле боя — ударом в забрало. И их функциональность в очередной раз подтвердилась.

Двое храмовников упали замертво, а парень проскочил оцепление и ввинтился в толпу. Чтобы через минуту выскользнуть в другом месте и поразить ещё пару рыцарей. Солдаты отступили назад, стремясь разорвать роковую

дистанцию и применить алебарды, но толпа слаженно нахлынула вперёд, сведя их усилия на нет.

— Смерть инквизиторам, смерть! — раздался выкрик, а в следующий миг арбалетный болт вонзился в глаз Палуру.

Торк, стремясь избежать той же участи, бросилась на землю и отползла за связки приготовленных для Костра Очищения дров.

Стрелы, болты, ножи и камни из пращей полетели со всех окрестных крыш — Гильдия Убийц, получив две котомки золота, приняла заказ: «Прикончить побольше святош или хотя бы внести сумятицу». Латникам снаряды особого вреда не причиняли, хотя несколько наиболее метких арбалетчиков сумели всадить болты прямиком в забрала оказавшихся точно на линии огня рыцарей.

Оцепление оказалось разорвано. Сломав строй, храмовники уже не могли прикрывать друг друга. Стоящим в первых рядах толпы бандитам по цепочке передали мечи и секиры. В Гавани никогда не любили храмовников и не признавали власть инквизиции, а вызывающее поведение и казнь местных жителей довершили дело. Немалую роль сыграл и слух о том, что святоши привезли много золота, собираясь восстановить местный Храм. Половина рыцарей ещё стояли на ногах, когда с павших уже начали стаскивать доспехи мародёры.

Я полностью сосредоточился на бое, кроме Бокана и его меча всё остальное перестало для меня существовать. Не было времени даже оценить обстановку. Судя по дошедшим до моего сознания звукам, план увенчался успехом. Но лично для меня это ничего не меняло — исключая тот факт, что теперь я мог умереть с чувством выполненного долга. Скорость схватки давно вышла за пределы человеческого восприятия, должно быть для окружающих мы с Боканом выглядели как смазанные пятна. Я выжигал последние резервы организма, даже убежать теперь уже не осталось бы сил. Но это было в любом случае невозможно — стоит разорвать боевой контакт хоть на полсекунды, и клинок андроида располосует меня на части. Помощи ждать бессмысленно — мы слишком быстро двигались, чтобы кто-то мог уследить и вмешаться, к тому же стрелами и мечами сразить андроида почти невозможно.

Я запоздал лишь на миг, и меч Бокана рассёк мне подколенные сухожилия. Я не удержался на ногах и упал. Андроид не стал спешить, решив продемонстрировать своё торжество всем. Он замедлил движения до уровня человеческого восприятия и занёс клинок. Сверкнула короткая вспышка, и правая рука Бокана вместе с мечом упала на землю. Я оглянулся и увидел Корда с импульсником в руке.

— Добьёшь его сам или предоставишь эту честь мне? — осведомился он.

— Стреляй! — рявкнул я.

Нашёл время позёрствовать! Боевой андроид и с одной рукой сумеет уложить половину народа на площади.

Корд прицелился, но выстрела не последовало.

— Проклятье, кажется, заряд сдох, — выругался он. — Этот гад, — последовал пинок мёртвому инквизитору, — всё на меня растратил.

По лицу Бокана расплылась зловещая ухмылка.

— Ничего, у второго святоши тоже такая штука есть, — жизнерадостно объявил Корд, потянувшись за другим импульсником.

У Бокана был некоторый шанс успеть прыгнуть и достать Корда раньше, чем тот вооружится. Но при этом нужно было перепрыгнуть через меня. Я знал, что у меня не хватит сил даже протянуть руку и схватить его за ногу, но андроид, похоже, оценивал меня выше, чем я сам. Он развернулся и рванул прочь, разбрасывая всех оказавшихся на пути.

— Эй, куда! — возмутился Корд. — А как же последнее слово? «Вы все ещё поплатитесь» или что-то в этом роде?! Святоша ты или кто?!

Толпа вокруг захохотала. Они ещё не начали соображать, что Корд воспользовался «святым» оружием, а из отсечённой руки магистра не вытекло ни капли крови. И не задумались о том, кто такие мы с Кордом — а лесных в Гавани любят не больше, чем инквизиторов. И главное — не начали искать несуществующее золото. Надо было срочно убираться отсюда. Избежать смерти в бою с последним боевым андроидом, чтобы быть растерзанным толпой бандитов? Ну уж нет!

Корд поднял меня, почти что закинув к себе на спину — идти самостоятельно я не мог.

— Кретин, в голову андроиду сразу стрелять надо было, — прошипел я ему на ухо.

— А куда я, по-твоему, целился? — фыркнул он. — Я вообще-то первый раз из такой штуки стрелял, это тебе не арбалет, мог и вовсе промазать.

Торк грубо схватили за волосы и вытащили из укрытия.

— Кто это тут у нас? Никак барышня-инквизитор, — глумливо протянул один из троицы стоящих перед ней бандитов.

— Вы не смеете… — начала Торк, но удар по лицу заставил её замолчать.

— Страхолюдина, конечно, но за пару монет купят, — заявил

другой.

— Я инквизитор…

— Плевать, — отмахнулся бандит. — Под балахоном у тебя то же, что у всех. А мы нынче непривередливые. Может, даже и с другими поделимся.

Все трое захохотали.

Возвращение долга

— По предварительным данным катастрофа в системе Авалона унесла жизни более трёх миллионов человек. Сведения о численности коренного населения отсутствуют. Пока уточняется информация о количестве присутствовавших на планете незарегистрированных лиц. Как бы то ни было, это ужасная трагедия и непомерная цена за попытку жителей Авалона получить независимость от Земной Федерации.

Правительство категорически отрицает возможность того, что причиной обращения звезды Авалона в сверхновую могло послужить какое-либо оружие, применённое Седьмым Звёздным Флотом, обеспечивавшим блокаду планеты, равно как и бунтовщиками. Галактическая Академия Наук также однозначно заявила, что на данный момент человечество или иные известные расы не располагают оружием, способным взрывать звёзды. Более того, даже теоретически почти мгновенно превратить стабильную звезду в сверхновую считается невозможным. Было высказано предположение, что случившееся вызвано смещением тоннеля гиперперехода, так, что он прошёл через центр звезды. Эта гипотеза не может быть подтверждена или опровергнута по причине отсутствия достаточной информации об устройстве и принципах работы гипертоннелей. Действительно ли наследие затерявшихся в веках Предтеч послужило причиной гибели трёх миллионов человек останется нам неизвестно.

Ватикан выразил точку зрения, что случившееся было карой Божьей бунтовщикам за, цитирую: «желание предать души свои тьме предвечной, обратив поклонение своё идолу инопланетному». Чем, в таком случае, провинились солдаты Седьмого Флота, объяснено не было. Представители остальных двухсот восьмидесяти тысяч ста двадцати трёх официальных религий пока не высказывали публично своё мнение о произошедшем.

Как обычно, в то время, когда доблестные воины Звёздного Флота гибнут на своих постах, всяческие мерзавцы и подонки умудряются проделывать свои тёмные делишки. Непосредственно перед превращением звезды Авалона в сверхновую, на планету приземлился

корабль, опознанный как штурмовик старого образца, по данным Флота находящийся в руках отряда рейдеров под командой небезызвестного Курта Даркхока. Вопреки устоявшемуся мнению о невозможности выхода из гиперпространства вблизи значительных гравитационных масс, корабль рейдеров появился почти на орбите Авалона, обойдя тем самым блокаду, а через час покинул систему таким же образом. Знал ли Курт Даркхок о грядущей гибели системы и что забрал с планеты, остаётся невыясненным. Его причастность к восстанию или катастрофе также невозможно установить. На поиски рейдеров, ставших единственными уцелевшими свидетелями трагедии, брошены все доступные резервы.

С вами были Галактические Новости и я, Лорелея Делейн.

Брошенный сапог метко впечатался в экран, прямиком в лицо женщины, и отскочил, не причинив вреда.

— Выключить экран! — рявкнул мужчина, подбирая обувь.

— Чего ты бушуешь, Курт? — осведомилась сидящая в кресле справа брюнетка. — Обиделся на характеристику мерзавца и подонка? Вряд ли это личное…

— Ещё какое личное, — буркнул Курт. — Она была моей третьей женой.

— И все бывшие жёны так лестно о тебе отзываются?

— Только три. Ещё две говорят обо мне исключительно нецензурно.

Девушка в ответ усмехнулась.

— Ну что, господин небезызвестный рейдер, может хоть теперь наконец расскажешь, зачем мы уволокли с той планеты это «идолище поганое»? Неужто ты решил заняться торговлей антиквариатом?

— Вот ещё, — хмыкнул Курт. — На такую мелочь не размениваюсь. Лучше как в прошлый раз перехватить какой-нибудь рудовоз из Пояса Ориона. Цены на орионит, кстати, подскочили.

— Хм, а между прочим, откуда ты получаешь информацию о таких перевозках?

— От шурина — брата моей второй бывшей жены, — отмахнулся рейдер, думая о чём-то другом. — Сандра, зачем тебе это знать? Хочешь организовать свой отряд?

— Да нет, просто любопытно, — пожала плечами девушка. — Странно, что твоего родственника до сих пор не вычислили. А

насчёт идола — тоже его наводка?

— Нет, он тут не причём. Да и как его вычислят? Напрямую мы не связываемся. И говорю же, он не мой родственник, а бывшей жены.

— А она сейчас где? — полюбопытствовала Сандра.

— Вышла замуж за таукитянина и улетела в созвездие Лебедя, — расхохотался Курт.

— Погоди-ка, в системе Тау Кита обитают разумные головоногие, вроде земных кальмаров, — нахмурилась девушка.

— Я всегда говорил, что у Бэтти — моей второй бывшей — ужасный вкус.

— А в созвездии Лебедя только одна открытая планета пригодна для обитания, да и то не очень — пустыня.

— Точно, только абсолютно чокнутый кальмар, страдающий водобоязнью, и мог польститься на Бэтти, — согласился Курт.

— Ты хоть знаешь, что только что дважды сам себя оскорбил? — ехидно уточнила Сандра. — Ладно, я поняла. Не буду задавать глупых вопросов, чтобы не получать соответствующих ответов. В конце концов, это и впрямь не моё дело. А вот по поводу идола даже не пытайся отшучиваться.

— Ты его просканировала?

— Да, в том числе и техникой. Обычная каменюка по всем параметрам.

— Проклятье, так и знал. Выходит, зря я тебя в это втравил, раз твои сенситивные способности ничего не показали, — сплюнул Курт.

— А что они могли показать? — заинтересовалась Сандра. — Ты думал, это не камень? А что?

— Ну, это мог быть живой Древний… — протянул мужчина.

— Древний? — девушка удивлённо вскинула брови. — Курт, какой Древний?! Радиоуглеродный анализ показал, что этой глыбе миллиарды лет. Кусок космического мусора, продукт термоядерной реакции, и никакие сенситивные способности для определения сего тривиального фактора не нужны!

— Если верить учёным, то всё, в том числе и мы, продукт термоядерной реакции, — рейдер ухмыльнулся и указал пальцем на лежащий на столике золотой портсигар. — И это тоже, и твой кулон, да и всё вокруг — родилось в звезде.

— Значит, Древний?

— Очень даже могло быть.

— Ха, скажи ещё, что это он превратил звезду Авалона в сверхновую.

— Ты знала! — возмутился Курт. — Майк проболтался, да?

— У тебя с головой в порядке? Это просто камень! Он не

может…

— Полторы тысячи лет назад люди считали, будто земля плоская, — перебил её рейдер. — Семьсот лет назад были уверены, что нельзя перемещаться быстрее скорости света. Пятьсот лет назад всё ещё сомневались в существовании экстрасенсорных способностей. — Он одарил девушку насмешливым взглядом. — Триста лет назад полагали, что других разумных рас в галактике точно нет.

— А сегодня великий рейдер Курт Даркхок докажет человечеству, что каменные истуканы могут взрывать звёзды, — пафосно продолжила Сандра.

— Ты ведь наверняка смотрела в новостях запись с Авалона. Я имею в виду не ультиматум восставших, а те камлания перед идолом с молитвами об уничтожении блокадного флота.

— Будьте осторожны в своих желаниях — они могут исполниться, — хихикнула девушка. — Ваши молитвы услышаны, да настанет Тёмная Звезда… всем без разбора.

— Думаю, попроси они хорошо прожаренный бифштекс, результат вышел бы тот же самый, — криво усмехнулся Курт. — Боги неразборчивы в средствах.

— О да, если жарить — так в планетарном масштабе, — покачала головой Сандра. — А ты спятил.

— Я тоже так думал, — буркнул Курт. — Все мы так думали, когда стали меняться.

— Меняться? Курт, да ты подсел на дахажвальску наркоту! Теперь всё объясняется. А я, дурочка, ещё надеялась.

Курт резко дёрнулся, будто всё его тело свела судорога. Дыхание рейдера участилось. Схватив дрожащей рукой портсигар, он открыл его, но вопреки ожиданиям Сандры, выудил из коробочки не зелёную дрянь с планеты Дахаж и даже не прессованную сигару из Катарской пыльцы: Курт вытащил жёлто-красную капсулу и закинул её в рот.

— О! Это что-то новенькое, — воскликнула Сандра. — Дай угадаю. Экстракт цветов Ялу? Нет — нет. Хм… порошок из берк'умских кальмаров?!

— Лекарство от кашля, — вяло улыбнулся Курт. — Только на нём и держусь. Больше никому не помогает. Чистая случайность, ты не поверишь. У меня был насморк, когда всё это произошло, банальный насморк, чёрт побери! Эти таблетки каким-то образом блокируют метаморфозы.

— Ты точно спятил… — скривила губы Сандра.

Взяв портсигар из трясущихся рук рейдера, девушка всё же решила проверить правоту слов напарника. Достав таблетку, Сандра внимательно изучила её:

— Галактическая Торговая марка, — резюмировала она. — Да, такую не подделаешь, а я пока ещё не слышала, чтобы Академия Здоровья делала наркоту. Курт, что происходит?

— Понимаешь… как тебе сказать, — видимо таблетка действительно помогла рейдеру. Курт расправил плечи, взгляд его стал осознанным. Протерев тыльной стороной ладони проступившую на лбу испарину, он принялся натягивать сапог. — Я сам толком ничего не знаю и понять не могу. Мы меняемся, Сандра. Некоторые…

— Курт, ты слышал новости? — рейдера наглым образом перебил сиплый голос пилота.

— Да, Майк. Слышал.

— Кажется, охота уже началась…

— Откуда он говорит? — Сандра удивлённо вертела головой по сторонам, казалось, голос издавали сами стены. Звук был объёмным, словно каюта была напичкана динамиками со всех шести сторон. Но голос Майка звучал даже из коридора.

— Ха! Ты ей ещё не рассказал? — Майк противно зашипел, наверное, он так смеялся.

— Пытался, но один беспардонный пилот решил поинтересоваться, слышал ли я новости! — повёл бровью Курт, будто бы собеседник находился в комнате и мог заметить эмоцию. — Выкладывай, что там у тебя?

— Три штурмовика и один эсминец только что вышли из гипера. Сейчас сканируют нас… О!

— Что?

— Берут курс на перехват, хе-хе… — прошипел Майк.

— Охотники? — Курт нахмурился, лучше бы это был патруль Звездного Флота.

— Ага, они самые. Наши действия?

— Сколько у нас времени до боевого столкновения?

— Минут пятнадцать-двадцать.

— Ждите меня на мостике… ну, или где вы там будете, — последнюю фразу Курт произнёс болезненно морщась.

— Да вы чего, ребята?! — Сандра вскочила с кресла, как ошпаренная. — Эсминец! Курт, это же охотники. Корабли этих головорезов напичканы по самое не могу такой техникой и вооружением, что твоё корыто и первого залпа не выдержит! Курт!

— Ты хотела знать, что происходит? — хитро прищурился рейдер. — Вот как раз подвернулся удачный момент. Увидишь всё собственными глазами.

Рейдер не стал дожидаться, пока девушка возьмёт себя в руки, и спешно покинул каюту.

— Нет, он точно тронулся… — прошептала Сандра и вышла следом.

— Значит, эсминец? — догнав Курта, спросила она.

— Угу.

— Эсминец охотников?

— Тяжеловато будет, — кивнул Курт.

— И всё? Тяжеловато?

Рейдер резко остановился.

— Ты мне не доверяешь? — взгляд у Курта был тяжёлым.

Сандра очень хорошо помнила этот взгляд. Быть выброшенной в открытый космос — перспектива не из приятных, уж лучше схватится в неравном бою с боевым звеном охотников.

— Доверяю, — кивнула девушка.

— Вот и отлично, — улыбнулся Курт уголком рта.

Дальше шли молча. Хладнокровие Курта поражало Сандру, но в то же время и восхищало. Курт для неё был как учитель и наставник. Не даром о нём складывали устрашающие байки, а потом травили в пивнушках на космостанциях. Но здравый смысл всё же брал верх. Курт пытается втравить девушку в дрянное дело. Сандра решила для себя, что при первой же возможности смоется с корабля на спасательной капсуле. Главное не пропустить этот момент.

В отличие от девушки капитан Даркхок сохранял полное спокойствие и уверенность в себе, своём корабле и команде. Хоть «Алур» и был штурмовым истребителем старого образца, но своими возможностями мог бы поспорить с эсминцем новейшего типа. Умельцы с пиратской базы в Скоплении Плайда за кругленькую сумму перебрали «Алур» до последнего болтика, переоборудовав и усилив судно. Получился неплохой гибрид атакующего истребителя и грузового корабля. А что ещё нужно рейдеру? Пара мощных протонных пушек и вместительный трюм!

Майк заметил Курта и помахал рукой:

— Скоро начнётся.

— Стэнли на месте? — поинтересовался рейдер.

— На месте, где же мне ещё быть, — прозвучал звонкий мужской голос из динамика.

— Отлично, — потёр руки Курт, даже не прикоснувшись к панели внутренней связи.

Но Сандру больше не удивляли подобные трюки. Девушка как завороженная уставилась на Майка. Верхняя часть тела пилота словно вырастала из пульта управления. Место слияния закрывали декоративные пластиковые панели, но подогнаны они были не вплотную к телу Майка, и в зазоре просматривалось нечто, напоминающее кусок сырого мяса, пронизанный

мерцающими прожилками.

— Что за… — только и сумела выдавить девушка.

— Ну и кто из нас свихнулся, — осклабился в довольной ухмылке Курт.

— Но…

— Две минуты до боевого столкновения, — отрапортовал Майк.

— Стэнли, ты готов? — Курт приблизился к Майку и посмотрел на голографическую проекцию системы.

Звено охотников заняло стандартное боевое расположение — игреком с ведущим эсминцем по центру, два истребителя над ведущим по диагонали и один под брюхом. Стандартная тактика боевого звена. Если противник вдруг резко изменит курс (а судно класса штурмовика способно на такой маневр) и попытается поднырнуть, уходя с прямой линии атаки, истребители будут серьёзной помехой. Лобовое же столкновение — верная смерть. Крупнокалиберные пушки эсминца распылят судно рейдеров на атомы.

— Да, — коротко ответил пират и в знак подтверждения своих слов дал залп из носовой турели.

Верхний левый истребитель мягко уклонился, пропуская протонный импульс.

— Не шали! — предупредил Курт.

— У нас канал связи, — сообщил Майк. — Эсминец жаждет аудиенции.

— Соедини.

На экране появилось круглое лицо, обильно покрытое потом с внушительным вторым подбородком.

— Курт Даркхок, предлагаем вам сдаться, в противном случае мы вас уничтожим, — предложил охотник.

— Встречное аналогичное предложение, — не колеблясь, ответил Курт.

Толстяк поджал губы, явно ошеломлённый подобной наглостью.

— У нас один эсминец, три корабля сопровождения…

— И куча всякой техники на борту, — отмахнулся Курт. — Мне это уже говорили. Может что-то ещё?

Обладатель второго подбородка как-то странно дёрнулся, нервный тик поразил его правое веко. Наконец совладав с собой, охотник с пафосом, смакуя каждое слово, вынес вердикт:

— Тогда мы сотрём вас в порошок!

Связь прервалась, и охотники дали дружный залп. Курт даже глазом не моргнул, а вот Сандра схватилась за поручни, да так, что пальцы захрустели, она явно готовилась к удару. Майк же с

любопытством наблюдал за картиной происходящего, сложив руки на груди. Для него это было забавой.

Но вопреки здравому смыслу энергетические импульсы прошли над и под кораблём. И второй и третий залп охотников угодили в «молоко». Майк лениво водил джойстиком ловя в перекрестие прицела маневрирующий истребитель. Наконец ему удалось захватить корабль противника, и он открыл ответный огонь. Истребитель уклонился и попытался уйти под эсминец, но вдруг потерял управление. Охотника закрутило, и он влетел в правый борт флагмана, оставив пробоину, внушительных размеров.

— Стэнли развлекается, — цокнул Майк языком. — Призрак, эта цель была моя!

— У истребителя на борту был не слабый арсенал, Туловище, — отозвался Стэнли. — Пора с ними кончать, Курт. Если ракеты веером пустят, я могу и не справиться.

Курт кивнул:

— Кончайте.

Майк победоносно зашипел и принялся методично расстреливать эсминец. Один из истребителей дал ракетный залп, но снаряды стали рваться один за другим. Одна из ракет детонировала в опасной близости, и корабль охотника превратился в космическую пыль. Стэнли был начеку.

Вскоре эсминец стал крениться на правый бок и, в конце концов, вошёл в «штопор». Команда явно потеряла контроль над судном.

— Стоп! — крикнул Курт. — Майк, соедини меня с толстяком.

Пилот насупился, словно ребенок у которого отобрали любимую игрушку, но команду выполнил. На мониторе вновь появилось лицо охотника — обезумевший взгляд, трясущаяся челюсть и внушительный кровоподтёк под правым глазом.

— Повторяю, предлагаем вам сдаться, — холодно бросил Курт. — Последний раз…

— Кто ты? — с трудом выдавил из себя охотник.

— Можешь считать меня Древним, — позволил себе улыбку пират.

— Хорошо, мы сдаёмся.

— Вот и отлично. Майк, Стэнли прекратить огонь!

Экран монитора погас. И Курт тяжело опустился в кресло.

— Они спасаются в капсулах, — сказал Майк через минуту. — Уцелевший истребитель пытается войти в гипер.

— Пусть уходят, — махнул Курт рукой и направился к выходу из рубки.

— И что теперь, собираешься пойти помолиться этому истукану? — нахмурившись, осведомилась Сандра, когда они с Куртом вернулись в кают-компанию.

— Вроде того, — пожал плечами рейдер.

— Я тебе ещё раз повторяю — это просто каменная глыба! Не живое существо, не разумное. Иначе я бы хоть что-то ощутила.

— Меня ты тоже не воспринимаешь сенситивно, — парировал Курт.

— Что? Я думала, ты применяешь какое-то экранирование…

— Нет. Кажется, мне следует рассказать тебе всё и ещё раз предложить высадить на любой планете по выбору. Потому что если всё случится так, как я задумал… Тебе нечего делать там, где мы окажемся.

— Разве я не член команды? — возмутилась девушка.

— Тебя ещё не было с нами, когда мы угодили в самые большие неприятности в жизни.

— Говори яснее, — потребовала Сандра.

— Как тебе известно, успешных рейдеров не так много, по пальцам перечесть. На это много причин. Большинство, совершив пару удачных нападений, просто уходят на покой. Другие продолжают рисковать и рано или поздно нарываются на патрули Флота. Чаще — рано.

— Это общеизвестно, — пожала плечами девушка. — Их беда — недостаток информации. Нужны точные сведения о перевозках, наличии частной охраны, маршрутах патрулей. Подозреваю, ты получаешь данные далеко не только от шурина — если, конечно, он не сам президент или хотя бы адмирал Флота. Сколько ты пиратствуешь? Лет десять?

— Дольше. Но тогда мы были ещё зелёными новичками, только-только собрали отряд. До этого каждый участвовал в паре вылетов в других группах, но в роли мелкой сошки. А мы хотели сразу сорвать куш и зажить роскошно. Но вместо этого нарвались на крейсер Флота. Нам удалось ускользнуть, но едва-едва, и корабль не избежал повреждений. Произошёл сбой гиперпривода.

— И вам повезло не оказаться рассеянными на атомы.

— Насчёт везения — вопрос спорный. Нас выбросило из гипера возле какой-то космической станции. Хотя… Мы с Майком до сих пор спорим — а вышли ли мы тогда из гипера? И если да — то куда, в какую реальность?

— Ты говоришь загадками. Или просто вешаешь мне лапшу на уши. В гиперпространстве невозможно держать стационарную базу. А о выходах в какие-то иные миры я ничего не слышала.

— Это мы не можем устроить в гипере базу. А вот Древние… В конце концов, они создали сами тоннели, которые до сих пор

работают. Десятки, а может и сотни тысяч лет!

— Тоннели — искривления в пространственно-временном континууме. Это тебе не тропинка в лесу, которая может зарасти, если ей не пользоваться.

— Я пробовал составить карту известных гиперпереходов, — протянул Курт, не отреагировав на замечание собеседницы. — Если соединить точки линиями в определённом порядке, то получится подобие сети. Значит, все тоннели взаимосвязаны. Я проверял схему и нашёл неизвестные точки входа там, где они должны быть по плану.

— Неужели? — заинтересовалась Сандра. — И что находится в тех системах, куда они ведут?

— По-разному. Ничего экстраординарного я не нашёл. Кое-где пригодные для жизни планеты. В других местах — вообще ничего, пустой космос. Может, раньше что-то и было.

В этот момент включился экран, на котором появилось лицо пилота.

— Сандра, не верь безоговорочно всему, что болтает Курт, — вступил в разговор Майк. — Его схема как минимум не точна. Он угадал наличие тоннелей только в половине случаев. Это можно считать совпадением.

— Или другие проходы просто закрыты, вышли из строя, — возразил Курт. — И это укладывается в мою теорию.

— Ты вообще-то начинал говорить про какую-то станцию, куда вы попали, — напомнила Сандра. — Причём тут структура расположения тоннелей?

— А притом, что, по-моему, эта станция находилась в узловой точке, на пересечении коридоров гиперпространства. И именно она поддерживает их работу! — воскликнул Курт.

— Чепуха! — тут же возмутился Майк. — Гиперсеть и тоннели — это чисто условные названия, просто для наглядности. А по сути ты просто входишь в гипер в одном месте, а выходишь в другом. Сам полёт в тоннеле — не более чем субъективное ощущение, иллюзия, возникающая из-за того, что переход не мгновенный. А сеть существует только на карте, для ориентирования. Реально точки входа и выхода соединены попарно.

— Хорошо, а если так — то куда мы собираемся сейчас попасть? — насмешливо поинтересовался Курт.

— В психушку? — предположила Сандра.

— Курт, — вздохнул Майк. — Я не особенно верю в твою затею с идолом. А если ты прав, то будь любезен, формулируй свой запрос ему исходя из целей, а не места прибытия. В центр гиперсети мы не попадём, потому что никакого центра нет.

— Я потеряла нить разговора, — призналась Сандра. — Вернёмся к станции.

— Да, верно. Станция в узловой точке, — Курт покосился на Майка. Тот поднял руки, признавая свою неспособность переубедить капитана. — Станция Древних. Не сложно догадаться, что при виде неё нас обуяло любопытство, и мы сунулись внутрь.

— И повстречали предтеч? — уточнила Сандра.

— Хм, не уверен, — буркнул Курт. — Во всяком случае, мы никого там не видели.

— И не слышали! — поспешно добавил пилот.

— Я слышал! — закричал Курт.

— Галлюцинация, вызванная асфиксией, — пожал плечами Майк. И пояснил для Сандры: — На станции произошла авария, по нашей вине. Сработали аварийные системы, отсек загерметизировался, воздух откачали, чтобы предотвратить пожар. Мы с Куртом и почти вся команда застряли там. Кислород в баллонах почти заканчивался, когда нас вытащили. Курт крупнее меня, у него кислородное голодание началось раньше. С Древними поболтал в своих глюках.

— А не ты ли в бреду бормотал: «Пилот — часть корабля»? — взвился Курт.

— Я был ранен. А теперь я действительно часть корабля, — Майк усмехнулся и развёл руками.

Сандра покосилась на монитор. Она всё ещё не привыкла к виду Майка, «растущего» из пульта управления и не смогла сдержать эмоций. Заметив её гримасу, пилот обиженно нахмурился и отключил связь.

— Это случилось после того, как мы покинули станцию, — догадавшись о мыслях девушки, заговорил Курт. — Майк был ранен, но всё равно сел за пульт. Я точно не знаю, как именно происходили его изменения. Да если б даже я и видел это, то не смог бы описать. В человеческих языках нет нужных слов.

— Что это за изменения?

— У всех по-разному. Некоторые просто исчезли в одно мгновение. Предполагаю, что перешли в пространство с большим числом измерений. С другими процесс шёл постепенно, частично контролируемо. Зрелище то ещё, определённо не для слабонервных… Изменения коснулись не только тел, так что вызвал их не биологический вирус. Майк вот изменил пульт управления, а может и весь корабль. Он запрещает мне лезть в технический отсек, не говоря уж про сам пульт. Подозреваю, там внутри и не осталось никаких микросхем и проводов, а кнопки Майк жмёт просто по привычке или для вида, наверное, только

тогда, когда я его вижу. Корабль послужил для него якорем, удержавшим в нашем мире.

— А ты сам? Ты вроде не изменился.

— Внешне — нет. Я слишком самовлюблён и эгоистичен, чтобы перестать быть самим собой, — хмыкнул Курт. — Ну и таблетки от кашля помогли. Этакий эффект плацебо. Но, думаю, медицинское обследование дало бы удивительные результаты. Я просто не хочу знать, чтобы продолжать верить.

— А все остальные исчезли?

— Стэнли ещё здесь, на корабле. Он держится, но уже не может вернуться в прежний облик. Он теперь наше секретное оружие. А некоторым даже понравились их новые возможности. Они покинули команду и зажили своими жизнями. Точно знаю, что двое — Меган и Джимми — пока в нашем измерении. С их помощью я и получаю большую часть сведений о перевозках. Но они не застревали внутри станции при аварии, оставались на корабле и вытащили остальных. Наверное, на них меньше подействовало то, что нас изменило. Чем бы это ни было.

— А что сказал тебе Древний?

— Он сказал: «Вы должны были умереть. Теперь вы живёте взаймы. Вы должны нам. Ничто не будет как прежде».

— Бред какой-то, — покачала головой Сандра.

— Да нет, всё логично и прямо в точку. Только взимать с нас должок Предтечи пока не являлись. Ну ничего, мы сами заглянем к ним в гости и уж отблагодарим за подарки от всей души, — зловеще усмехнувшись, изрёк Курт.

— Ну, допустим, перенесёт идол корабль к базе Древних, а что ты собираешься делать дальше? — поинтересовалась Сандра.

— Я предпочитаю решать проблемы по мере их поступления, так что буду действовать в зависимости от обстоятельств. Я ведь понятия не имею, с чем придётся столкнуться на станции, потому и строить какие-то планы бессмысленно, — отозвался рейдер. — Для начала нужно добиться толка от идола, чем я сейчас и займусь.

— Я с тобой.

— Нет, оставайся тут. Можешь наблюдать по монитору.

Рейдер вышел из кают-компании, оставив Сандру одну. Через несколько минут включился экран — видимо, об этом позаботился Майк. Изображение было разделено на четыре части, демонстрирующие вид с разных ракурсов с установленных в трюме камер. Глыба каменного идола по-прежнему покоилась на платформе автопогрузчика. Сандра слегка поморщилась при виде уродливого чудовища. Вероятно, дикари, придававшие статуе форму, представляли своего божка помесью разных животных,

водившихся на планете или мифологических. Длинный нос, похожий на клюв, торчащие уши хищника, сложенные на груди когтистые лапы, куцые крылья — то ли первоначально задуманные такими, то ли обколотые и сглаженные временем, — приоткрытая пасть, полная клыков, узкие щели глаз под выпирающими надбровными дугами. Вряд ли кому-либо могло придти в голову просить подобное существо о каких-то благодеяниях или милостях.

В поле обзора одной из камер появился Курт. На голове у него был глухой шлем, какие надевают пилоты истребителей. На встроенном в щиток экране обычно отображалась вся нужная информация — это позволяло сосредоточить внимание, избавляя от необходимости вертеть головой для наблюдения за показателями дисплеев и мониторов. Шлем Курта был несколько переделан — на щиток подавался вид с мини-камеры, прикреплённой на лбу. Это изображение возникло и на экране Сандры, сменив вид с одной из внешних камер.

— Курт опасается, что идол может каким-то образом гипнотизировать людей, — сообщил голос Майка. — Знаешь, религиозный транс и всё такое. Ерунда, по-моему. Камень и есть камень.

— Если он и может как-то воздействовать, то только ментально, — заметила Сандра. — А тут шлем не поможет. Но с Куртом это вряд ли удастся, я-то не могу коснуться его сознания.

— Это всё изменения, — протянул Майк. — Мы уже почти не люди. Вот будет смеху, если идол воспринимает мысли обращающихся к нему, а из-за штучек Древних мозги Курта работают на другой волне.

Голос пилота прозвучал совсем не весело. Судя по всему, несмотря на выражаемый вслух скепсис в отношении идола, на самом деле Майк всё же надеялся на чудо.

Звук с микрофона в шлеме Курта в кают-компанию не передавался. Гордый рейдер не желал, чтобы Сандра слышала, как он будет о чём-то просить каменного истукана. Падать на колени, простираться ниц и униженно молить в намерения Даркхока уж точно не входило. Впрочем, сомнительно, чтобы древнее божество нечеловеческого народа волновали ритуалы. Как именно к нему требовалось обращаться, и в каких случаях он отвечал на молитвы верующих, никто не знал. В ритуале, после которого взорвалась звезда Авалона, участвовали сотни верующих, принявших на себя обязанности жрецов, и почти всё остальное население планеты в то же время обращало свои молитвы к идолу. Но, видимо, и раньше бог исполнял какие-то просьбы своих почитателей, раз жители Авалона официально

объявили о всеобщем переходе в новую веру и одновременном отсоединении от Земной Федерации — из нежелания подчиняться иноверцам. У Курта наверняка была какая-то информация, но с Сандрой сведениями на эту тему он не делился.

Наблюдать за тем, как рейдер расхаживает перед статуей, размахивая при этом руками, было совсем не интересно. Вместо этого Сандра погрузилась в размышления обо всём, что недавно услышала — базе Древних, теории Курта о гиперпространстве, произошедших с отрядом рейдеров изменениях.

Сеанс общения с идолом Курт закончил примерно через полчаса.

— Майк, выходи в гипер! — приказал он по общекорабельной связи.

— Так точно, герр штурм-капитан, — ироничным тоном откликнулся пилот. — Что дальше? Нарушить калибровку гиперпривода, как в прошлый раз?

— Нет, вырубай привод полностью.

— С ума сошёл?! — возмутился Майк. — Нас разбросает по галактике в виде очень-очень маленьких кусочков.

— Зато на том свете ты сможешь сказать, что оставил следы по всему миру, — хмыкнул Курт. — Поверь мне. Я уверен в силе идола.

— Майк, сделай это, — прозвучал из ниоткуда и отовсюду голос Стэнли. — Я чувствую, что уже на грани, не смогу долго удерживаться.

— Ладно, парни. Капитан приказал, команда согласна, пилот выполняет.

— А моё мнение никого не интересует? — осведомилась Сандра.

— Извини, у тебя была возможность уйти, когда предлагали, — ответил Майк. — А теперь — это наше дело и решать будем только мы. Можешь подать жалобу в общество защиты прав сенситивов, если вернёшься.

— Хватит пораженческих настроений! — рыкнул Курт. — Майк, вырубай привод. Я за орудийным пультом. Стэнли — ты сам знаешь, что и как делать. Сандра — делай что хочешь, только не молись, ещё не хватало, чтобы идол услышал и отреагировал.

— А истукану распоряжения отдать ты не хочешь? — съехидничал пилот. — Эх, как говорится, двум смертям не бывать, а один раз мы, по слухам, уже умерли.

Взвыла аварийная сирена, но тут же смолкла. Лампы мигнули и потускнели, половина погасла — вся возможная энергия пошла на орудия.

— Мы на месте, — оповестил Майк. — Не знаю, где, но

станция перед нами. Похожа на ту, первую. Курт, твой сумасшедший план сработал. Атака по готовности. Поприветствуй хозяев дома фейерверком.

Пилот всё же вспомнил про Сандру и подключил к её экрану обзор с носовых камер. База Древних выглядела почти как обычная космическая станция, разве что углов в конструкции было слишком много. Присмотревшись, девушка поняла, что некоторые углы находятся там, где их быть просто не может, поскольку отсутствуют соответствующие им плоские грани. При этом при поверхностном осмотре несоответствия не замечались, а от пристального наблюдения сразу начинали болеть глаза.

— Залп! — проорал Курт.

Штурмовик слегка тряхнуло — он не был приспособлен для несения такого количества вооружения, а тем более для использования всего арсенала одновременно. Но переоборудованная конструкция корабля вполне выдерживала нагрузку, мелкие неудобства в расчет не принимались: корабль рейдеров — не круизный лайнер.

Станция Предтеч ничуть не пострадала от выстрела. Импульсные разряды были поглощены обшивкой, плазма растеклась по поверхности, через мгновение исчезнув, взрывы ракет сверкнули вспышками, не оставив даже подпалин.

Действия Стэнли — если таковые предпринимались — вовсе остались незаметны. Возможно, его атака проходила в иных плоскостях измерений, и камера не могла этого заснять.

— Что ж, можно считать, что мы вежливо постучались, — прокомментировал Курт.

Внезапно часть корпуса станции начала светиться и искрить. Накопив достаточную мощность, энергетический разряд устремился к кораблю.

— Гореть нам синим пламенем, только недолго! — завопил Майк. Страха в его голосе не было, скорее облегчение оттого, что всё наконец заканчивается.

Энергетический всплеск пронёсся через то место, где находился корабль. Сандра ощутила, что у неё волосы встают дыбом. Но больше ничего не произошло, даже камеры не пострадали, продолжая исправно передавать изображение, хотя обычно их выжигал любой энергоразряд.

— Не понял?! — возмущённо воскликнул Майк. — Если это уже загробная жизнь, то я рад, что был атеистом.

— Курт, ты чего попросил у идола? — вопросила Сандра.

— Чтобы мы могли попасть к главной базе Древних и не погибли и не претерпели никаких изменений, ни при каких обстоятельствах, вместе с кораблём, — сообщил рейдер.

— Так и сказал — ни при каких обстоятельствах? — уточнила девушка. — Без конкретики насчёт процесса перемещения?

— Ни при каких обстоятельствах, — задумчиво повторил Курт и расхохотался. — Не погибли, даже если в нас будут стрелять.

— А я говорил — выражайся точнее, — напомнил Майк. — вот что теперь будем делать, если открывание шлюза тоже считается изменением корабля?

— Ты собирался куда-то выйти? Может на танцы сходить? — съязвил Курт.

— Ну, знаешь, это уже удар ниже пояса, — хмыкнул пилот.

— Это куда? В пульт управления, что ли?

— Курт, перестань, — укорила Сандра.

— Да я не в обиде, — успокоил Майк. — Мы так шутим. Стоп, что-то происходит.

Взглянув на экран, Сандра обнаружила, что часть корпуса станции исчезла, открыв вход в ангар.

— Кажется, нас приглашают в гости, — провозгласил пилот. — Что будем делать?

— Я не думаю, что теперь даже Древние смогут нас как-то изменить, — отозвался Курт. — Идол сделал нас неуязвимыми для любого воздействия, положительного или отрицательного.

— Это значит, мы не исчезнем в неизвестности, утратив привязку к привычной реальности. Но и в человеческий облик не вернёмся, — резюмировал Майк. — Да, честно говоря, не очень-то и хотелось, привык я быть един с кораблём.

— Стэнли, а ты как? — спросил Курт.

— Я последую приглашению, — отозвался тот. — Курт, ты можешь всё то, что мог я, теперь ты не утратишь при этом человеческую сущность. Я вам не нужен, а здесь мне не место. А там… не знаю, что там, но намерен выяснить. Прощайте, парни. Хотя, вечность длинная, ещё свидимся.

— Исчез, — в один голос произнесли Курт и Майк, ощутив, что Стэнли покинул корабль.

— Так что, летим обратно? — уточнил пилот.

— Сначала оставим Древним подарочек, в счёт уплаты долга, — возразил Курт. — По счетам надо платить. А раз нам так и не сказали, чего хотят, дадим им средство исполнения любых желаний.

— Правильно, выбрось эту каменюку, — согласился Майк. — А то знаю я тебя, не удержишься ведь от новых желаний. А в другой раз твоя оговорка может оказаться не такой удачной.

— Вы не полетите на станцию? — удивилась Сандра. — Так зачем тогда так рвались сюда?

— Курт, давай скажем, что хотели избавить мир от жуткого божества, исполняющего желания опасным для верующих образом, сбагрив его куда подальше, — шепотом предложил Майк. Динамик он при этом не отключал, что было бы гораздо проще и надёжнее для ведения конфиденциальных переговоров, чего пилот не мог не знать.

— Ну, я серьёзно спрашиваю, — попыталась нахмуриться Сандра, но с трудом сдержала улыбку.

— Я же говорил, что действовать будем по обстоятельствам, — ответил Курт. — А сложилось так, что мы, по сути, получили что хотели и без Древних. И теперь, вероятно став бессмертным, я не желаю рисковать возможностью быть запертым внутри станции навечно. А вот должок мы всё же заплатим. И я почти не сомневаюсь, что Древние запомнят нас надолго, как только идол исполнит какое-нибудь их желание не очень точно.

Курт добрался до трюма и сел в автопогрузчик. Майк открыл шлюз, и вскоре каменный истукан уже кувыркался в космическом пространстве, летя прямиком в отверзтую пасть станции Предтеч.

— А может, это как раз их древний идол? — предположил Майк.

— Да какая разница. Если так, пусть радуются палеонтологической находке. А может, на станции вовсе нет никаких Древних, а работает она в автоматическом режиме.

— При следующей встрече Стэнли нам всё расскажет. Или сами вернёмся сюда через пару тысяч лет. А теперь — приготовиться, включаю гиперпривод, — скомандовал Майк. — И чтоб больше никаких богов на моём корабле.

— Хм, Майк, — задумчиво протянул Курт. — А сами-то мы теперь чем не боги?

— Ох, не напрашивайся, капитан, — рассмеялся пилот. — Высажу ведь.

Естественный выбор

— 0 —

— Ты слышишь шелест?

— Да, моя малышка.

— Нет, я серьёзно!

— И я серьёзно…

В космическом пространстве эти голоса не имели звуковых колебаний. Они звучали в солнечном ветре, отражались в магнитных полях и вибрировали в ледяной стуже. Два сгустка энергии, парящие в космосе. Две идентичные ив то же время совершенно разные сущности.

— Как прекрасен наш мир, ты не находишь?

— Да…

— Но что это за шелест?

— Люди… — прошептал Он.

— Люди? — удивилась Она.

Один из сгустков ярко-оранжевого цвета замерцал, выделяясь на фоне красной газообразной туманности.

— Люди, — уверенно мигнул Он — тусклый, едва заметный шар. Казалось, он не имел цвета и полностью сливался с космическим пространством.

— Постой. Но кто такие люди?

— Ты уже успела забыть?

Она промолчала и стала терять свои очертания. Он не торопил её с ответом. Покорно ждал и лишь изредка вспыхивал бледно-голубым сиянием. Время — ничто. Время — вечность. Время — миг.

Он ждал. Наблюдал за столкновением двух галактик, которые кружились в смертельном вальсе, то сближаясь, то вновь отдаляясь, разрывая друг друга на части. И когда гравитационные силы стали запредельными даже для Его понимания и обе галактики исчезли в чёрной бездне, Она ответила:

— Я… я не знаю. Я хочу вспомнить, но не знаю… хочу знать, но не помню.

— Ты просто ещё не привыкла.

— Странно, но я больше не слышу шелеста, — мигнул оранжевый сгусток.

— Теперь шелест далеко, тёмная бездна поглотила его в своё чрево, — отозвался Он, спустя вечность. — Но космос так велик… да что там велик — он бескрайний!

— Ты покажешь мне его?

— Да, любовь моя. Что ты хочешь увидеть?

— Людей…

— Ну, людей, так людей.

Он явно был доволен собой, ведь и сам хотел посмотреть на людей, но не только ради интереса. Его планы были несколько иными…

— 1 —

С неба, затянутого хмурыми тучами, шёл проливной дождь. Но ни одна капля не упала на лицо или одежду бредущего по улице молодого человека с угрюмым, подстать погоде, выражением на лице, словно боясь нарушить его задумчивость. Погружённый в свои невесёлые мысли, понурив голову и уставившись невидящим взглядом под ноги, парень быстро шагал вперёд, не выбирая маршрут, будто стремясь убежать от терзающих его проблем. Но горькие раздумья прочно угнездились в сознании юноши, никак не соглашаясь отстать и затеряться в запутанном лабиринте улиц и переулков города.

Несмотря на всю глубину и искренность переживаний Марка — именно так звали молодого человека, — причина их носила отнюдь не глобальный характер, никак не затрагивая мировых проблем. Это была полностью и исключительно личная драма, являющаяся таковой только в восприятии одного человека — самого Марка. Люди более старшего возраста, услышав о сути переживаний юноши, только снисходительно улыбнулись бы и с ностальгией вздохнули, вспомнив собственную молодость.

Марк, несомненно, понимал это, и именно потому бесцельно слонялся сейчас по городу, вместо того, чтобы пойти домой, где родители, увидев его удручённое состояние, непременно спросят о причинах. А Марк не желал выслушивать насмешливые замечания отца о романтизме юности или успокоительные заверения матери в том, что всё наладится.

Конечно, Марк не считал, будто жизнь кончена, но полагал, что счастливой она уже не будет. Разумеется, камнем преткновения, о который разбились мечты и надежды на светлое будущее, стала девушка. Марк давно пытался добиться благосклонности Джил, и иногда ему казалось, что успех не за горами, а его настойчивость капля за каплей источила стену отчуждения, и девушка была готова ответить взаимностью. Но решившись перейти к решительным действиям и поговорить начистоту, Марк получил категорический отказ и впал в

депрессию.

Подобная эмоциональная чувствительность, сопровождаемая резкими перепадами настроения, была свойственна подавляющему большинству эсперов, в силу развитости определённых участков мозга, непосредственно от которых и зависело наличие психонических возможностей. Вопреки этому, эмпатия оставалась крайне редкой способностью. Возможно, её подавление в зачаточном состоянии было обусловлено защитной реакцией организма на стресс.

В данный момент Марк об этом сожалел — обладай он эмпатией, точно знал бы, что чувствует по отношению к нему Джил. Продолжив размышления в этом направлении, Марк предался сожалениям, что Джил не владеет телепатией — тогда он мог бы выразить всю глубину и искренность своих чувств при непосредственном контакте разумов, вместо того, чтобы, запинаясь и путаясь в попытках подобрать выражения, стараться объясниться на таком несовершенном языке слов.

Но природа не наделила Джил экстрасенсорным даром. Её таланты лежали в совсем иной области. Девушка родилась в семье киберпрограммистов и уже в пять лет получила самый совершенный на тот момент биоимплант. И, пожалуй, будь Марк подпрограммой виртуальной реальности, Джил относилась бы к нему с большим интересом и теплотой, нежели сейчас.

— Эй, придурок! — услышал Марк возглас, вырвавший его из раздумий, и машинально обернулся.

— Смотрите-ка, откликается, — заржал один из троих парней, укрывающихся от дождя под козырьком входа в ночной клуб, ввиду дневного времени закрытого, показывая пальцем на Марка.

Марк огляделся по сторонам и тяжело вздохнул, поняв, в какой район занесли его ноги. Перспектива получить по шее от подвыпившей компании представлялась ему далеко не лучшим завершением этого и без того не слишком удачного дня. Марк остро пожалел, что телепортация по-прежнему остаётся лишь околонаучным вымыслом, хотя некоторые оптимистически настроенные учёные и предсказывали потенциальную возможность появление такой способности у эсперов через два-три поколения, в случае, если тенденция к усилению психонических ресурсов мозга сохранится.

— Эй ты, хмырь, — продолжал тем временем парень, — пива хочешь?

Не дожидаясь ответа, он швырнул в Марка пустой пивной бутылкой, целя в голову. Марк рефлекторно вскинул руку и секундой позже задействовал психокинетические силы.

Импровизированный метательный снаряд замедлил своё движение и на мгновение завис в воздухе, после чего устремился в обратный полёт и, ударившись в стену, разлетелся на осколки. Троица парней в панике шарахнулась, прикрывая головы руками.

Решив закрепить успех от произведённого эффекта, Марк перестал сутулиться, выпрямился во весь рост и расправил плечи. При этом он аккумулировал всю доступную психическую энергию, так что вокруг него засияла аура, доступная даже взгляду людей, не обладающих ни каплей экстрасенсорных способностей. При этом он совершенно забыл про прикрывающее от дождя поле и мгновенно вымок до нитки, но не обратил на это внимания. В довершение картины Марк вытащил из кармана сигарету и прикурил от кончика пальца — это был предел его пирокинетических возможностей, но парни об этом не подозревали, а пирокинетики издавна были объектом страхов не владеющих пси-силами людей, заботливо раздуваемых бульварной литературой. На самом деле ни один пирокинетик не обладал достаточной мощью, чтобы сжечь человека, даже если бы захотел, что само по себе было невероятно, поскольку агрессивное поведение среди эсперов являлось крайней редкостью, ввиду более высокого уровня развития мозга и соответственно подавления примитивных реакций, свойственных первобытным предкам людей.

Получившие неожиданный отпор хулиганы, испугавшись возмездия рассерженного эспера, рванули наутёк, постоянно оглядываясь назад. Но Марк и не думал их преследовать. Вместо этого он восстановил защищающее от дождя поле, хотя уже промок насквозь, и направился в совсем другую сторону — к дому его дяди.

— 2 —

— Интересно, — повела бровью девушка, скрывавшаяся всё это время за углом здания. — Даже слишком…

Она проводила Марка взглядом, пока тот не скрылся из виду, и последовала за троицей парней. Дождевая вода, льющаяся нескончаемым потоком с небес, её не смущала. Казалось, девушка даже не замечала дождя. Она не была прикрыта ни психокинетическим барьером, как Марк, ни наночастицами, ни банальным зонтиком. Она просто шла, подставляя своё розовое платье льющимся струям дождя, но при этом оставаясь совершенно сухой…

— Ты идиот, Дейл! — гневно воскликнул один из парней. —

Какого чёрта полез к псионику?!

— Да откуда же я знал, — стал оправдываться парень, бросивший бутылку. — Невзрачный такой брёл, думал приколоться.

— А если бы он решил прикончить нас?!

— Да ладно. Ты лучше туда посмотри, — указал Дейл пальцем, — вон как выписывает.

Парни обернулись. Стройная белокурая девушка размеренным шагом ступала по мокрому асфальту. Она была столь прекрасна, что парни даже не обратили внимания на то, что одежда и волосы девушки были абсолютно сухими, словно и не под дождём она шла.

— Вот это цаца! Развлечёмся, а? — предложил Дейл.

— Угу… — поддержал друг, сглатывая слюну.

— В другой жизни ребята, — подал голос третий парень и криво ухмыльнулся.

Дейлу и его другу эта ухмылка явно не понравилась.

— Сэм, ты чего, а?

— Да я так, — пожал Сэм плечами и, вскинув обе руки, направил их открытыми ладонями на «друзей». Кинетический толчок размазал парней по стене.

— Зачем ты так? — спросила девушка, отворачиваясь. Она просто не могла смотреть на кровавую кашу, стекающую по стене.

— Они хотели обидеть тебя, любовь моя.

— Они? Это люди, да? — спросила девушка, поравнявшись с парнем. — Скажи что это не так, пожалуйста.

Он на миг задумался, оценивая изувеченные тела бывших «друзей»:

— Да, это люди, — как-то печально выдал он.

— Но Марк ведь не такой? — с надеждой спросила Она.

— Не такой. И он интересует нас в первую очередь.

Девушка согласно кивнула и обняла Его. Два физических тела слились в единое целое, а после испарились.

— 3 —

С дядей Джо Марк всегда мог поговорить по душам, поделиться наболевшим и получить в ответ чёткий и рациональный совет, безо всяких насмешек или успокоительных слов. Отец Марка считал своего брата эксцентричным и полагал, что Джо так и не повзрослел. Братья никогда не ладили, а вот с племянником Джо нашёл общий язык, сойдясь на равных, несмотря на все различия.

Марк был эспером и с киберпространством имел дело только в пользовательском режиме, через очки или шлем виртуальной реальности. Тогда как дядя Джо являлся выдающимся киберпрограммистом и, возможно, стал бы величайшим, родись поколением позже, после изобретения биочипов. Устаревшие ныне механические имплантаты не развивали мозг носителя, а только дополняли, давая всего лишь более удобную и быструю форму соединения с компьютером и доступ к вычислительным мощностям. Биоимпланты же полностью соединялись с мозгом, становясь его частью, позволяя взаимодействовать с виртуальной реальностью на интуитивном уровне, самостоятельно преобразовывая мысленные сигналы в электронные импульсы двоичного кода. Джо компенсировал качество количеством, настолько напичкав свою голову микросхемами, что его вполне можно было назвать киборгом. В пору молодости Джо было модно щеголять количеством имплантатов, это считалось показателем продвинутости, хотя и являлось небезопасным для здоровья. Джо переплюнул в этом всех своих знакомых, почти сравнявшись по числу имплантатов с полулегендарными «киберкрысами» — хакерами, по слухам, непрерывно живущими в виртуальной реальности, чья физическая оболочка стала не более чем биологическим придатком к компьютерам. Слухи, безусловно, как обычно в целом преувеличивали, но подобные прецеденты имели место.

Войдя в жилище дяди Джо, являющееся по совместительству лабораторией и рабочим местом, Марк почувствовал запах палёной изоляции, но не придал этому значения — Джо постоянно экспериментировал, пытаясь усилить имплантаты.

— Джо! — позвал Марк. — Ты снова пожёг резисторы?

Парень осмотрелся, ища пульт управления вентиляцией, но разобраться в нагромождении стеллажей и устаревшей механической техники мог только сам Джо. Предназначение многих приборов было совершенно не понятным, тут даже Джил была бессильна. Помнится, Марк как-то привёл девушку к дяде и пожалел об этом. Как только Джил увидела все эти «достопримечательности», торчащие провода и привычный шум работающей аппаратуры, то сразу же потеряла всякий интерес к Марку, погрузившись с головой в изучение морально устаревших микросхем, но самостоятельно разобраться не смогла. Быть может Марк действительно не интересовал Джил?

Тяжело вздохнув, отгоняя болезненные воспоминания, Марк направился вглубь лаборатории.

— Джо, ты что, не рад племяннику?! Бросай ты свои железяки. Эй, Джо! — крикнул парень.

Ответом ему был треск разболтавшегося кулера, задевающего лопастями приборную крышку. Марк прекрасно помнил, что подобным треском сопровождалась работа только одного прибора — странной коробки, к которой Джо подключал непонятные шнуры и стучал пальцами по клавишам с буквами, водя при этом по столу овальным выпуклым предметом. Дядя будто замирал, уставившись в стеклянный ящик, щёлкая буквами и изучая понятные только ему символы, всплывающие на плоской кварцевой поверхности. Неужели дядя вновь уселся за эту странную технику?

Подойдя к двери операционного центра — так дядя называл кабинет, где работал — Марк постучал и, не дожидаясь приглашения, повернул дверную ручку (что тоже, в принципе, было морально устаревшим). Но дверь не поддалась. Марк надавил сильнее. Тщетно. Закрыто.

— Джо! — позвал парень. — Что за шутки? Сам ведь пригласил меня.

Марк приложил ухо к двери. Монотонный треск кулера, и ещё какой-то механический звук:

— Вжик-вжик… вжик-вжик.

Марк не на шутку перепугался. Отступив на шаг, он аккумулировал псиполе и как бы толкнул воздух. Мощная волна вышибла дверь, сорвав с петель, и разворотив половину дверной коробки. Марк явно перестарался, но страх усилил психокинетические способности парня.

Он так и замер на пороге, не решаясь войти. Не надо было обладать психосенсорными способностями, чтобы догадаться — с дядей случилась беда. Острый запах палёной плоти ударил в нос, перемешиваясь с продуктами горения полимерных соединений.

Марк с трудом сдержал рвотные спазмы. Собравшись с духом, парень вошёл в кабинет. Дядя лежал на полу, раскинув руки. Его голова ещё дымилась. Первым делом Марк подумал, что дядя спалил свой мозг, экспериментируя с имплантатами, но подойдя ближе, понял ошибочность этой гипотезы. Вся система, которую Джо использовал для выхода в киберпространство, была уничтожена скачком напряжения, вызванным мощным импульсом, посланным по электросети. Джил как-то рассказывала, что опытный киберхакер способен проделать такое. Но кому понадобилось убивать дядю столь подлым способом? Ведь Джо был известным киберпрограммистом и тёмными делишками не занимался. На его заработок вполне могла прожить семья из десяти человек, ни в чём себе не отказывая.

Марка разбирал праведный гнев. Он даже не испытывал чувства потери родного человека — ещё одна особенность

психоников. Месть. Теперь он хотел только отомстить. Сжимая и разжимая кулаки, он осмотрел помещение. Вжикающий звук издавал плоский прямоугольник, выдвигающийся и задвигающийся из коробки с шумящим кулером. Марк подошёл ближе. Из кварцевого ящика торчала дверная ручка, а сам он покрылся трещинами. Клавиши с буквами были оплавлены — прибор явно пришёл в негодность. Марк выругал себя за неосторожность и бесконтрольное применение психоткинетических возможностей, а вдруг бы дядя был ещё жив?!

Протерев проступивший пот на ладонях о карманы брюк, Марк схватил двигающийся туда-сюда прямоугольник и потянул на себя. Прибор взвизгнул, клацнул и затих. Внутри Марк обнаружил блестящий круг. Покрутив предмет в руках, парень убрал его в карман.

Окинув комнату беглым взглядом, Марк подошёл к дяде и присел рядом с ним. Остекленевший взгляд Джо вызвал новый приступ гнева, и Марк с трудом поборол желание разнести комнату. Успокоившись, он погасил псиполе и прикрыл дяде глаза. Задерживаться в лаборатории не имело смысла. Марк резко поднялся и быстрым шагом покинул дом.

— 4 —

Сообщать в полицию о случившемся Марк не стал. Он даже не связался с родителями, решив разобраться во всём сам. Полной уверенности в том, что дядю убили, у Марка естественно не имелось, но уповать на несчастный случай было, по меньшей мере, глупо. Единственной зацепкой был зеркальный диск, найденный в шумящей кулером коробке, но что это за предмет, и как его использовать, Марк не знал.

Остановившись перед домом Джил, парень замер, не решаясь нажать на кнопку вызова. Кто ещё мог помочь, кроме Джил? Марк перебрал кучу вариантов, только бы не встречаться с девушкой, но подходящей кандидатуры он, увы, не нашёл. Джил часто посещала Джо и многому у него научилась, и только она способна была разобраться, для чего этот диск нужен, и как его можно использовать. Марк догадывался, что диск — это нечто вроде накопителя информации, как микрочипы, но как считать с него информацию, психоник не знал.

— Ладно, что будет, то будет! — вздохнул парень и нажал на кнопку.

Он замер, отринув все эмоции, и молча смотрел в камеру.

Эспер был уверен, что Джил сейчас наблюдает за ним.

— Марк, я же тебе уже всё сказала, — наконец раздался её усталый голос. — Неужели тебе сложно понять, что…

— Джил, у меня проблемы. Джо убит… — выдал он на одном дыхании, перебив девушку.

Джил долго не отвечала. Динамик щёлкнул и затих. Марк насторожился, неужели это всё? Но к его облегчению дверь бесшумно отворилась. Никакими замками стальная дверь снабжена не была, как у дяди Джо. Электромагнитное поле прочно удерживало дверь в запертом состоянии. Выбить такую даже сильный психокинетик был не в состоянии.

Войдя во двор, Марк заметил спешащую к нему девушку. Она не была безумно красива, но парень просто не мог оторвать от неё взгляда. Чёрный облегающий костюм киберхакера подчёркивал стройную фигуру Джил. Марк поймал себя на мысли, что жадно пожирает взглядом её бюст, и вовремя спохватился.

Джил поравнялась с псиоником. В её голубых глазах плескались озерца сдерживаемых слёз. Девушка готова была разрыдаться, но справлялась с собой.

— Как?! Марк, как такое могло произойти?! Ты пошутил? — она с надеждой заглянула парню в глаза, но натолкнулась на холодный отчуждённый взгляд.

Марк отрицательно покачал головой и обнял девушку за плечи. Джил не стала сопротивляться и, уткнувшись лбом в его грудь, разрыдалась…

Отстранившись, она вытерла слёзы и спросила:

— Как это произошло?

Марк вкратце рассказал про визит к Джо и показал извлечённый диск. Девушка заинтересованно посмотрела на блестящий предмет и, взяв его в руки, произнесла:

— Твой дядя ещё тот ортодокс, — и грустно добавила: — Был…

— Что это за предмет? — Марк кивком указал на диск. — Я так понимаю — это какой-то накопитель информации по типу микрочипов?

— Да. Это оптический диск с постоянной сигналограммой. Такие использовались лет двести назад, — пояснила Джил. — Я попробую считать с него информацию.

Девушка повертела диск в руках и направилась к дому. Марк же остался стоять на месте, переминаясь с ноги на ногу:

— Я, наверное, подожду тебя здесь…

Джил обернулась и повела бровью:

— Не будь придурком, Марк. Сейчас не время для выяснения

отношений.

Парень опустил голову и, поджав губы, тяжело вздохнул. Джил права — он действительно придурок.

— Ты идёшь? — не терпящим возражений тоном спросила она.

Марк кивнул, вновь выругал себя и поспешил за девушкой.

Дом Джил был оборудован не хуже лаборатории дяди Джо, только техника здесь была на порядок выше. Современные панели, выполненные в футуристическом стиле, отливали серебром, а аккуратно сплётенные провода были заключены в прозрачную термостойкую плёнку. Ненавязчивая мелодия дополняла обстановку, создавая атмосферу уюта и спокойствия.

— Там бар, — девушка указала на зеркальный шкафчик. — Он в твоём распоряжении, если хочешь кофе, то кухня справа по коридору. Я должна выйти в лэйм, — так киберхакеры называли закрытый уровень киберпространства, — для этого мне нужно сосредоточиться и…

— Я понял, понял, — поднял руку Марк. — Мешать не буду.

Выпив рюмку коньяка, психоник сел в глубокое кресло и стал наблюдать за манипуляциями Джил. Резкая перемена в настроении девушки его не смутила, он знал, что Джил любила дядю Джо, но сейчас медлить было нельзя. Ещё Марку показалось, что девушка чего-то недоговаривает, будто знает какую-то тайну, связанную с дядей, но эспер решил не лезть с вопросами. Работа в киберпространстве — дело тонкое.

Привычно отключив мировосприятие, Марк откинулся на спинку кресла. Ему требовалось восстановить силы после стресса. Хоть психоники и отличались от обычных людей и воспринимали окружающий мир несколько иначе, но душевную боль полностью заглушить не могли, поэтому использовали сеансы телепатического бездействия, отключаясь от реального мира…

Прошло три часа, когда Джил, наконец, вернулась в реальность. Волосы её слиплись от пота, щёки впали, а кожа приобрела серый оттенок, и только глаза горели огнём.

— Нашла… — устало выдохнула она и шатающейся походкой побрела к бару. Откупорив бутылку с красной жидкостью, она сделала несколько глотков.

— Тоник, — пояснила она. — Восстанавливает мозговую активность.

Марк не придал этому значения.

— Что ты нашла?

— Людей, способных нам помочь…

В логове киберкрыс царила суета производственного процесса с творческим подходом. Некоторые метались из одного конца зала в другой, таская за собой разномастные провода, и впрямь вызывающие ассоциации с крысиными хвостами, объединяя все компьютеры в общую сеть с равноправным доступом с каждой машины. Вторые притащили из подсобки целую кучу деталей и теперь что-то монтировали и паяли, соединяя неподходящие друг к другу детали через переходники. Третьи спокойно сидели на своих местах, подключённые к виртуальной реальности, настраивая программное обеспечение для подсоединяемого нового оборудования или создавая на ходу вирусы и программы для взлома базы данных или для защиты от обнаружения. Четвёртые создавали автономную систему питания, независимую от электросети, используя для этого старый бензиновый генератор, аккумуляторы и даже литиевые батареи. Все постоянно обменивались репликами на хакерском жаргоне, совершенно непонятном Марку. Он чувствовал себя лишним и ненужным, как кластер памяти, забытый в неразмеченной зоне жёсткого диска. В отличие от него, Джил находилась в своей стихии и принимала деятельное участие в творящемся светопреставлении.

Наконец, дело было закончено, и локальная сеть — если получившегося инженерного монстра позволительно поименовать столь невинным словосочетанием — удовлетворила требования придирчивых хакеров. Они стали подключаться к сети. Большинство — с помощью штекеров, помещаемых в гнёзда имплантатов. Для подсоединения достаточно было и одного разъёма, но у киберкрыс их число варьировалось от трёх до семи, большее число имплантатов попросту не удалось бы разместить без фатального ущерба для мозга. К удивлению Марка, некоторые хакеры воспользовались обычными костюмами виртуальной реальности. Их пальцы тут же задвигались, будто подавая команды через сенсорную клавиатуру. Движения были беспорядочными, поскольку мышцы не успевали реагировать на сигналы мозга, но это не имело значения, поскольку в действительности никакой клавиатуры не было, а мышечные сокращения являлись всего лишь побочным эффектом использования устаревшего и непригодного для подобной деятельности интерфейса. Но консерваторам среди киберкрыс такой метод подключения был привычнее, к тому же являясь более безопасным, учитывая, что произошло с дядей Джо.

Марк не мог принять непосредственного участия в кибератаке, но оставаться снаружи, пока основные события развернутся в виртуальной реальности, было выше его сил.

Киберкрысы ничуть не возражали, чтобы Марк понаблюдал за их работой, напротив, настаивали на этом. Они даже заключали пари на предмет того, чьи действия произведут на Марка большее впечатление. Поэтому Марк надел очки виртуальной реальности и полностью отключил свои ощущения от внешнего мира, как умели все эсперы, чем обычно пользовались во время телепатических контактов.

Марк проскочил пользовательский уровень и попал сразу на программный слой киберпространства, где никогда прежде не бывал. При отсутствии у него имплантатов, Марк не способен был отслеживать непосредственно программный код, поэтому для него информация преобразовывалась в графическую форму. Практической пользы от этого не было никакой, поскольку при этом Марк не мог воздействовать на окружающее, но наблюдать был вполне способен, а именно это и было его целью. Хотя видимое им всё же далеко не точно отражало действительность, являясь всего лишь схематичным изображением, по сути, иллюзией, демонстрирующей только факт происходящих событий и результат, но не процесс.

Базы данных предстали взгляду Марка стилизованными зданиями, размер которых варьировался в зависимости от мощности сервера. Были и целые небоскрёбы — локальные сети. В целом это походило на город, выстроенный из разноцветных кубиков. Выполняемые программы помигивали «окнами» в «зданиях», а линии коммуникаций отображались в виде трубопроводов или движущихся дорожек.

Начали возникать виртуальные образы киберкрыс. Большинство не озаботились внешним видом и казались собранными из геометрических фигур подобиями людей. У некоторых было по две и даже три пары рук — иллюстрация того, что имплантаты позволяют им оперировать одновременно несколькими процессами, — что делало их похожими на пауков. Другие замаскировались настолько, что выглядели едва заметными тенями. Третьи напротив скрупулёзно прописали оболочки и ничем не отличались от живых людей — впрочем, ничуть не похожих на их настоящие тела.

Когда все хакеры подключились, то разом сорвались с мест и полетели, петляя между зданиями-массивами данных. Марк испугался было, что про него забыли, но двое подхватили его под локти и повлекли за собой.

Процессия остановилась возле неприметной базы данных, представлявшейся Марку как невысокий серый параллелепипед, на поверхности которого не мерцало ни одного окна-программы. Можно было подумать, что процессор находится в спящем

режиме, но в этом случае хакерам не удалось бы его засечь. Это означало, что видимая бездеятельность является защитным слоем, через который не просачиваются никакие данные.

Последующие действия для Марка выглядели как похмельные видения художника-абстракциониста. Слепленные из геометрических фигур люди некими подобиями кирок и молотов вгрызались в серый гранит стены параллелепипеда, стараясь пробить в ней брешь. В образовывающиеся крохотные отверстия пытались просочиться фигуры-тени, но что-то выталкивало их обратно, а бреши тут же затягивались. Марк всматривался в окружающиеся фигуры, пытаясь опознать среди них Джил, но девушка не взяла из дома личные программы, формирующие виртуальный облик, и её образ оставался стандартным, ничем не отличаясь от прочих.

Наконец совместными усилиями хакерам удалось проломить небольшую дыру в стене защиты и удерживать её от закрытия. Марк видел, как в отверстие просунули полую трубу, символизирующую установление канала связи. В таком ракурсе происходящее выглядело довольно забавно, но Марк ни на секунду не забывал о серьёзности дела и сопряжённой с ним опасности. Пока всё шло гладко, и он надеялся, что так и останется.

Неожиданно Марк ощутил что-то неладное. Его экстрасенсорное восприятие предупреждало об угрозе. Он на мгновение включил органы чувств и тут же услышал шум и грохот. Не раздумывая, Марк сорвал очки виртуальной реальности и вскочил с места, оглядываясь по сторонам.

В тот же момент дверь в логово киберкрыс слетела с петель, выбитая могучим плечом ворвавшегося в помещение мужчины. За ним последовало ещё человек десять. В руках у всех были обрезки металлических труб, а на лицах застыло безразличное выражение, ни один мускул не шевелился. Они не обратили никакого внимания на Марка, а немедленно принялись крушить всё вокруг — и оборудование, и головы киберкрыс. Движения нападающих казались неестественными, как у роботов в старых фильмах.

Марк, не раздумывая, применил телекинез, отбросив к стене одного и вырвав трубу из рук другого. Но первый быстро поднялся, а второй, словно и не заметив потери импровизированного оружия, продолжил разрушительную работу с помощью кулаков. Марк не знал, что предпринять. Остановить всех одновременно ему бы не хватило сил, быстро вывести из киберпространства хакеров он тоже не мог — резкое отключение, а тем более выдёргивание штекеров из разъёмов имплантатов, грозило потерей сознания и последующей головной болью.

Понимая, что времени у него немного, Марк бросился к Джил и нажал кнопку отключения питания на её шлеме, при этом сработала автоматическая программа выхода из виртуальной реальности. Через несколько секунд девушка сняла шлем и встряхнула головой, отгоняя головокружение, вызванное экстренным завершением работы.

— Марк, зачем ты… — начала она, но осеклась, увидев происходящее вокруг.

— Бежать надо, — сообщил очевидное эспер.

— Наружная дверь открывается только через сеть, нужно знать пароль. Код взломали и наверняка сменили, а за вторгнувшимися заперли, мы не сможем выйти, — хладнокровно поведала девушка.

— Кто взломал? — воскликнул Марк, но Джил только отмахнулась от его вопроса и принялась выдёргивать из разложенных на столе микросхем чипы памяти.

— Нам нужно куда-то спрятать чипы, информация должна сохраниться, даже если… — голос Джил дрогнул и сорвался на всхлип.

Марк твёрдо решил, что спасёт Джил, чего бы это ни стоило. Он был готов отдать ради этого жизнь, но она и без того находилась под угрозой. В этот момент Марк не задумываясь и не сомневаясь расправился бы с нападающими, если бы только знал, как это сделать. Но псионика никогда не применялась для причинения вреда людям. Если бы Марк обладал познаниями в медицине, то мог бы, используя телекинез, например, пережать кровеносные сосуды или вовсе остановить сердца агрессоров.

Эспер содрогнулся от собственных мыслей, порыв жестокости уже прошёл. Убить человека он всё же не был готов. Никаких возможных вариантов действий не оставалось.

— Значит, пришло время совершить невозможное, — шёпотом озвучил Марк мысль, будто пришедшую извне.

— Что ты там бормочешь? — переспросила Джил. Вместо ответа он шагнул к ней и прижал девушку к себе. — Ну, нашёл время…

Она резко замолчала, моргнула, огляделась по сторонам, несколько раз глубоко вздохнула и выругалась так, что у Марка покраснели уши.

— Мы телепортировались, — поражённо выдохнул он, сам не в силах поверить в собственные слова, несмотря на факт — они находились уже не в логове киберкрыс, а на улице.

— Что это было? — Джил рухнула на колени. Она прижала ладони к груди и жадно глотала воздух.

Телепортация болезненно отразилась на девушке. Для человека, не имеющего пси-способности, любой контакт с психонической активностью, аккумулированной мозгом эспера всегда сопровождался болью. Даже малейшее телепатическое воздействие.

— Я… я не знаю, — прошептал Марк, изучая свои руки, светящиеся бледным светом.

— Ты можешь и не такое, если научишься правильно использовать ресурсы мозга, — раздался голос.

Марк и Джил рефлекторно обернулись. Два тёмных силуэта замерли на границе падающего света, излучаемого ночным фонарём.

Эспер мгновенно активировал псиполе, и хотел было выставить кинетический барьер, но почувствовал полное опустошение. На секунду ему показалось, что он стал обычным человеком — слабым и незащищённым.

— Тебе нет смысла защищаться от нас, — сказал Он и вышёл на свет.

Марк сразу узнал одного из парней, который не так давно собирались «угостить» его пивом. Джил быстро сообразила, что к чему и, активировав биоимплант, усиливающий физические возможности тела, бросила в Сэма камень. Парень даже не пошевельнулся. Камень, получивший бешеное ускорение, пролетел сквозь тело Сэма и ударился о стену, выбив облако пыли.

— Глупо, — насмешливым тоном произнесла Она, тоже выходя на свет. — Джил, ты же умная девушка и уже порядком узнала о силах, пытающихся управлять этим миром.

Марк почувствовал мощную псиволну, исходящую от девушки в розовом платье, направленную непосредственно на Джил. Киберхакер обхватила голову руками и застонала. Марк попытался отсечь телепатическое воздействие, но, получив болезненный кинетический удар в живот, упал на асфальт.

— Так мы не придём к общему знаменателю, — сказал Он, опуская руку.

— Кто вы такие? — с трудом выдавила Джил, превозмогая боль.

— Мы? — иронично повела бровью Она. — Давай начнём с того, кто вы такие.

— Люди, кто же ещё, — гневно бросил Марк, поднимаясь с земли.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Он, сложив руки крестом на

груди, что означало у эсперов примирение. Марк нахмурился, но всё же повторил жест. Он понимал, что тягаться со столь сильными психониками ему не по плечу.

— Уже лучше, — кивнул Он. — Я бы попросил твою девушку деактивировать имплантаты.

— Я не его девушка! — воскликнула Джил, но просьбу выполнила.

— Прелестно, — Она одарила Джил лучезарной улыбкой и тоже сложила руки на груди. Марк заметил этот жест и почувствовал легкий озноб в конечностях. Псиполе было полностью погашено, и по идее никто из троих эсперов не мог воспользоваться им мгновенно.

— Что вам надо? — спросил Марк.

— Джил, будь добра, расскажи своему парню о киберпрограммном вирусе, как считаешь ты.

— Он не мой парень! — взбесилась девушка, но, взяв себя в руки, добавила: — Если вы всё знаете и вы эсперы, то почему бы вам просто не показать Марку то, что просите меня озвучить?

— Логично, — согласился Он и впился в Марка взглядом.

Парень дёрнулся, хотел выставить ментальный щит, но Он действовал столь стремительно, что Марк даже не успел развести руки. Мир поплыл, и на парня обрушились картинки — такие яркие, что дух захватывало. Никогда прежде Марк не испытывал столь глубокого телепатического транса…

— Выходит, что некая потусторонняя сила, инопланетный искусственный интеллект, пытается направить наш мир на путь развития глобальной библиотеки — базы людских душ? — отдышавшись, спросил Марк.

— Не совсем так. Так считает Джил, — пояснил Он. — На самом же деле всё обстоит иначе. Я начну издалека. Как вам известно, наш, я подчёркиваю, именно наш мир — это совокупность энергии и материи. Ваша цивилизация пошла путём развития психонических возможностей мозга, а также упрощения и компьютеризации жизни. Одни стали развивать психонику, другие соединять себя с усиливающими возможности тела имплантатами и загружать своё сознание в киберпространство.

Всё это прекрасно и до жути замечательно. Но вы упустили один очень значимый аспект — Вселенная. Да, Вселенная! Вы закрылись в своём мире, отгородились от сути мироздания. Первые психоники безжалостно уничтожали астрономов, направляли людей на свой путь развития — космос их не интересовал, а киберхакеры беспрепятственно воровали научные разработки, превращая их в имплантаты. Сейчас вы мало что знаете о мире окружающем вас, погрязнув во внутренних распрях,

постоянно усиливая свои возможности, и количество проводов в голове. Но так долго продолжаться не могло.

Марк, твой дядя был одним из первых, кто понял ошибочность пути развития вашего мира. Он усиливал своё тело, дабы противостоять влиянию извне, что успешно делал на протяжении многих лет. Но сила — мы называем её «библиотекой» — нашла способ просочиться в ваше киберпространство и плотно закрепиться. Джо, Джил и ещё куча правильно ориентированных молодых людей попыталась сковырнуть эту язву, направляющую ваш мир на путь развития глобальной библиотеки коллективного разума.

— Коллективного разума? — переспросил Марк.

— Да, — кивнул Он. — Один из множества миров, развивающихся во Вселенной, пошёл путём развития слияния своей личности и разума с глобальной «библиотекой». Я точно не знаю, как они превратились в единую «сеть», но пиком их развития стали кремнийорганические квазиразумные кристаллы, в которые они переселяли свой разум, отказавшись от биологической оболочки.

— Джил! — Марк гневно взглянул на девушку. — Ты всё знала и ничего мне не сказала?!

— Ты бы всё равно не понял, — отмахнулась девушка. — Вы, эсперы, всегда витаете в облаках.

— Но именно поэтому погиб мой дядя! Я бы мог помочь.

— Чем? — Джил развела руками. — Поставил бы кинетические барьеры, блокирующие электрические импульсы? Чем ты мог помочь нам? Ты другой, Марк. Понимаешь? Другой!

Эспер был не в силах сдержать рвущийся наружу поток эмоций, трансформирующийся в психокинетический импульс.

— Не вини её, — вмешалась Она, высасывая псиэнергию из Марка.

— Успокойся, эспер, — потребовал Он. — Сейчас важно не прошлое, а будущее.

— И какое будущее может у нас быть?! — скривил рот в кривой ухмылке Марк. — Библиотека? Извольте! Тогда я собственноручно перебью всех киберкрыс!

— Тебе ещё придётся многому научиться, Марк, — с досадой в голосе, произнёс Он. — Ты мне напоминаешь одного парня. Его звали Сао, и он был эспером. Первым эспером…

Он грустно вдохнул, посмотрел на Неё и, улыбнувшись каким-то своим мыслям, продолжил:

— Джил, ты спрашивала кто мы такие? Мы антипод — иной путь развития человечества.

— Вы эсперы, перешедшие на высший уровень эволюции, —

догадалась Джил.

— Да, — моргнул Он в знак согласия. — Мы — мыслеформы, — эсперы достигнувшие пика своего развития. Но мы не хотим подталкивать вас на такой эволюционный путь. Вы сами должны сделать свой выбор. Но мы не можем оставаться в тени и позволить «библиотеке» обманом направить вас на путь развития кремнийорганических квазиразумных кристаллов. Наши цивилизации прошли разными путями. Вы должны пройти своим путём, без влияния, без вмешательств…

— Джил, ты должна показать миру возможности библиотеки, — продолжила Она. — А ты, Марк, рассказать и показать эсперам, на что они на самом деле способны.

— Но как я это сделаю? — удивился Марк.

— Мы тебя научим.

— 7 —

Пользуясь программами Джил, — включая предназначенные для создания образа, не похожего на настоящий, — Марк без особых затруднений составил в виртуальной реальности выступление, раскрывающее зловещий замысел чуждого неорганического интеллекта по порабощению людей через биоимпланты и присоединении их сознаний к коллективному разуму инопланетной «библиотеки». Устный рассказ сопровождался пакетами информации с диска дяди Джо и добытой киберкрысами во время атаки на закрепившуюся в человеческой киберсети базу данных кремнийорганических кристаллов. Вторая часть выступления Марка, касающаяся пути развития эсперов и возможности преобразования в мыслеформы, должна была быть передана телепатически, в режиме общего экстренного вещания, — когда каждый принявший сигнал психоник тут же передаёт его следующему. Вся информация об этом надёжно впечаталась в память Марка — об этом позаботились таинственные Он и Она, кем бы они на самом деле ни были, пришельцами со звёзд или из иных миров или же могучими эсперами, оставившими человеческие тела ради иной формы существования. Марк, следуя их инструкциям, всего за несколько часов успел повысить свой экстрасенсорный потенциал вдвое. Хотя непосредственно секрет процесса перехода из биологического состояния в мыслеформу Он и Она молодому эсперу не открыли, предоставив психоникам искать способ самостоятельно, если они того пожелают.

Джил в это время пыталась взломать сервер сети

информационного вещания, чтобы передать сконструированное Марком выступление напрямую в эфир. Они опасались, что в противном случае правительство предпочтёт скрыть информацию от народа. Впрочем, заниматься проблемой «библиотеки» всё равно предстоит властям — Джил уже на горьком опыте убедилась, что никакой частной группе энтузиастов с этим не справиться.

Марк расхаживал из угла в угол, с нетерпением ожидая, когда же Джил закончит взлом и передаст данные, и одновременно страшась этого момента. Ведь когда дело будет закончено, их пути разойдутся и, как подозревал Марк, навсегда. Он то и дело бросал взгляды на старый голографический экран, на котором отображалась трёхмерная диаграмма, иллюстрирующая прогресс в действиях Джил в киберпространстве. Три четверти защитных программ уже были нейтрализованы. Марк подошёл к двери, приготовившись уйти, как только начнётся процесс передачи данных, чтобы избежать тягостного разговора.

Когда до проникновения в систему оставалось выполнить один процент, тело Джил внезапно дёрнулось, будто в судороге. Девушка вскрикнула и сжала руки в кулаки. В тот же момент процесс завершился, и пошла передача данных.

Джил встала и сняла шлем. Лицо её застыло в неподвижности, подобное безразличной маске. Марк понял, что «библиотека» взяла Джил под контроль через биоимплант. Данные уже отправлялись в информационную сеть, но сведения об эсперах и мыслеформах Марк пока не передал. Юноша подумал, что ему следовало бы бежать, чтобы передать свои знания другим псионикам. Но понял, что не сможет бросить Джил в таком положении, никакие сведения для него ничего не стоили, по сравнению с ней.

Джил подняла стул, собираясь обрушить его на компьютерную консоль, но Марк остановил её с помощью психокинетического поля. Стараясь действовать как можно мягче, он направил телепатический импульс в её сознание, намереваясь блокировать связь мозга с биоимплантом.

Молодой эспер почувствовал, что его будто окунули с головой в ледяную воду и не дают вздохнуть. Через имплантат он на долю мгновения вступил в ментальный контакт с неорганическим коллективным разумом. С воплем боли Марк направил все свои силы на то, чтобы оборвать эту связь, выдёргивая при этом и сознание Джил из конгломерата кремнийорганических квазиразумов. Его голову заполнили волны боли, грозя сжечь нейронные связи в мозгу. Секунду спустя Марк понял, что это не его боль, а Джил. Чтобы сосредоточиться, он

отключил болевые рецепторы, но боль не исчезла, поскольку имела не физическую, а ментальную природу.

Джил уже сорвала горло, заходясь в непрерывном крике, а ногти до крови вонзились в ладони. У Марка оставался только один выход, хотя он не сомневался, что девушка никогда его за это не простит. Но он был согласен, чтобы она возненавидела его, лишь бы осталась жива. Марк сделал свой выбор, принял решение и резко оборвал все соединения биоимпланта с мозгом Джил, тут же перестраивая нейронные связи в обход имплантата. В его сознании мелькнуло удивление — откуда он знает, как это сделать? Но тут же нахлынула тёплая успокаивающая волна — это Он и Она подключились к телепатическому контакту, исподволь руководя действиями эспера.

Уложив потерявшую сознание Джил на кровать, Марк с трудом добрёл до кресла и, упав в него, от перенапряжения тут же отключился.

— 8 —

Марк очнулся от звона бьющегося стекла и девичьего визга. Открыл глаза, осматриваясь по сторонам в поисках нападающих. Но увидел только Джил, сидящую на кровати поджав ноги, с сигаретой в руке и разбитую пепельницу на полу.

— Я её не бросала. Тем более не в тебя, — ответила девушка на мелькнувшую у него в голове мысль.

— Я ничего не говорил, — пробормотал Марк.

— Громко думаешь, — фыркнула Джил.

— ТЫ на меня не злишься? — глупо брякнул парень.

— За то, что напортачил в моих мозгах и сделал меня эспером? — строгим тоном уточнила девушка. — Или за твои мысли в отношении меня?

Марк вспомнил, какую только что представил картину, увидев сидящую на кровати Джил, и густо покраснел. В следующий миг установилась обратная связь и, уловив ответные мысли девушки по этому поводу, он покраснел ещё сильнее.

— Может, прекратишь краснеть и улыбаться как дурак? — вернула его к действительности Джил. — Не пора ли от мыслей перейти к их воплощению?

Уловив сопутствующий словам мысленный образ, Марк вскочил было с кресла, но тут же рухнул обратно, со стоном схватившись за голову.

— Ладно, вообще-то у меня тоже жутко голова болит, — пожаловалась Джил. — Ничего, у нас впереди ещё много времени.

— Почему… — начал Марк, но она поняла его и без слов.

— Ну как же, у нас ведь теперь постоянный телепатический контакт. Я буду знать всё, что ты делаешь, ты — всё, что делаю я. Никакой личной жизни… кроме совместной, — Увидев, как Марк помрачнел, Джил рассмеялась. — Глупый, я шучу. Просто я видела все твои мысли. И поняла…

Дальше они перестали говорить вслух, и перешли на обмен мыслеобразами. Потому что, говоря о чувствах словами, слишком многое остаётся невысказанным и непонятым.

— 00 —

Из сообщений сети информационного вещания:

> «Неизвестная группа киберхакеров объявила о своём намерении пробить информационную блокаду, установленную вокруг коллективного неорганического разума, с целью влить в него свои сознания. Это уже третья подобная акция за текущий месяц. Судя по двум случаям обнаружения людей, умерших по неизвестным причинам, будучи подключёнными к виртуальной реальности, предыдущие акции увенчались успехом. Официальные источники не подтверждают информации о возможных случаях проникновения через блокаду…»

> «Ещё один эспер, умерший по неизвестным причинам, вступил в телепатический контакт со своими родственниками. По их словам, он утверждает, что перешёл в иную форму бытия, и сделал это по собственной воле. По делу ведётся расследование. Официальные источники…»

— 000 —

— Люди такие странные, — заметила Она.

— Да, они отличаются от нас, — согласился Он.

— А всё-таки мне интересно, какой путь развития они выберут?

— О, они уже выбрали, — засмеялся Он. И ощущая Её непонимание, объяснил: — Они избрали сам выбор. Каждый решит для себя, слить ли свой разум с «библиотекой», став малой частью конгломерата интеллектов или же сделаться подобным нам. Многие предпочтут искать для себя иные пути. И не просто

ждать, когда таковые появятся, но создавать их самостоятельно.

— Это удивительно, — восхитилась она. — И так…

— Так по-человечески, — договорил Он.

Стужа

Утро вечера мудреней? Да, эта поговорка в то утро оправдала себя на все сто процентов, только вот почему-то никто не удосужился уточнить: «О какой мудрости идёт речь?». Алекс Горин, как назвала меня маменька — для друзей я просто Кручёный — даже не мог себе представить, что его проблема разрешится именно так. Моя проблема.

Когда вчера вечером не прибыли сменщики, я заподозрил неладное и вызвал Перевалочный Пункт по рации. Ротный приказал не дергаться и ждать до утра, мол, у них там какой-то кипиш, и сегодня за мной машина придти уже не сможет. Ну не сможет и хрен с ней, с той машиной! Подумаешь. Жратвы хватит и не на одну ночь, благо в дежурной вышке всегда находился неприкосновенный запас на непредвиденные обстоятельства. Обстоятельства были как раз подходящие. Я слопал тушёнки и, заправив её кружкой спирта из того же НЗ, завалился спать. А что ещё было делать?

Но когда наутро с жуткого бодуна я разглядел в бинокль колонну вездеходов с эмблемой колониального батальона, мне стало не по себе. Машины шли полным ходом по рыхлому снегу, словно по накатанной дороге. Никакой сменой эта процессия, конечно, быть не могла. Колонисты крайне редко появлялись у северных границ. Какого хрена они тут забыли?

Припав к линзам бинокля, я стал высматривать сопровождение. Если это какие-нибудь дезертиры или бандиты, коих в последнее время развелось пруд пруди, то придётся их шугануть. Два крупнокалиберных пулемёта не просто так торчали на вышке, причём один из них был направлен внутрь периметра. Конечно, ограды никакой не было, просто жирная линия на карте, но и я, и люди в вездеходах понимали, с какой стороны границы они находятся.

Стрелять не пришлось. Из поднятого снежного облака позади колоны наконец показались знакомые грузовики с эмблемой Пятой Северной погранзаставы и джипы егерей. Секундой позже затрещала рация, из которой раздался голос ротного:

— Кручёный, не вздумай палить! Колонну пропустить! Как понял?!

— Понял, — вяло отозвался я, а пальнуть ой как хотелось. Шляются тут всякие!

— Жди нас на вышке. Мы идём колеёй, и минут через двадцать будем у тебя.

— Какого эти тоже колеёй не пошли? Гады все

пристреленные зоны вспахали, — зло бросил я. — Мы же их теперь полгода будем восстанавливать!

— Вот и разомнётесь! Всё! Отбой.

— Твою ж… — выругался я и забросил рацию в угол.

В конце концов, чего зря душу рвать? Через месяц мне уходить в заслуженный отпуск, а там, глядишь, и работа в Центре подвернётся. Свой «долговой десяток» я уже отслужил, тем более не где-нибудь, а на северной границе — хорошее подспорье для новой жизни в теплом обустроенном Центре.

Вездеходы с ревом промчались мимо сторожевой вышки и с треском вломились в густой подлесок. Идиоты! Вот веселуха-то будет, если выскочки нарвутся на мины. Я понятия не имел, что это за группа и почему они в такой спешке рвутся отправиться на тот свет. Врываться в опасную и малоизведанную пустошь (а территорию за чертой иначе и не назовёшь) с треском и шумом — верный путь остаться в промёрзлых снегах. Все прекрасно помнили, что случилось с первой волной колонистов, которые осваивали центральный район (за глаза называемый Центром) теперешней разросшейся колонии. Поделом!

Градусник за окном показывал минус тридцать. Не жарко, хотя и теплее, чем на прошлой неделе. Закутавшись в фуфайку и натянув ватники, я повесил на плечо карабин и стал спускаться вниз по лестнице. Меховую шапку чуть не сорвало порывом ветра, и она съехала набок. Я выругался, но завязать узел ушанки потуже в толстых рукавицах, да ещё спускаясь по лестнице, я не мог. В конечном итоге шапку сорвало, и она улетела метров за двадцать. Благо голову закрывала лыжная маска, но стылый ветер всё же забирался под неё. Отыскав шапку в снегу, я спешно надел её, не хватало ещё менингитом заболеть. Со всей этой вознёй я упустил момент, когда к сторожевой вышке подъехали пограничники.

— Ты совсем офонарел?! — с ходу выпалил ротный, и тихо добавил: — Ты какого хрена даёшь лишний повод егерям постебаться над нами?

Я скосил взгляд в сторону. Разодетые все как один в белые маскхалаты егеря топтались у джипов и тихонько перешучивались, кивая в сторону погранцов.

— Виноват, — пожал я плечами, но виноватым себя не считал. Мне было глубоко плевать на мнение каких-то там егерей.

Ротный принюхался к чему-то. Он прищурил взгляд и вплотную подошёл ко мне:

— Да ты ещё с бодуна?! Разит же за версту! Кручёный, ох и доиграешься ты у меня. Впрочем, ты и так нехило вляпался.

Мне не понравился его тон, уж очень быстро ротный спустил на тормозах факт употребления солдатом алкоголя на посту. Зажевать хвоей вылетело из головы, я-то перегара не чувствовал, да и не мог предположить, что на заставу приедет сам ротный да ещё с такой свитой. Дела, за такое должно влететь по полной, но ротный что-то темнит. Выудив из кармана несколько еловых иголок, я быстро закинул их в рот.

— Поедешь во втором грузовике, — приказал ротный.

— Куда?

— По пути всё узнаешь. По машинам! — отдал он приказ. Мне пришлось подчиниться — спорить себе дороже.

Ну и мудренее теперь утро-то?! Точно вляпался!

Запрыгнув в кузов грузовика, я занял свободное место на лавочке. Помимо меня в кузове сидело ещё пятеро погранцов. Троих я видел впервые, видимо, новички. У буржуйки пристроился Герман и ворочал угли кочергой. Парень был не из моего взвода, так что знал я его плохо. Зато сержанта Николая Лосева или по-простому — Коршуна, — восседавшего на отдельной скамье у кабины, я знал хорошо.

— Даров, Кручёный, — протянул он мне руку для приветствия. — Всё в рядовых ходишь?

— Да вот, как видишь, — я пожал руку. — Чистые погоны…

— Ну да, совесть у тебя чиста, — расплылся в широкой ухмылке Лосев.

Я проигнорировал подколку.

— Чё за кипиш?

— Видел вояк долбанных?

— Ну, видел, — кивнул я.

Значит, это не колонисты никакие, а солдаты из Центра. Чего их в нашу глушь-то занесло? Давно задницы не морозили, что ли. Тут же один снег. А, ну ещё лёд. И камни. Где-то под снегом и льдом.

— Вот тебе и весь кипиш.

Емкий ответ.

— А если серьёзно?

Коршун было открыл рот, но тут со скрипом заднее окно кабины сдвинулось в сторону и оттуда показалась лысина капитана Сомова.

— Хватит лясы точить! — рявкнул он. — Дуй сюда, Кручёный!

Капитан кивнул мне на место рядом с Лосевым, который уже сидел ровно — шустрый малый, я и не заметил, как он буквально перетёк из одного положения в другое.

— Слушай инструктаж, — начал капитан, как только я занял

место. — Ты, как опытный человек и хорошо знающий эти места и повадки местных хищников, прикрепляешься к группе сержанта Лосева.

— Не совсем понял, — искренне удивился я. — А егеря тогда на что? Уж они-то похлеще меня знают эти места и повадки зверья.

— Ты старый волк. Более подходящей кандидатуры на данный момент у нас нет, — капитан прикрыл лысину шапкой. — А отдавать все лавры егерям мы не намерены. Усекаешь?

— Усекаю, — насупился я.

Точно влип ведь. Решили канат потягать, а меня всунули вовсе не потому, что я «старый волк»… Эх, заточил ротный зуб на меня, как пить дать заточил!

— Безопасников сильно заинтересовала какая-то хрень у Чёрных Пиков, то ли полезные ископаемые, то ли ещё что-то в этом роде. По воздуху они туда добраться не могут, говорят, что из Федерации давно не было поступлений техники, а старая уже ни на что не годна.

С этим я спорить не стал. Так как последние года три на Стужу — так называлась наша колония — поступала разве что провизия и то, только та, которую в здешних условиях вырастить не могли. Про оружие и нормальную технику я вообще молчу. Импульсные пушки можно было увидеть разве что у службы внутренней безопасности Центра, нам же выделялся только огнестрел. Да и в целом последнее время туго стало жить на Стуже.

— Так что придётся ножками. К Чёрным Пикам даже на вездеходах не подобраться. Короче надо помочь ребятам. Глядишь, откопают что-то и вспомнят там, — капитан указал пальцем в крышу кабины, — про нашу богом забытую колонию.

— А что они такие нетерпеливые? — хмыкнул я, вспомнив, как солдаты вломились в лес. — Думали на ура взять и сразу к Пикам?

— Лагерь они у Серебряного разбить хотят, вот и ушли вперёд, — пояснил капитан. — Там отдохнёшь, придёшь в себя и послезавтра выдвигаетесь.

— Ясно.

Лагерь, блин. Ну, хоть одно радует, что не с корабля на бал. До Серебряного с нашей скоростью трястись ещё час. Вот и посплю немного.

Сам лагерь меня мало впечатлил: несколько антенн, парочка дизельных генераторов, куча всяких технических нагромождений и две здоровенные армейские палатки, но солдаты всё прибывали и прибывали, так что палаток обещало быть больше. Следует

отдать безопасникам должное — вездеходы они поставили полукругом с наветренной стороны, так что в палатках, которые ещё к тому же обогревались бензиновыми печами, спалось мне просто отлично. Весь следующий день специалисты из колониального батальона крутились возле техники, плясали, чуть ли не с бубном у антенн и постоянно громко спорили. Нас же с егерями мариновали занудным инструктажем. В конечном счёте, решили провести рекогносцировку (я сумел вымолвить это слово только с пятого раза) местности, а там уже, как говорит наш ротный: «Будем посмотреть»…

В разведку к Пикам двинулись группами по трое, погранцы с егерями вперемешку — никто не хотел уступать другим лавры первооткрывателей, хотя ни мы, ни они, толком и не понимали, что ищем. Уж явно не полезные ископаемые раскапывать шли, не саперными лопатками из стандартного набора же этим заниматься… Егеря о цели поисков, похоже, знали побольше нас, или, может, просто умело делали вид — лично я поверил. Коршун, тот посмеялся надо мной и в паранойе обвинил, мол, выдумал тут невесть чего, обычная проверка пути и прокладка безопасного маршрута, а дальше уж не нашего ума дело, чего там солдаты откапывать собрались, хоть останки затерянной цивилизации. Может и прав в чем-то Лосев, а мне все ж неспокойно — если дельце большими деньгами пахнет, а в этом спору нет, не обойдётся ведь всё тихо-мирно, не бывает такого.

— Эт чё тут такое? Лыжня, никак? — прервал мои мысли один из егерей, молодой совсем парнишка, явно новичок.

— Ага, одноногий лыжник проложил, — хмыкнул я, оглядев его находку.

Второй егерь, шедший с нами в группе, заржал:

— Змея снежная тут проползала, понял, неуч. Вот же навязали тебя на мою голову.

— Да-а… — протянул я, скромно умолчав, кого и на чью голову тут навязали, — надеюсь, ему бородатые тигры за каждым кустом мерещиться не будут.

Паренёк что-то обиженно буркнул и насупился. Даже про тигра не спросил. А зря, красивая, в общем-то, байка, хоть и враньё несусветное.

Дальше двинулись почти молча, изредка перебрасываясь фразами исключительно по делу. Молодой егерь совсем отмалчивался, опасаясь ляпнуть очередную глупость и ещё больше опозориться как в глазах старшего товарища, так и представителя враждебной фракции — то бишь меня. Но я не сомневался, что это не продлится долго.

Мои ожидания оправдались менее чем через два часа.

Паренёк что-то заметил и внезапно вскрикнул, но тут же замолк, сделав вид, что ничего не произошло. Сам я в тот момент глядел в другую сторону, но, обернувшись на вскрик, тоже успел что-то заприметить. Вряд ли это «что-то» было опасное или хотя бы интересное, но для порядку надо б разузнать…

— Эй, парень, чего там было? — поинтересовался я. — Ты не тушуйся, если ерунда какая, беды в том никому не будет. А если что серьёзное — может, ты жизни наши спасёшь, в героях ходить будешь.

Опытный егерь презрительно фыркнул. То ли решил, что я глумлюсь над новичком, то ли мои опасения его так развеселили.

— Да ничего там не было, померещилось, — откликнулся юнец, и, отвернувшись, попытался продолжить путь.

Я перехватил его за рукав и развернул к себе:

— Э, нет, дружок, не юли, я там тоже чего-то видал, да не разглядел. Брось дурить и дуться, как ребенок. Думаешь, тебя зачем сюда вообще взяли? Новички, они завсегда то примечают, что опытные пропустят. Глаз замозолился у нас давно, ничего нового, снег кругом, ну змеи иногда, даже если зеленая обезьяна под носом пробежит — проморгать можем. Потому как увидеть не ожидаем. А чего человек не ждёт, того его глаз, случается, и не фиксирует…

— Издеваешься, — буркнул он. — Обезьяна зелёная… не зелёная, а белая. И не обезьяна, а снежный человек. Так я подумал. Но глупость же это всё. Шутите надо мной, поди? Кого подговорили нарядиться?

Я переглянулся со вторым егерем. На его лице отражалось искреннее недоумение. Выходит, не его рук дело. Ну и не моё, в этом-то я точно уверен. Значит, либо из другой группы кто проказит, либо глюки у паренька пошли. Не водится тут ни обезьян, ни зелёных, ни даже белых, ни, тем более, йети каких — не те горы, не та планета…

— М-мать-перемать!.. — прозвучало у меня за спиной, и следом раздался выстрел. Эхом откликнулся нечеловеческий вопль боли.

— Не стрелять! — заорал я, вырывая у егеря ружьё и вглядываясь в источник вопля.

И впрямь, что-то здоровенное, белое и мохнатое, бежало по снежной пелене, приволакивая ногу и выделяясь из окружающего ландшафта только кровавым пятном, прямёхонько в области чуть пониже спины… Я прямо и не знал, ржать тут в голос, вопить в панике или подмогу вызывать. Надо же, прямо в задницу чуду снежному шарахнул!

— За ним, быстро! — приказал я.

Ошарашенные происходящим егеря беспрекословно подчинились, хотя главным над ними меня никто не ставил. Но в такой ситуации чьим угодно приказам подчиняться начнёшь, когда сам не знаешь, что делать. Я и сам не знал и рад был бы переложить на кого-то ответственность, но подходящих кандидатур рядом не было, а раненный «снежник», как я его про себя успел прозвать, ждать не будет. Может его-то тут солдаты и искали, может он живой пары миллионов кредитов стоит, а может… да какая разница, ловить надо, разбираться потом будем!

Я бежал, по колено проваливаясь в наст, и слышал только хриплое дыхание двоих егерей по бокам, видя перед собой кровавое пятно на белой лохматой шкуре. Нельзя так поступать опытному разведчику, ох, никак нельзя, не доводит до добра подобное. Только как же ещё себя вести в таких ситуация прикажете? Логика и здравый смысл остаются где-то там, в нормальном и привычном мире, а тут, рядом с неизвестным существом на изученной, в общем-то, вдоль и поперёк планете — по крайней мере, касательно местной фауны и возможного присутствия разумных существ, с этим у отдела Первого Контакта строго, не допустят планету к колонизации, пока всё не обшарят — остаётся только бежать и надеяться не упустить… А уж гонишься ли за своим единственным шансом или за смертью собственной — это потом видно будет, когда догонишь, сейчас не до того.

Не знаю, сколько я так бежал, точно не меньше часа. Через какое-то время я уже перестал слышать егерей, то ли отстали, то ли я настолько сосредоточился на беге, что перестал замечать и своих спутников. В конце концов, я просто споткнулся и упал в снег, а когда начал подниматься, увидел что-то, взметнувшееся над моей головой и отключился — видимо, либо преследуемое мной существо, либо его сородичи попросту огрели меня по голове.

Очнувшись, я удивился. В первую очередь самому факту того, что очнулся. Странно, что это существо, кем бы оно ни было, не добило меня. А находился я в какой-то пещере, лежа на подстилке из еловых лап. Рядом сидел и лыбился во все оставшиеся двадцать два зуба Лосев. А он-то откуда тут взялся? Это сколько ж я в отрубе проваляться умудрился?

— Где?.. — с трудом прохрипел я.

— Обезьяна? Зелёная? — насмешливо уточнил Коршун.

— Белая. Снежник.

— Тю, Кручёный, ну даёшь, уже и название зверушкам придумал, — хохотнул сержант. — Вставай уж, герой дня,

залежался.

Лосев сунул мне в руку фляжку. В горле порядком пересохло, так что я, не задумываясь, хлебнул, да от души. Спирт обжёг глотку, так что я даже закашлялся.

— Предупреждать надо! — возмутился я.

— Зато как подскочил сразу, — хмыкнул сержант. — А то уж думали тут в сугробе и закапывать. Не хило тебя приложил этот, как его, снежник.

Опираясь на плечо Коршуна, я выбрался из пещерки.

Во дела, народу-то вокруг, солдатни едва не вся армия, будто не у Серебряного лагерь разбили, а прям тут. Это что ж получается, я за тем чудом снежным аж до самых Чёрных Пиков добежал?

— О, живой! — подбежал ко мне тот самый егерь, с которым в тройке шли. — Ну здоров ты бегать, погранец! Едва догнали. Я уж думал, ты того. Смотрю, лежишь, и обезьяна эта рядом. Я к вам, она тудыть, — мужик махнул рукой в сторону пещерки.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я. — Если б не ты, меня б точно того.

— Не забудь капитану за меня слово замолвить, когда награждать будет, — кивнул егерь в сторону собравшихся солдат.

Я только кивнул. Награда, это завсегда хорошо. Понять бы ещё, за что. За глупость меня ещё не награждали. Это ж надо было так дурака свалять, попереть одному за чудищем снежным. Ан ничё, выкрутился всё ж.

— Давай-ка в грузовик его оттащим, — велел егерю Лосев. — Пущай в лагере в медпункте осмотрят. А то бывали случаи, получит по башке мужик, вроде оклемается, нормально всё, а потом упадёт вдруг и кирдык.

— Не надо кирдык! — возмутился я и сам ломанулся к вездеходу.

Но ноги ещё плохо держали, так что едва не навернулся. Так и пришлось тащиться, держась за сержанта и егеря. Умеет же Коршун настроение подпортить, стоило о награде размечтаться, как он про кирдык, мать его.

То ли спирт в голову ударил, то ли меня действительно хорошенько обезьяна по черепушке треснула, хрен его знает. Но весь дальнейший путь к Серебряному слился в одну смазанную картинку. Лосев о чём-то спорил с егерями, иногда хлопал меня по плечу, на что я кивал в ответ. Какой-то молодой парнишка с повязкой на руке в виде красного креста на белом фоне хлопотал подле меня. Потом я отключился.

В себя пришёл уже в лагере. Меня определили в госпиталь и, уложив на кушетку, приказали отлёживаться. Так и пролетела

неделя или больше. Я отлёживался. Врачи два раза на день осматривали меня, меняли повязки, таблетки заставляли пить, в общем врачевали. Из госпиталя — огромной палатки, которую видимо, поставили в моё отсутствие — меня не выпускали, даже часовых у входа выставили. Поначалу я думал, что это мне оказана такая честь, мол, герой к награде представлен, но как выяснилось позже — я заблуждался. Уже на третий день медицинская палатка была под завязку набита ранеными солдатами. А солдатами ли?

— Слышь, Коршун, — спросил я сержанта, когда тот явился проведать меня, — что там у вас творится?

— Хреново творится, — отмахнулся он. — Снежники твои солдатню положили. Две роты, чтоб их!

Он сплюнул, и, отхлебнув из фляги, предложил мне. Я не отказался. Сделав осторожный глоток, я вернул фляжку сержанту.

— Да, но вон там, — я кивнул в сторону брезентовой перегородки, которая разделяла палатку, — вовсе не солдатня лежит.

— Спецы, — Коршун картинно воздел руку, тыча указательным пальцем в брезентовую крышу. — Специальный батальон вызвали, пока ты тут валялся. Эти хоть выживают, раненые, но живые из пещер выползают. Своё дело эти ребятушки знают! Снежников живыми добывать умудряются. А вот солдатиков жалко.

Лосев снял шапку и протёр выступившую испарину на лбу.

— Ни черта не пойму, — сказал я, приподнявшись на топчане. — Добывают?! Как живность что ли? На шкурку?! Мать же твою, Коршун, что происходит?!

— Не кипятись, Кручёный, — сержант добродушно хлопнул меня по плечу. — Наше дело маленькое: вышли, разведали, определили противника, доложили. Дальше работают спецы. Чего ты взъелся-то?

— Всё равно не понимаю, — скривился я.

— На вот, оставляю тебе, — Лосев протянул мне флягу. — Может прояснится в твоём котелке подбитом.

Не прояснилось. Ни на следующий день, ни через неделю. Наружу меня всё так же упорно не выпускали, как я ни грозился, даже в драку чуть не ввязался один раз, за что получил приличную дозу успокоительного. Плюнув на всё, я предался ничегонеделанью. Чего зря душу рвать? Выпишут, там и разберусь, что за хрень творится в лагере. Да и не о том мне стоило думать. Со всем этим кипишем я напрочь позабыл про увольнение, а после ранения и возможной боевой награды демобилизовать меня должны сразу как из госпиталя выпишут.

— Собирайся, Кручёный, — сказал мне на девятый день полевой врач Петров — редкостная скотина, я ему ещё не простил дозу снотворного. — Дуй в штаб, там тебя Сомов уже второй день дожидается.

— Как второй?! — вспылил я. — Чего же ты, гадина, меня тут маринуешь, как селёдку в бочке?!

— Не до тебя, погранец, мне было, забыл, — отмахнулся Петров и, бросив на топчан мои документы, скрылся за перегородкой.

Вот уж скотина, так скотина! Забыл? Ну я ему забуду, попадись только мне на глаза. Крыса тыловая! Наспех собравшись, я ткнул в морду часовым документами и выскочил из ненавистной медицинской палатки. Вдохнул полной грудью свежий морозный воздух и в буквальном смысле опьянел, меня даже качнуло в сторону.

— Даров, герой! — окликнул меня кто-то.

Я обернулся. Старый знакомый или новый? Я ещё не разобрался. Но тем не менее это был второй егерь из нашей тройки. Вот блин, а я даже имени его не знал.

— И тебе не кашлять, эээ, — замялся я.

— Васькой меня кличут, — расплылся в улыбке егерь и протянул руку для приветствия.

— Кручёный, ну или Алекс Горин, — я пожал ему руку. — Какие новости с фронта?

— Долбят снежников потихоньку. Выкуривают мартышек из пещер, в общем. Спецы приноровились к тактике мохнатых. Теперь малой кровью обходятся. Не то, что первая партия. Жаль ребят, молодые были.

— Да уж, — кивнул я. — Только не пойму, с чего же было не подождать хвалёных спецов? Мы вроде справились с задачей — нашли этих снежников, — я непроизвольно потёр больное место, хорошо же меня треснула обезьяна. — Так они сразу молодых необстрелянных в бой кинули.

— Не знаю я, Кручёный, подробностей. Нам, как и вам, рассказали явно не всё. Задачу поставили и вперёд, остальное волновать не должно, — пожал егерь плечами.

— Это точно, — согласился я, вспомнив инструктаж. — Ну а на кой ляд им эти мохнатые понадобились? Я пока в госпитале валялся, даже носа высунуть не мог, Петров, мать его, постарался!

— А шут его знает, — егерь снова пожал плечами. — Слухи ходят, на работы привлекать будут.

— На какие такие работы можно привлечь озлобленных диких обезьян? — удивился я.

— Мне это неведомо, погранец. Да и тебе советую нос не

совать.

Темнит что-то егерь, ой темнит.

— Ладно, паря, мне в штаб пора. Сомов, говорят, второй день меня дожидается. Бывай.

— Береги себя, — егерь улыбнулся и, хлопнув меня по плечу, отправился по своим делам.

Я же побрёл к штабу, но решил идти не напрямик, а сделал небольшой крюк. Надо было и осмотреться. Всё-таки за девять дней в лагере многое изменилось. Количество армейских палаток выросло чуть ли не в десять раз, а быть может и больше. Повсюду, куда ни глянь, суетились здоровые лоси, иначе верзил из специального батальона и не назовёшь. Все как на подбор. Я невольно проникся уважением к этим бойцам. Добывать снежников в узких пещерных коридорах — это вам не по оленям из вездеходов палить. Уж я-то успел с обезьянками познакомиться лично.

— Стой! Мать твою, куда прёшься, погранец! — окрикнули меня. — Задавят же!

Я обернулся и чудом успел отскочить. Колона вездеходов с рёвом выскочила из-за косогора и буквально ворвалась в лагерь.

— Какого хрена?! — вспылил я, но тут же умолк.

Из машин стали выбираться злые бойцы. Выражения их лиц не сулило мне чего-то хорошего, а получить снова по маковке как-то не улыбалось. Я поспешно ретировался, краем глаза отметив, что два грузовика были плотно набиты снежниками. В буквальном смысле набиты! Я было подумал, что это мёртвый груз, но обезьяны скорее всего были без сознания, так как некоторые из них всё же шевелились, когда их запихивали в клетки, которые уже дожидались пленников.

Побродив ещё немного по лагерю, я упёрся в штабную палатку. Постояв немного в нерешительности, показал часовым документы и, дождавшись разрешения, вошёл внутрь. В нос тут же ударил едкий запах бензина смешанный с не менее едким запахом табачного дыма. Да, тут было накурено. Сомов и ещё пяток старших офицеров о чём-то громко спорили. Я решил обождать и уселся подле входа на деревянную лавку.

— А вот ты где, обыскался уже, — в штабную палатку ввалился не кто иной, как Коршун. — Ждёшь?

— Угу, — кивнул я.

— Ну, тогда подождём, — сержант сел рядом со мной. — Знаешь уже, зачем вызвали?

— Без понятия, — пожал я плечами. — А ты тут за каким?

— Вызвали, — односложно ответил Лосев и покосился в сторону офицеров. — О! Зовут. Идём, Кручёный.

Капитан Сомов отошёл в сторону и призывно махал нам рукой.

— Я буду краток, не до вас сейчас, ребятки, — начал он, как только мы подошли и отдали честь. — Присаживайтесь. В общем, так! Спецы собрали первую партию снежников, кстати, Кручёный, твоё название прижилось, — капитан криво ухмыльнулся. — Первая партия готова для отправки на базу Северогорска. Конвоировать будут солдаты. Ребятам из армии стоит реабилитироваться в глазах руководства, поэтому им доверили конвой. Кручёный, ты, помнится, первые три года служил в Третьей Северной?

— Ага, довелось, — кивнул я. — Пришлось побегать по тайге.

Воспоминания заставили меня съёжиться. Лихие были времена.

— Ну так вот, конвой поёдет через тайгу в районе Лисьих Гор, а ты, Кручёный, те места должен знать, как свои пять пальцев.

— Но я же после ранения, к тому же… — но моих возражений никто слушать не собирался.

— К тому же ты свою десятку отслужил досрочно. Вот документы о представлении к награждению за боевые заслуги, — перебил капитан, выудив из кармана листок и протягивая мне. — А это приказ о демобилизации сержанта Алекса Горина, — мне на руки выдали очередной документ.

— Сержанта? — присвистнул я.

— Да, за твои заслуги, Кручёный, ты давно уже в прапорах ходил бы, если б вечно в истории не попадал, — скривился Сомов. — На гражданку пойдёшь сержантом. Потом мне спасибо скажешь. Всё, с формальностями покончено. Вы оба и ещё несколько егерей оправляетесь с конвоем в качестве проводников. Старший в группе Лосев, но подчиняетесь майору Пшёнову. Всё ясно? Тогда завтра выступаете. Свободны.

Коршун разбудил меня ещё затемно. Не дал, гад, поспать. Ну вот на кой мне вставать в четыре утра, тогда как конвой выдвигается в шесть? Вещи я ещё с вечера упаковал, ружьишко почистил, нож наточил. Что ещё? Нет ведь, разбудил всё-таки.

— Надобно карты посмотреть да маршрут с Пшёновым разработать, — объяснил сержант.

Маршрут разработали быстро. Тактику передвижения избрали стандартную. Малый отряд разведки двигался в авангарде: я, Коршун и несколько егерей; затем основная колона: солдаты и ценный груз, как прозвали снежников вояки; и арьергард: остальные погранцы и отделение спецов. Всё как в

учебниках. Но по сути бояться было некого. Разве что диких зверей, да снежных змей, но это все опасности привычные, а потому не страшные.

Так и выдвинулись ровно в шесть. Передовому отряду пришлось нацепить лыжи, иначе толку от нас не было никакого. Грузовики двигались, кончено, медленно, но пешим ходом должную разведку нам бы обеспечить не удалось.

— Слышь, Кручёный, — сопел мне в спину Коршун. — Давненько я на лыжи не вставал, а ты, смотрю, прёшь, как истинный разведчик.

— Да погонял меня ротный месяц тому по тайге, — ухмыльнулся я. — На дежурство не вышел, вот и получил нагоняй.

— Ох, не сносить тебе лычек, Сашка, — как-то уж слишком панибратски он это произнёс.

Первые пять дней пролетели, словно и не было изнурительного бега на лыжах по промёрзлому снегу. Ранний подъем, и наша группа отправлялась на разведку. Связь с Пшёновым держали по рации. Короткий обед и уже вечером, по команде «Стоп!» мы разбивали лагерь. Стояли отдельно за несколько километров от общего звена. Снежников я не видел. И понятия не имел, зачем их куда-то везут и что от них требуется? Неужто изучать будут? Хотя из кратких вечерних разговоров у костра я стал слышать уж очень неприятные теории погранцов. Основным теоретиком по делу снежников был, конечно, Лосев.

— Я вам так скажу, други, — вещал он, когда очередная фляга разошлась по кругу. — На рудники везут снежников, добывать что-то.

— Чего добывать-то? Коршун, захмелел совсем? — не соглашался круглолицый егерь, подбрасывая веток в огонь. — На Стуже отродясь ничего ценного не было.

— Я вот слыхивал, что у Песьей балки геологи что-то откопали в том году, — встрял в разговор Герман. Его к нам в отряд на второй день приписали, всё же знакомы мы были как-никак, значит, и работать веселее будет.

— Скажу лишь одно, — решил я вмешаться. — Сомов говорил про базу Северогорска, и там действительно в том году работали геологи. Лично их по тайге водил, пока плеврит не подхватил.

— Знаю я твой плеврит, — усмехнулся Коршун. — Опился, небось, вот тебя и убрали с глаз долой.

— По себе не судят, Коршун, — нахмурился я.

Сержант лишь отмахнулся. На том и порешили. Я спать ушёл, а егеря с Коршуном ещё долго байки травили, да теории строили. Теоретики похмельные, мать их за ногу!

Но смех смехом, а прав Коршун оказался. На шестой день к нам смена пришла. А нас самих в центр конвоя отправили, передохнуть, так сказать. Тут-то всё и прояснилось. Солдаты охотно делились информацией за фляжку спирта. Им-то его не выдавали, а мы, как-никак, элита, ну и людей нужных, конечно, знать надо.

— Всё верно товарищ сержант говорит, — кивал захмелевший солдатик, когда Коршун ему свою теорию поведал. — На рудники обезьянок везут. Геологи залежи какого-то радиоактивного минерала отыскали где-то у Песьей. Тут-то наш отдел Первого Контакта и вспомнил, что у Чёрных Пиков обитают безобидные животные, способные трудиться в шахтах.

— Так уж и вспомнил? — удивился я. — А что же это они только сейчас спохватились? Да и я десятку оттрубил у этих Пиков, а ни про каких зверушек ни сном не духом.

— А я почем знаю, — обиделся солдат. — За что купил, за то и продаю. Дайте ещё глотнуть.

Коршун передал бойцу флягу.

— Всё дело в том, — продолжил парень, занюхав рукавом, — что минералы эти нужно добывать быстро и первая партия уже через два месяца должна отправиться в Центр для обогащения. Со слов моего брата, он в Центре работает в НИИ «Ядро»…

— Ядершик, значит, — уточнил Коршун.

— Да, — кивнул солдат. — С его слов я понял, что в нашей системе топливо для межзвездных перелётов подходит к концу, а найденные ископаемые смогут сделать нашу колонию одной из процветающих в секторе! Обещали даже терраформацию провести, так чтобы тёплый климат был даже у Глухого озера.

— Свистишь ты, парень, — скривился я. — У Глухого даже летом лед не сходит.

— Да что я-то?! Каждый в конвое говорит про это. Вот и торопятся снежников поскорее доставить. А спецы уже вторую партию готовят. Отдел Первого Контакта, оказывается, уже имел дело с этими зверушками, и вполне смог приручить обезьянок, но потом финансирование закрыли и снежников оставили в покое.

— Ну и правильно, — Коршун хлопнул в ладоши. — Заживём теперь, Кручёный! Эх, заживём! Зверушки нам руду таскать будут, а мы кредиты считать. Ты же всегда мечтал разбогатеть.

— Да уж, — нахмурился я. — Но не такой ценой, Коля. Не такой.

— А что такого-то? — хмыкнул Лосев. — Зверушек пожалел? Они тебя не шибко щадили, когда черепушку чуть не раскололи.

Я только плечами пожал. Ну да, по котелку мне залепила та обезьяна знатно. Но животное же, чего с него взять. Но сержант

не унимался, ухватил меня за рукав и потащил к клеткам.

— Ну, ты смотри, Горин, какие зверюги! — указал он. — Только волю дай, пополам порвут и тебя и меня. Дикие твари. А тебе их жаль стало, ёлки!

— Животные они, а зверьё, как говорится, греха не знает, — возразил я. — Ну мы-то люди ведь.

— Люди, — подтвердил Коршун. — И жить хотим по-людски. А если для этого надо пожертвовать какими-то обезьянами, так что теперь. Их там кормить будут, клетки тёплые, не то, что в пещерах.

— Уж тепло-то им там точно будет, — со смехом подтвердил охранявший клетки солдат. — Радиация, всё такое. Теплынь, аж шубы скинут от такой жары.

Будто поняв сказанное, один из снежников зарычал и принялся яростно трясти прутья. Солдат мигом подхватил стоящий рядом длинный стальной прут и ткнул через решётку в мохнатое пузо. Посыпались искры, снежник взвыл и отступил поглубже, прижавшись к сородичам.

— Видал, — махнул рукой на клетку Лосев. — Говорю ж, дикие твари, злобные.

— Твари, — кивнул я, глядя при этом на довольно скалящегося солдата.

Дальше я постарался таких разговоров избегать. Как только поднималась тема снежников, сразу уходил спать. Чего зря душу рвать. Правы мужики ведь, правы. Всё в Центре здраво рассудили, трезво, знают, как лучше. Уж всяко побольше Алекса Горина в обстановке понимают. И умом-то я с этим согласен. Но внутри всё равно что-то крутит, да спать мешает. Паёк что ли тухлый, даже спирт и тот не помогает.

Пока до Северогорской базы добрались, я уж не знал куда деваться. Взял в привычку иногда ходить мимо клеток, на снежников поглядывать. Обезьяны, конечно, животные, как есть. Но не злые, если не трогать, первыми не кидаются. Сидят, в шерсти друг дружки копаются. А иногда сядут рядком возле прутьев и смотрят. Потом, словно надумают чего, выть начинают. Да горько так, будто плачут. Ну, солдаты этого, конечно, не терпят, сразу током бьют, разгоняют. И правда, сил терпеть не было. Но чего ж делать-то, приказ дан, надо выполнять.

А моё дело вовсе сторона, как вернусь на базу, так сразу на гражданку, оттрубил своё хорош. И погоны сержантские обещали, а с ними и выплаты повыше, чем рядовому. Мне б спать сладким сном да будущую счастливую жизнь видеть, представлять, как в оттаявшем Глухом купаться буду когда-нибудь. Но снились почему-то только печальные глаза смотрящего через решётку

снежника…

Действовать следовало сейчас или никогда. Умнее, конечно, было бы выбрать «никогда», перевернуться на другой бок и задать храпака. Но что-то внутри мешало, стоило закрыть глаза, тут же, как наяву, вставала картина как солдат тычет снежника прутом с электродом на конце, отгоняя от решётки. А воображение дорисовывало ещё больше, представляя дальнейшую участь этих обезьян в руднике.

Какое мне до них, собственно, дело-то? Что они мне хорошего сделали? Чуть черепушку не раскололи! Прав же Коршун, зверьё тупое, пущай на благо нас, человеков, трудятся. Ну условия труда не человеческие, так они и не люди ж. Ведь не со зла их впрячь в лямку решили, нету другого выхода, нету. Люди в руднике от радиации вовсе в момент загнутся, а роботы в условиях Стужи долго не протянут, да и излучение на тонкие схемы пользы не оказывает. А у этих шкура толстая, да и привыкли они в своих пещерах к облучению.

Правильные мысли, товарищ Горин, ох какие правильные, только чего ж ты им не следуешь, а бурку напяливаешь уже? Ладно, раз уж решил действовать, нечего самому с собой спорить, да сидеть шнурки на валенках искать. Быстро вышел, отпер ограду и ходу назад на шконку, пока не засекли. Не хватало перед увольнением под трибунал попасть из-за каких-то тварюг мохнатых.

У машин конвоя часовых, конечно, никто не ставил. Свои все, чего друг дружку сторожить. А у загона два охранника должны стоять, вечером так было. А даже если и больше на ночь выставляют, ну не поверю я, что солдаты в этакую холодрыгу будут вдоль ограды топтаться да со снежниками рожи друг другу косорылить. Начальства-то рядом сейчас нет. Солдат спит — служба идёт. Хотя спать-то они вряд ли будут, а вот в картишки перекинуться — это запросто. А проигравший выходит обход делать и обратно. Знаю я, как оно бывает, сам не раз в караулах стоял, а люди везде одинаковы, что в погранцах, что в регулярных частях.

Ну, с богом, Александр Михалыч, авось и на сей раз выкрутишься, прозвище не зря дали. Хорош думать, решил уж всё, маскхалат на плечи и по-пластунски по сугробам. Снежок идёт, через час-другой снегопад разойдётся, авось к утру и следов не останется. Теперь главное, чтоб на горячем не поймали, потом-то не докажут.

Подбадривая себя такими мыслями, я засел за сугробом напротив ворот загона. Караульных и впрямь не видать. Надо

подождать, пока обход пройдёт. А там, пока они новую партию в подкидного скинутся, бегом-бегом всё обделать и спать, с чистой совестью.

Ждать долго не пришлось. Даже замёрзнуть не успел, хотя может тому пара глотков из заветной фляжки помогло. Часовой и не думал скрываться, от кого ему тут прятаться. Свои все, никаких полоумных идиотов, кому нутро совесть крутит, за сугробами сидеть не должно. Подбежал, хрустя берцами по насту, к воротам, замок подёргал, убедился, что всё в порядке, и обратно в караулку почесал. Дверь хлопнула, как бы давая сигнал — мой час настал, пора. Эх, а ведь не поздно ещё обратно повернуть…

Резак из ящика с инструментами я ещё по пути прихватил. Машинально как-то, сунул в карман и всё, сам не заметил. Видать, подсознательно ещё тогда всё решил. Ну всё, пан или пропал.

Явздохнул, собираясь с духом для последнего движения, ведущего прямиком к расстрелу, ежели смыться не успею. А может, ну его? Один из снежников, теснившихся в дальнем углу, выбрался из кучи и пошёл прямо ко мне. Ну, этого ещё не хватало, зарычит, услышат, придут проверять, а тут я. Я замахал на обезьяну руками, веля убираться, даже палец к губам прижал, тихо, мол. Хотячего я, он же зверь, разве ж поймёт. Но как ни странно, рычать снежник не стал. Тихо подошёл, встал по ту сторону решётки и на меня уставился. Задумчиво так, будто понимает всё, только сказать не может. А мог бы, чего б сказал, интересно? Что дурак ты, мол, Кручёный, ох дурак, но спасибо… Ага, если по башке мне не даст, как только замок собью, это и будет вместо спасибо, и того хватит. Нужна мне их обезьянья благодарность.

Резаком я ударил не по замку, а по петлям, наискось, чтоб не так явно видно было, что тут инструмент поработал. На вид похоже, будто силой сорвали. Экспертизу ежели делать станут, поймут, конечно, но не попрут же они ворота в лабораторию. Всё, дело сделано. Тикать пора.

Я распахнул створки ворот, и тут же едва не оглох от воя сирены. Мать-перемать, ну что за бестолочь я, как можно было про сигнализацию не подумать!

Снежник зарычал, дико, по-звериному, и попёр вперёд. Но мимо меня, в сторону караулки, откуда уже выбегали охранники. Прямо на них погнал, припадая на передние лапы и зачерпывая ими горсти снежной пороши. Это он что ж, чтоб они меня не заметили? Ну дела…

Я решил не упускать момент и сиганул за ставший уже почти родным сугроб. На пузе ползти резона нету, скорость важнее.

Авось, побегут все за обезьянами, которые, не будь дураки, на свободу ломанулись вслед за вожаком, да в разные стороны дёру дали. Ну и я их примеру последовал, пригнувшись, на четвереньках, к палатке.

— Вон он, держи его, стреляй! — заорал кто-то.

Я тут же упал в снег. Грохнул выстрел, но топот и крики не приближались, наоборот, удалялись. Огляделся по сторонам, никого. Ну и поковылял дальше. Так и до палатки добрался, не засекли. Резак по дороге в сугробе прикопал, улика всё же.

Утром на разнарядке сообщили, что ночью ренегат и изменник Лосев помог сбежать пленным снежникам, но был сам застрелен при попытке бегства возле выгребной ямы. Даже не представляю, какое у меня выражение на морде было, когда это услышал. Но приняли его за переживания по поводу потери товарища.

Коршун, что ж ты так? Эка не вовремя тебе по нужде пойти приспичило, аккурат момент выбрал. Всё равно снежников нагонят снова, и деньжата, которых ты так ждал, польются рекой. Эх я дурак! Друга подставил.

Вытащил я фляжку из кармана, Коршуновская, так и не вернул я её ему. Побултыхал, примерно половина. За тебя, Николай Андреич, до дна. Хоть и неправ ты был и не согласился со мной, но вместо меня сдохнуть не заслужил. Знаю, не понял бы ты меня и не простил, потому и не прошу, но и жалеть о сделанном не стану. Не мог я иначе, ну не мог, не по-человечески это было бы.

Лычки сержантские мне так и не дали. Потому как увольнение получать пьяный пришёл. Ну и чёрт с ними. Пусть чистые погоны, зато и совесть чиста.

Торжество разума

Космический челнок, преодолев плотные слои атмосферы, сверкнул на прощанье серебристым крылом и погрузился в густую молочную пелену, скрывающую под собой планету Ара-8.

— Жутковатое место, — произнёс пилот, сверяясь с датчиками. — Барт, сбрось скорость. Я ни черта не вижу.

Второй пилот выполнил приказ, но от комментария не удержался:

— Зачем мы вообще вошли в атмосферу с тёмной стороны? Отсюда до нужного квадрата сотни миль!

— Крупный циклон, лейтенант, — пояснила светловолосая женщина. — Солнечная сторона в это время года не лучшее место для высадки.

— Ерунда, — отмахнулся Барт. — Циклон для нас не помеха.

— Но риск остаётся. У нас чёткие приказы, лейтенант!

— Приказы…

— Не обсуждаются, Барт, — лаконично закончил вошедший в рубку высокий брюнет.

Капитана Николаева уважали, некоторые ненавидели, но спорить с ним решался не каждый, чревато для здоровья. Командир группы отличался суровым нравом, хотя некоторые знали его и с другой стороны, впрочем, это уже другая история.

— Что у нас, Катя? — спросил Николаев, склонившись над мониторами.

— Ничего хорошего, кэп, — устало откинулась на спинку кресла блондинка. — Планета скрыта плотным слоем конденсата, высокая степень влажности, приборы выдают ошибочные данные.

— Я уже давно перевёл управление на ручной режим, — сообщил первый пилот. — Доверять электронике выше моих сил… Влево!!! Барт! Влево на сорок, форсаж две сотни!

Челнок порядком тряхнуло. Но опытные пилоты смогли выровнять полёт.

— Кипятить твой котелок! Сэм, какого чёрта?! — выругался Николаев, поднимаясь с пола.

— Говорю же, доверять электронике выше моих сил, — дёрнул головой первый пилот. — Барт, вырубай к чертям собачьим всю эту хрень. Садись за сонар и рисуй мне чёткую картинку!

— Сделаем, — кивнул Барт, клацая тумблерами.

— Мы входим в зону восходящих потоков, — сообщила минутой позже Катя.

— Массив! Три мили, — тут же рапортовал Барт.

— А, чтоб тебя! Всем пристегнутся! — скомандовал Сэм и потянул штурвал на себя.

— Угол атаки превышен! Угол атаки превышен! — сообщил компьютер.

— Катя, заткни его! — рыкнул Сэм, борясь со штурвалом. — Если сработает защита, то мы красиво впишемся в эту стену!

— Сделано. Теперь вся надежда на тебя, Сэм… — женщина нервно закусила губу.

— Прорвёмся, — сквозь стиснутые зубы выдавил первый пилот. — Барт! Включай тормозные движки! На полную! Да что же ты копаешься?!!

Как Сэм ни старался, но челнок всё же зацепил скалу. Корабль со скрежетом прочесал днищем утёс и сорвался в штопор. Сэм ещё боролся с управлением, Барт как завороженный уткнулся в сонар, а Катя, вцепившись в приборную панель, до крови прокусила губу. Но Николаев знал, что это конец — спасательная операция провалилась…

Автоматика была отключена, и поэтому эвакуация катапультированием была невозможна. Ручное же управление находилось в пяти шагах от капитана, но перегрузки вдавили Николаева в кресло, он даже пальцем не мог пошевелить. Поверхность Ары-8 была уже близко…

Но что-то или кто-то решило вмешаться в ход истории. Корабль содрогнулся, замедлился, а потом с бешеной силой был подброшен к вершине утёса. Включилась автоматика, и челнок, выровняв полёт, вернулся на курс.

— У кого-нибудь есть ответы? — обернувшись, спросил Сэм.

— Внешние камеры должны были зафиксировать то, что происходило за бортом, — кивнул командир, отстёгиваясь. — Катя?

— А? А… да-да… конечно, — женщина не сразу пришла в себя. — Камеры?

— Да. Они же должны были что-то записать?

— Должны, — кивнула Катя. — Но не записали. Камеры отключились вместе со всей автоматикой.

— Чёрт! — Николаев стукнул кулаком в ладонь. — Сэм? Сколько осталось до квадрата?

— Тридцать миль, — сообщил первый пилот, сверившись с датчиками.

— Где этот хренов пилот?! Я убью гадёныша!

В рубку ворвался здоровый детина с оцарапанным лицом. Николаев тут же перегородил ему дорогу:

— Спокойно, сержант Йохансон!

— Кэп, что у вас тут творится?! — сержант всё ещё пытался

дотянуться до пилота. — Сэм?! Ты решил нас ухайдокать?!

— А приказ пристегнуться тебе был непонятен, Свен? — зло бросил первый пилот.

Сержант не нашелся, что ответить и с мольбой посмотрел на капитана, ища поддержки.

— Готовь ребят, Свен, — приказал Николаев.

— Есть… — буркнул тот.

Одарив Сэма взглядом, не сулившим первому пилоту ничего хорошего, сержант Йохансон покинул рубку.

— Сэм, постарайся добраться до места высадки без эксцессов, — посоветовал капитан. — Второй попытки симуляции Русских Горок сержант может и не выдержать, тогда я уж его точно не остановлю.

— Постараюсь, — понимающе кивнул первый пилот.

Челнок приземлился на поверхность Ары-8 через час. Сэм долго не мог найти свободного участка среди зелёного океана колышущихся джунглей. Но Николаев понимал, что спешка в данном случае не нужна, хватит и одного приключения на сегодня, поэтому не торопил первого пилота.

Корабль плавно приземлился на мягкую почву. Сэм выключил двигатели и принялся сканировать окружающую местность.

— Вроде чисто, кэп, — раздался его голос в динамике.

— Хорошо. Пока я не дам разрешения, челнок не покидать, — приказал Николаев в микрофон.

Закрепив гермошлем, капитан дал отмашку сержанту. Солдаты экспедиционного корпуса действовали по отработанной схеме. Люк с грохотом откинулся, и десантная группа высыпала из челнока, заняв круговую оборону.

Джунгли выглядели неприветливо, собственно как и сотни таких же джунглей, в которых довелось побывать капитану Николаеву. Видимость была практически нулевая, поэтому приборы ночного видения были глазами и ушами для отряда. Инфракрасный спектр также мог рассказать об окружающей территории многое. Ара-8 совершает оборот вокруг своей оси за пять земных суток, и ночь здесь властвует довольно долго. Провести шестьдесят часов во влажной, таящей в себе сотню опасностей сельве — серьёзный вызов судьбе.

Проведя рекогносцировку местности, группа рассредоточилась по периметру. Николаев сверился со спутниковыми картами и прикинул примерный маршрут. До восхода звезды у них оставалось около пятидесяти часов — вполне хватит для обустройства лагеря.

— Кэп, вам стоит на это посмотреть, — сообщил сержант Йохансон по рации.

— Что у тебя там?

— Похоже, мы нашли корабль.

Николаев выругался и поспешил к Свену, иногда посматривая на монитор пеленгатора, чтобы не сбиться с курса. Сержанта и трёх пехотинцев он обнаружил у какого-то странного холма. Капитан не сразу разобрал, что это такое. Приглядевшись, он распознал в этой куче обросшей лианами и ещё какой-то осклизлой дрянью корабль экспедиционного корпуса.

— Выходит, экспедиция всё же пропала, вопреки уверениям совета, — резюмировал он.

— Откуда такая уверенность, кэп? — развёл руками сержант. — Быть может, они просто запрограммировали челнок, задав координаты Ары-8, а сами сейчас считают денежки где-нибудь на Альфа Веге.

— Всё может быть, но одного челнока мало. Мы должны обследовать территорию. Обустраивайте лагерь, сержант.

— Есть, — не очень-то и охотно отсалютовал Свен.

Вернувшись к челноку, Николаев обнаружил там пилотов и Катю, которые оживлённо спорили.

— Кто разрешил покинуть корабль?! — рявкнул капитан.

— Вы сюда посмотрите, кэп! — Сэм пропустил мимо ушей замечание. — Теперь я действительно жалею, что приказал Кате вырубить электронику.

Николаев проследил за направлением взгляда первого пилота. Корпус челнока точно посередине опоясывала вмятина, чем-то схожая с бороздой от плуга. Местами кольцо имело зазубренные края.

Капитан обошёл челнок по кругу:

— Что ты скажешь на это, Катя? — спросил он. — Почему датчики не сообщили о повреждении обшивки?

— Я не знаю, — блондинка пожала плечами. — Мы обнаружили это только визуально. Я провела полную диагностику два раза, и ничего.

— Выходит, что какая-то неведомая сила сжала наш корабль, словно портовый кран контейнер и выбросила из ущелья? — изумился Барт.

— Не знаю… эта планета мне не понравилась сразу же, как мы вошли в атмосферу, — зябко передёрнул плечами Сэм. — Кэп, а вы что скажете на этот счёт?

— Следите в оба! — коротко бросил командир и вернулся в челнок.

Двое суток пролетели как одно мгновение. Временный лагерь был обустроен довольно-таки быстро: периметр заминировали,

были поставлены датчики движения, инфракрасные датчики, в общем, отряд капитана Николаева закрепился на точке основательно. Ломать голову и строить догадки о судьбе научной экспедиции было бессмысленно. Николаеву требовались неопровержимые доказательства, коих пока не имелось.

Три месяца назад группа учёных, возглавляемая профессором Кудрявцевым, подала запрос на исследование восьмой планеты в системе Ара. Правительство дало добро и выделило крупную сумму на экспедицию. Группа стартовала, вошла в атмосферу Ары-8 и… всё. На сеанс связи профессор вышел только один раз. И вот теперь Николаеву было поручено повторить маршрут Кудрявцева и по возможности отыскать следы пропавших.

— Кэп, датчики засекли движение на пять часов! — раздался голос Кати в ухе.

— Иду, — сонным голосом ответил Николаев, срывая шлем с головы. Армейская выучка иногда становилась в тягость. Спать в гермошлеме с одной стороны безопасно и всегда остаёшься на связи, но с другой… выспаться практически невозможно, когда в ухе, то и дело перекликаются постовые.

— Ну, что у вас тут? — капитан ворвался в рубку, словно слон в посудную лавку.

— Посмотрите сами, — Сэм развернул монитор.

Николаев насчитал пять целей. Через пару секунд к ним добавилось ещё четыре. Создавалось впечатление, что кто-то пытается взять лагерь в полукольцо.

Капитан нажал кнопку передатчика:

— Свен, как обстановка?

— Пока тихо, кэп, — отозвался сержант.

— А ничего, что вас окружают девять целей? — повёл бровью капитан, скорее для себя, представив, чем сейчас занимаются пехотинцы.

— Я никого не вижу, кэп. На радаре черный круг… а чёрт…

— Что у тебя там? — Николаев нахмурился, предчувствуя неладное.

— Да хрень какая-то с дерева упала, на дерьмо похоже, кэп.

Две короткие очереди заглушили вопрос капитана. Два-три, два-три…

— Сэм, готовь турели, — отдал короткий приказ Николаев и выпрыгнул из челнока.

— Свен, мать вашу! Кто стреляет?! — прокричал капитан в микрофон.

— По-видимому, третий пост, кэп. Я послал туда ребят! — возбуждённо произнёс сержант.

— Проглядели, слюнтяи! — выругался Николаев. — Я с вас

три шкуры сниму!

Автоматные очереди раздавались теперь с трёх сторон. Пятый, третий и шестой посты, навскидку определил Николаев. Передёрнув затвор на бегу, капитан ворвался в заросли зелени. Осмотревшись, он рванул к ближайшим всполохам — пятый пост, там огонь был весьма плотным.

Выбежав на прогалину, Николаев чуть было не сшиб двух пехотинцев.

— В кого вы палите, оболтусы?! — рявкнул капитан.

— Твари нападают с деревьев! — прокричал пехотинец и разрядил полрожка в небо.

— Вы совсем ополоумели?!

— Какая-то тварь утащила Вадима, и….

Пехотинец договорить не успел. Из кроны деревьев стегнул, словно пастуший кнут, толстый канат, очень похожий на лиану, и солдата утащило в чащобу. Николаев инстинктивно отпрянул в сторону и дал короткую очередь в том направлении, откуда вылетел «кнут», но безрезультатно. Позже, прокручивая в голове эту сцену, капитан догадался, что и челнок при посадке был атакован с помощью подобных «кнутов», только более крупных, способных деформировать корпус, а не только утащить человека.

Бой, если это можно было назвать боем, окончился так же быстро, как и начался. Николаев не досчитался трёх пехотинцев, а вот нападавшие, по всей видимости, вообще не понесли потерь, за исключением пленного. Сержанту удалось подстрелить какую-то зелёную тварь, и теперь десятки ненавистных взглядов буравили существо, связанное по рукам и ногам.

— Что за тварь?! — презрительно фыркнул Сэм, пнув существо ногой.

Действительно, тварь. Скользкое тело, зеленая чешуйчатая кожа, местами проросшая сорняком, вместо рук уродливые сучья; глаза этой гадины напоминали кусок засохшей сосновой смолы, вплавленной в болотную жижу. Одним словом, мерзкое существо. Но что больше всего поразило Николаева — тварь, как ни парадоксально это звучит, сильно походила на человека.

— Посмотрите на лицо! — воскликнула Катя. — Кажется, я её узнаю!

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился капитан.

Блондинка сняла с пояса портативное устройство:

— Посмотрите, это Эллионор Стеун — ассистент профессора Кудрявцева. Сходство один к одному, за исключением некоторых физиологических отклонений.

Николаев взглянул на монитор. Действительно. С экрана на него смотрела женщина лет тридцати, она была точной копией

пленного существа. Черты лица совпадали. Для убедительности Катя сделала снимок твари и наложила изображение на фотографию Эллионор — компьютер выдал девяносто пяти процентное сходство.

— Отнесите её в медблок, — приказал капитан. — Катя, проведи генетический анализ, сравнишь с данными в личном деле. И попробуй определить, что могло послужить причиной такой мутации.

— Думаете, это мутация, кэп? — с сомнением протянул Сэм. — Я думал, такое только в голофильмах бывает, а на самом деле мутации — это наследственные изменения в генотипе и проявляются при рождении, а не вот так вдруг.

— Умный, да? — пророкотал Свен. — Кэп, наверное, имел в виду, что тут поработала генная инженерия. Какие-нибудь сумасшедшие учёные устроили здесь базу, а экспедиция на них наткнулась. А может как раз сами члены экспедиции и есть те самые генокорректоры, как в том сериале, когда…

— Сержант! — резко оборвал его капитан. — Заткнитесь. Хватит строить нелепые догадки, тут дело серьёзное. — Он покосился на хихикающую Катю. — Лейтенант, вы, кажется, получили приказ.

Не дожидаясь ответа подчинённых, Николаев развернулся и отправился проверять ситуацию на других постах.

Вернувшись на корабль, капитан не успел добраться до своей каюты, как столкнулся в коридоре с Катей.

— Что с пострадавшей? — поинтересовался он.

— Какой пострадавшей? — удивилась женщина.

— Эллионор Стеун, — процедил Николаев, решив, что над ним издеваются.

— О, понятия не имею, что с этой женщиной и где она, — пожала плечами Катя.

— Разве её не доставили в медблок?

Женщина как-то нервно передёрнулась и только отрицательно помотала головой.

— То, что доставили в медблок, не было Эллионор Стеун. Это растение.

— Растение? — переспросил капитан.

— Ну, дерево или, может, кустарник. Хотя здешний лес вроде тропического, так что это, наверное, лиана. Да, человекообразная лиана с лицом Эллионор Стеун. И она засохла.

— Лейтенант, вы пьяны? — с подозрением осведомился Николаев.

— Исключительно в медицинских целях, — икнув, возразила женщина, — в качестве успокоительного. Когда притворяющаяся

человеком лиана засыхает на моих глазах, меня это слегка нервирует.

— Лиана, — задумчиво протянул капитан. — Хорошо, допустим, это действительно так и это, безусловно, выглядит странно. Но это определённо не повод напиваться. Здесь другая планета, возможно, для местных растений естественно мимикрировать…

— Кэп, — перебила его женщина, — я совершенно уверена в том, что для того, чтобы считать ходячий куст, изображающий человека, естественным, я в данный момент возмутительно трезва.

— Я тоже, — тяжело вздохнув, признался Николаев.

— Там ещё полбутылки осталось, — сообщила Катя и потеряла сознание.

Десантники к новости о мимикрирующих растениях отнеслись философски — не имеет значения, принадлежит враг к флоре или к фауне, важно только, сколько понадобится патронов, чтобы он перестал шевелиться. Лейтенанты, будучи людьми не столь приземлёнными, заметно нервничали, хотя и пытались скрыть это за показной бравадой. Оставаться на корабле, когда отряд отправится в разведывательный рейд, пилоты категорически отказались.

— Учёных корабль не очень-то защитил, — заметил Барт. — Эти растения даже сквозь корпус умудрились прорасти. И не будем мы сидеть тут как в консервной банке, гадая, не превратились ли вы уже в салат наоборот.

— Салат наоборот? — переспросил капитан. — Это как?

— Ну, когда вы едите растения — это салат. А когда растения едят вас — это, соответственно, наоборот, — пояснил Барт.

— Нет никаких свидетельств того, что кого-то тут съели, — нахмурился Николаев. — И я бы попросил не сеять панику.

— Поздно, — простонал Сэм. — Я теперь никогда салат есть не смогу. Гад ты, Барт.

— Кто-то говорил про салат? — раздался жизнерадостный голос Свена. — Мы их всех нашинкуем!

— Сержант, что это у вас в руке? — удивлённо вопросил капитан.

Свен уставился на свою руку, будто видел её первый раз в жизни.

— Это мачете, кэп, — отрапортовал он. — Мы же в джунгли идём.

— Это всё объясняет… — задумчиво протянул Николаев. — Действительно, как же идти в джунгли без мачете…

— Так точно, сэр, — довольно осклабился совершенно невосприимчивый к сарказму сержант Йохансон.

Махнув рукой на причуды подчинённого, капитан перешёл к делу:

— Барт, Сэм, раз вы собираетесь идти вместе с группой, то будете выполнять роль тяжёлой артиллерии. Снимайте с турели челнока одно из орудий вместе с энергоблоком и переделывайте его для ручной стрельбы.

— Кэп, вы представляете себе, сколько оно весит?! — возмутился Барт. — Да ещё и вместе с энергоблоком!

— Не просто представляю, а знаю точно. И ты тоже должен знать это, как и спецификации всех остальных частей челнока. Я не даром сказал про *одно* орудие: один из вас потащит энергоблок, другой — саму пушку.

— Кто последний, тот тащит батарейку, — объявил Сэм, бегом кинувшись выполнять приказ.

Барт, раздражённо сплюнув, поспешил за ним.

— Энергетическое оружие, — презрительно скривился Свен. — Ненадёжная штука, перегревается слишком быстро, да и скорострельность низкая. Нет уж, я предпочитаю автомат. Хотя, — сержант задумался, — против растений оно может быть эффективнее пуль. Так может…

— Нет, сержант, ты лучевую пушку не получишь, — угадал его мысли капитан. — Бортовое орудие находится в компетенции пилотов.

Пилоты управились с демонтажем орудия за пару часов, половину этого времени потратив на препирательства о том, кто будет нести энергоблок — в итоге приняв решение, что понесут батарею по очереди. Остальной отряд давно был готов и ждал только приказа выступать.

В авангарде пошёл сержант Йохансон, расчищая путь через сельву своим мачете — впрочем, учитывая, что десантники шли рассыпавшись веером, эффект от действий Свена был минимальным. Впрочем, кое-какого результата он всё же достиг, только вряд ли этот результат кто-либо из отряда мог бы счесть положительным.

Очередная лиана, вставшая преградой на пути доблестного командира десантного отряда, безжалостно пала жертвой архаичного куска острого железа. Сержант победно усмехнулся, словно только что сразил предводителя ужасных жукоглазых пришельцев, намеревавшихся поработить человечество, и занёс мачете для удара по очередному представителю местной флоры. Но в этот момент с дерева на голову Свена упало нечто, с виду

похожее на пчелиный улей. Йохансон смачно выругался, но через мгновение поток брани превратился в вопль боли.

С лиц видевших приключившийся с сержантом казус мгновенно сошли усмешки — все понимали, что десантник не станет орать как резаный из-за тривиальных укусов насекомых. Двое рядовых бросились на помощь своему командиру, но опоздали. Сержант Йохансон рухнул на землю и затих. «Улей» отлетел в сторону, и стало видно, что всё лицо Свена будто изъедено кислотой, в некоторых местах до самой кости. Вокруг его головы кружилась в воздухе какая-то пыльца, когда она оседала на тело, плоть начинала пузыриться.

— Ему уже не помочь, — профессионально оценив ситуацию, объявила Катя.

— Что это была за штука? — выдавил Барт.

— Это была ловушка, — сообщил один из десантников, с безопасного расстояния осмотрев место действия. — Этот цветок — или что оно такое — был прикреплён к лиане, перекинутой через ветку. Примитивно… но эффективно.

— Если тут такие цветочки, не хотел бы я увидеть местные ягодки, — пробормотал Барт.

— Наличие ловушки явно говорит о разумности врага. Так что те зелёные твари не просто ходячие кусты, принявшие человеческий облик, — резюмировал капитан.

— Всегда мечтал повстречать разумный кактус и спросить его о смысле жизни, — простонал Сэм, отворачиваясь от тела сержанта и с трудом подавляя тошноту.

Вымученная шутка ни у кого не вызвала и тени улыбки.

— Раз эти существа умеют ставить ловушки, значит, они охотятся. Следовательно, они плотоядны, — рассудила Катя.

— Ты ещё и ксенобиологом решила заделаться? — хмыкнул Барт. — Где ты видела плотоядные растения?

— Венерина мухоловка, например, — пожала плечами женщина.

— А разве на Венере есть растения? — удивился пилот. — Или мухи?

— Это земное растение, неуч, — поведал Сэм. — Только не спрашивай, почему оно так называется.

Барт, уже собиравшийся задать именно этот вопрос, захлопнул рот.

— Может, нам следует убраться отсюда, кэп? — предложил Сэм. — Вроде как первый контакт с потенциально разумными инопланетянами. Подобное явно не в нашей компетенции. Напортачим чего-нибудь, а нам потом по шее дадут.

— Первый контакт уже установили пропавшие учёные, —

заметил Николаев. — И судя по самому факту их исчезновения и оказанному нам приёму, испортить что-то уже невозможно. И не думаю, что мне хотелось бы устанавливать дипломатические отношения с какими-то баклажанами, убивающими моих людей.

— Тогда, может, выведем челнок на орбиту, вызовем крейсер и превратим эту планету из джунглей в пустыню? — высказал своё мнение Барт.

— Принимать подобное решение уж точно не в нашей компетенции, — покачал головой капитан. — Да и практического смысла в этом нет. Даже если здесь действительно обитают враждебные разумные растения, что пока точно не установлено, они всё равно не имеют возможности покинуть планету, при полном отсутствии технологического развития. Достаточно объявить эту систему запретной зоной и держать на орбите пару рейдеров.

— Кэп! — окликнула Катя. — Взгляните, что я нашла!

Капитан, а вслед за ним и пилоты, направились к женщине. Катя стояла у ствола того самого дерева, с ветви которого свалилась погибель на голову сержанта Йохансона.

— И что тут? — осведомился Николаев, не обнаружив на поросшем мхом стволе ничего примечательного.

— Да вот же! — Катя указала на мох. — Вы что, не видите? — возмутилась она, пальцем обведя то, к чему пыталась привлечь внимание.

Мужчины наконец разглядели, что наросты мха с определённого ракурса напоминают две пересекающиеся буквы G, украшенные вензелями.

— Забавно, — оценил Сэм. — Я как-то видел картофельный клубень, так он в точности напоминал человеческое лицо.

— Твоё лицо? — насмешливо уточнил Барт.

— Как я сейчас припоминаю, это был вылитый ты, — не остался в долгу первый пилот.

— Прекратите, — одёрнул их капитан. — Катя, что такого особенного в этой случайной игре природы?

Вместо ответа женщина протянула Николаеву портативный коммуникатор.

— Так-так, — пробормотал капитан, вглядевшись в экран, на котором красовался знак, очень похожий на образованный мхом узор.

— Что там, кэп? — заинтересовался Барт, пытаясь заглянуть командиру через плечо.

— Экологическое общество «Грин Грасс», — начал читать с экрана Николаев. — Основатель — Грегори Грин, урождённый Григорий Зелинский. Сменил гражданство, а вместе с ним и имя

после ухода в запас со службы в Космофлоте в чине лейтенанта. Последние годы перед тем служил в должности полевого эксперта…

— Полевой эксперт? — встрял Барт. — Агротехник, что ли? Морковку для солдатского рациона выращивал?

— Барт, когда вернёмся, я напишу рапорт с рекомендацией отправить тебя в отставку как непригодного к службе, — пригрозил капитан.

— Нельзя быть таким балбесом, — поддержал его Сэм. — «Полевой эксперт» — это идиома для обозначения разведчика-диверсанта. Как можно не знать такие вещи?

— Да я просто пошутил, — пожал плечами Барт, не принявший угрозу капитана всерьёз. — Что там ещё про этого типа?

— Подозревается в совершении нескольких террористических актов экологической направленности, — дочитал Николаев. — Доказательств нет.

— И что, этот экотеррорист здесь? — осведомился Барт.

— Я бы не стал торопиться с выводами на основании только лишь поверхностного сходства наростов мха с эмблемой какого-то экологического общества, — покачал головой капитан. — Даже если его основатель предположительно может быть террористом.

— Действительно, вряд ли, — согласился Сэм. — Если бы он везде оставлял автографы, его бы давно арестовали. Да и как он мог бы вырастить на стволе мох в виде нужного узора?

— Это как раз не очень сложно, — вмешалась Катя. — Нанести на дерево слой генетически изменённых спор, запрограммированных на быстрый рост. А Гриша учился на генного инженера, хотя диплом так и не защитил…

— Гриша? — переспросил Николаев. — Ты его знаешь? Близко знакомы?

— Катя близко знакома с половиной офицерского состава Космофлота, — усмехнувшись, наябедничал Барт.

— Знакома немного, — пожала плечами женщина, проигнорировав высказывание пилота. — Случайно встретилась с ним несколько лет назад во время отпуска. Потому и узнала сразу эмблему. С тех пор никаких контактов с ним не поддерживала. На выполнение мной служебных обязанностей это никак не повлияет.

— Интрига начинает закручиваться, — театральным шёпотом прокомментировал Барт.

— Хорошо, — кивнул капитан, тоже пропустив слова пилота мимо ушей. — Что ты можешь рассказать о нём?

Ничего полезного Катя поведать не могла. Как и следовало

ожидать, о своих планах в области террористических акций — если таковые имели место быть — Григорий Зелинский ей не сообщал. В целом производил впечатление адекватного разумного человека, проявляющего интерес к защите природы и окружающей среды. Фанатизма и агрессии не демонстрировал.

— В списке членов экспедиции ни Григория Зелинского, ни Грега Грина не числится, но ничего не мешало ему использовать вымышленное имя и фальшивые документы, — рассудил капитан. — Не говоря уж о том, что личности некоторых младших сотрудников и обслуживающего персонала могли просто не быть отражены в досье.

— Ага, всякие там мойщики пробирок, — добавил Барт.

Его слова снова проигнорировали.

— На данный момент примем допущение, что нам противостоит экотеррорист, бывший разведчик-диверсант, владеющий некоторым знанием генной инженерии, — констатировал Николаев.

— Это лучше, чем разумные растения, — осторожно заметил Сэм.

— С одной стороны лучше, с другой — наоборот. Мы можем предположить, чего ждать от диверсанта, но его действия будут более изощрёнными, чем у ходячих кустов, — возразил капитан.

— Зато цель сводится только к тому, чтобы найти и прикончить этого психа, — изрёк Барт.

На этот раз все с ним согласились.

Ситуация кардинально менялась. Бывший офицер Космофлота, спятивший на экологической почве и к тому же ещё обладающий навыками генной инженерии, устроил на Аре-8 полигон для своих безумных исследований, по всей видимости, успешных и теперь пытается уничтожить группу?! Бред! Николаев в это не верил, но чтобы опровергнуть эту гипотезу, нужны факты, коих группа пока не имела. Всё, что было на руках у капитана — это ржавый челнок Кудрявцева, пятеро пропавших без вести десантников, высохшее чучело предполагаемого противника и мёртвый сержант Йохансон. По всем правилам, капитан должен был выйти на сеанс связи и сообщить руководству о произошедшем, но система Ара считается закрытой, тут даже нет ретрансляционных спутников, не говоря уже о космической станции. Чёрт! Николаеву надо возвращаться. Ситуация становится неконтролируемой.

— Кэп, какие будут приказания? — молчание явно затянулось, и Сэм позволил себе вывести капитана из прострации.

— Гарри, — Николаев обратился к десантнику с нашивками

капрала, — теперь ты за старшего. Обследуйте территорию. Лианы обходить стороной, смотреть в оба!

— Есть, — капрал отсалютовал, но замешкался — Можно вопрос, кэп?

— Да.

— Мы ведь не можем так просто оставить сержанта здесь, и предать земле… чужой земле… ну…

— Я знаю, Гарри, — печально кивнул Николаев. — Но транспортировать тело к челноку мы тоже не можем. У нас тридцать часов до наступления ночи. А земля — она везде одинаковая, Гарри. Мы похороним сержанта Йохансона и оставим на могиле маячок, чтобы потом вернуться и забрать тело.

Гарри молча кивнул и направился выполнять приказание. Николаев понимал, что сейчас творится в душе у десантника, но возвращаться к челноку группа не могла. И отправить никого капитан не мог с телом сержанта — сейчас каждый человек был на счету. Не даром же пилоты напросились в рейд. Распылять силы нельзя в сложившейся ситуации. Николаев был уверен, что Йохансон далеко не последний…

Разведка оказалась не лишней мерой предостережения и принесла результаты. Гарри обнаружил с десяток «ульев» и три «волчих ямы» на дне которых были вовсе не шипы — черная смолянистая жижа, напоминающая нефть, но проверять так ли это и принцип действия ловушки никто не спешил. Ара-8 полна загадок, а отгадки обычно уносят чьи-то жизни.

Йохансона хоронили молча. Лишь только Катя не сдержала эмоций и тихо плакала на плече у Сэма. Солдаты же замерли с каменными лицами. Это была не их война.

— Мир твоему праху, друг, — тихо произнёс Николаев и кинул три пригоршни земли в могилу. Капитан вдруг отчётливо осознал, что сюда группа больше не вернётся.

В силу произошедших событий веером двигаться больше было нельзя. Десантники опытные солдаты, если дело касается штурма укреплённого бункера, но тропической сельвой Ары-8, которая, словно минное поле была утыкана кислотными «ульями» и нефтяными «волчьими ямами», пройти мог лишь опытный следопыт, а таковых в отряде Николаева было немного. Один. Покойный сержант Йохансон.

Кинув нехитрый жребий, солдаты выбрали ведущего и растянулись в цепь. Как ни странно, но ведущим оказался капрал. То ли Гарри схитрил и принял огонь на себя, как старший, то ли чертовка судьба методично выбирала смертников из числа командиров, а в том, что Гарри смертник никто в отряде не

сомневался.

Капрал погиб быстро. Сотни острых игл прошили тело Гарри с такой кучностью, что капралу разворотило грудь и ранило шедшего следом десантника. Потом замертво упал Сэм, схватившись за шею. Катю вырвало из строя, и блондинка исчезла в сельве — приснопамятный кнут стегнул из чащобы с такой силой, что Николаев даже не успел опомниться. Взяв автомат наперевес, капитан открыл беспорядочный огонь. Завязался бой. Кто-то подхватил лучевую пушку из мёртвых рук Сэма. Лазерный луч, словно бритва выкашивал акры лесополосы, выжигал всё вокруг, превращая сельву в пустырь. Шум, гам, треск.

Николаев разрядил целый рожок в неясные тени, мелькавшие позади, и поспешил на помощь Кате. Лейтенант была жива, но сильно хромала. В горячке боя капитан упустил из виду тот момент, когда Катя выбралась из сельвы, теперь на неё наседало сразу четверо зеленокожих человекообразных существ, от которых женщина пыталась отбиться длинным шестом. Сменив последний рожок, Николаев срезал длинной очередью сразу трёх зеленокожих, четвёртого добил вовремя подоспевший десантник.

— Кэп, надо уходить, — прокричал солдат, подхватывая падающую Катю.

— Где остальные? Почему разорвали строй?!

— Ребята отступили к скале, вызвав огонь на себя.

— Почему связь не работает?

— Пушка… — прошептала Катя. — Электромагнитный импульс.

— А чёрт! — выругался Николаев.

Краем глаза капитан заметил, как Барт пытается оттащить обезумевшего десантника в сторону.

— Заряд закончился! — прокричал второй пилот. — Брось пушку!

Но солдат продолжал давить на гашетку и водить пудовым орудием из стороны в сторону. Барт вовремя понял тщетность своих попыток и, подняв с земли автомат, бросился на помощь десантнику, который поливал свинцом какую-то осклизлую тушу. И вовремя. В ту же секунду солдата окутало облаком желтой пыли, и он, не издав и звука, превратился в булькающую лужу.

— Уходим! — приказал капитан.

Отряд разделился надвое. Катя, Барт, Николаев и двое десантников отступали в чащобу, отстреливаясь короткими очередями. Остальные члены группы были зажаты у скалы, но помочь им отряд Николаева был не в силах. Капитан ещё слышал отдельные выстрелы и короткие очереди, но вскоре смолкли и они.

— Что будем делать, кэп? Надо возвращаться! Нас тут перебьют как… а чтоб тебя! Аа…

Николаев обернулся, вскидывая автомат, но Барт уже лежал на земле, раскинув руки. Один из десантников, кажется Алексей, метнулся к пилоту.

— Что с ним? — риторический вопрос, капитан и так знал ответ.

— Жив, но пульс слабый.

— Яд, — Катя указала в сторону кустарника, покрытого шипами. — Должно быть напоролся.

— Но там ведь только что были листья! — удивлённо воскликнул Алексей. — Я ведь только что проходил здесь и отодвигал ветку рукой.

Словно в подтверждение этих слов шипы кустарника раскрылись, словно бутоны и растение приняло форму безобидного куста, как и сотни таких же вокруг — отличить практически невозможно.

— Вот ведь… — только и нашёлся Алексей, проглотив ругательства.

— Да сколько же ещё сюрпризов скрывает эта долбанная планета! — второй десантник в сердцах пнул трухлявый пень.

— Карл, я бы на твоём месте этого не делал, — посоветовал Алексей.

— Да пошёл ты!

— Отставить панику! — рявкнул Николаев. — Берите Барта и уходим. Без пилота мы не покинем эту планету никогда.

Николаев утёр со лба испарину и перевёл дыхание. Несколько часов бега через сельву наглядно показали, насколько он в последние годы запустил свою физическую форму. Оглянувшись, капитан убедился, что двое десантников, несущих под руки потерявшего сознание Барта, по-прежнему выглядят бодрыми и полными сил. Впрочем, их вид отнюдь не внушал уверенности, поскольку парни оглядывались по сторонам скорее с испугом, чем настороженно. Катя, стиснув зубы и с трудом хромая, опиралась на плечо Николаева и явно была на грани обморока.

Если кто-то ещё из десантников и уцелел во время судорожного бегства от человекообразных растений, то их местонахождение оставалось неизвестным. Враги довольно грамотно вынудили отряд разделиться, и капитан только изумлялся тому, откуда люди-растения обладают подобными тактическими навыками.

— Они нас загоняют, — произнёс Алексей.

— Меня уже загоняли, — буркнула Катя.

— Да нет, я имею в виду, как на охоте, — уточнил парень. — Обложили с трёх сторон и гонят в нужном направлении.

— Выбор у нас не богат, — отозвался Николаев. — Не сдаваться же им в лапы. Вперёд, пока хватит сил.

Но далеко уйти не удалось. Проломившись через подлесок, группа вывалилась на поляну. И тут же со всех сторон показались зелёные лица, почти в точности похожие на членов пропавшей экспедиции. Присмотревшись, капитан обнаружил по два-три одинаковых лица. Агрессии люди-растения пока не проявляли, и Николаев воспользовался моментом, чтобы осмотреть поляну.

В центре находилось несколько клубков переплетённых лиан, похожих на коконы насекомых. Капитан поначалу решил, что из них-то и вылупляются люди-растения. Но чуть в стороне от других заметил кокон, ещё не закрывшийся полностью, а в нём — лицо Сэма.

Катя тоже увидела это и, прихрамывая, кинулась разглядеть поближе.

— Кэп, — выдохнула она, — корни проросли Сэму в голову…

В этот момент пилот, которыйопределённо должен был быть мёртв, открыл глаза. Катя вскрикнула и отшатнулась.

— Сэм, как ты? — подавив удивление, осторожно осведомился капитан.

— Хорошо, — прозвучал ответ голосом, совсем не похожим на голос Сэма. — Просто чудесно. Мы чувствуем себя прекрасно.

— Мы? — переспросил Николаев.

— Он спятил, кэп, — прошептала Катя.

— Немедленно освободите моего пилота и пропустите нас к кораблю, — потребовал капитан, обращаясь к зеленолицым, по-прежнему державшимся в стороне.

— Мы не можем его отпустить, — произнёс Сэм не своим голосом. — Он — часть нас. И не хочет уходить. Присоединяйтесь. Отриньте животную природу. Отбросьте агрессию. Вы ощутите прелесть солнечных лучей на листьях, почувствуете наслаждение поглощения воды корнями. Умиротворение роста, восторг цветения…

— Что он несёт?! — воскликнул Алексей.

— Разум создан для постижения гармонии, — продолжало нечто вещать через Сэма. — Человеческий мозг несовершенен, ограничен, суетлив. Только слившись воедино с нами, вы поймёте всю глубину единения с природой.

— С корнями в голове?! — взвизгнула Катя.

— Вы смотрите поверх, не заглядывая в суть. Корни, стволы, крона — лишь части целого, части нас. Мы всё это и много

большее. Мы везде, мы — всё вокруг. Мы — весь мир.

— Кажется, я начинаю понимать, — пробормотал Николаев. — Это лес, он разумен. И он поглотил Сэма и остальных, сделал их частью своего сознания. Они сами стали лесом.

— Как такое может быть? — не понял Алексей. — Разумные деревья? Разумный лес?

— Может, он и не был разумным в полном смысле слова, — пожал плечами капитан. — Не обладал самосознанием. Но нервная система у него точно должна была иметься. У земных растений подобного нет, но параллельная эволюция не гарантирует полного совпадения.

— А потом он как-то врос в мозги кого-то из учёных, — продолжила Катя. — Может, кто-то из них погиб и его похоронили, а корни включили его мозг в свой симбиоз до того, как нервные клетки успели умереть. И лес обрёл разум. Который позже дополнил и расширил за счёт других людей.

— Зачем деревьям разум?! — возмутился десантник.

— Ни за чем. Случайность, цепочка совпадений. Так и происходит эволюция, — отозвалась женщина.

— А террорист?

— Он здесь. Он часть нас. Его память очень помогла. Вы хотели уничтожить нас. Он знал, как защититься. И мы тоже узнали, — произнесло то, что раньше было Сэмом.

— А ведь не стань этот ненормальный эко-маньяк частью коллективного разума сельвы, всё могло бы сложиться иначе, — протянул Николаев.

— Присоединитесь к нам. Станьте нами. Ваши мысли будут нашими мыслями. Мы решим, что было верно. Мы обретём гармонию.

— А если мы откажемся?

— Это всё равно случится. Сопротивление только затруднит процесс.

Молчавший до этого Карл перекинул автомат вперёд, но зеленолицые были быстрее. С дерева метнулись две кнутоподобных лианы и, обвив парня, утащили его вверх. Автоматная очередь бесполезно стегнула по листве. Алексея постигла та же участь, хотя он и не пытался открыть огонь.

— Ваши действия подтверждают мнение нашей части, ранее известной как Грег Грин, — изрёк Сэм.

— Кэп, у меня появилась сумасшедшая идея, — прошептала Катя. — Этот коллективный разум сельвы враждебен в основном из-за присутствия в его составе Зелинского. Он подавляет остальных своими более агрессивными императивами. Сознания

учёных не могут ему противостоять. А десантники… ну, вы сами понимаете, что мозги — не самая сильная сторона этих ребят. А Грег всегда умел убеждать в своей правоте, подавлять собеседника.

— И к чему ты клонишь? — осведомился Николаев, уже догадываясь об этом.

— Ну, мы могли бы справиться с ним, взять всё под свой контроль. Это же будет огромный прорыв в науке! Одна только возможность перемещать человеческий разум в деревья. Это ведь практически бессмертие. А учитывая возможность создавать человекоподобные тела… Открытия в ксенобиологии, генетике, нейрохирургии и даже психологии. Мы не можем допустить, чтобы эта планета стала закрытой зоной, а человечество так ничего и не узнало.

— И ты готова пожертвовать собой? — уточнил капитан.

— Это ведь всё-таки не смерть. Просто жизнь в ином качестве. Не уверена, что мне понравится ощущать себя деревом или даже целым лесом… Но в конце концов, какой у нас выбор? Вряд ли нам позволят просто уйти. Так что лучше нам подготовиться к грядущему и суметь взять контроль над общим разумом, а не стать информационным придатком.

За то время, пока они говорили, люди-растения успели притащить на поляну три наполовину сформированных кокона.

— Ваш друг умирает, — произнёс Сэм, а один из зеленолицых указал при этом на Барта, лежащего на земле там, где его уронили десантники. — Он может жить, став частью нас.

Николаев задумчиво взглянул на раненого пилота, потом пристально посмотрел на Катю. Кивнул каким-то своим мыслям.

— Решайте, кэп, — выдохнула женщина.

Капитан подошёл к Барту, но вместо того, чтобы нести пилота к кокону, сорвал с его пояса два плазменных излучателя — это конечно не лучевая пушка турели, которая сейчас была бы как нельзя кстати, но все же не менее грозное оружие. Барт, наверное, берёг их на последний момент. Видимо, этот момент настал!

— Ты ничего этим не добьёшься, — сообщил коллективный разум сельвы через Сэма. — Дендроиды всё равно убьют вас.

Николаев вполне отдавал себе отчёт, что даже если расстреляет коконы и находящихся на поляне людей-растений — дендроидов, — то с укрывающимися в сельве зеленолицыми ничего поделать не сумеет. И его разум всё равно может стать частью коллективного сознания леса. Более того — число коконов на поляне было меньше, чем учёных в пропавшей экспедиции, не говоря о захваченных десантниках, которых наверняка постигла

та же участь. Это означало наличие и других таких полян с коконами, или они могли быть расположены и вовсе не централизованно. Весь вопрос состоял в том, находится ли тело террориста Грега Грина в одном из коконов на этой поляне — и насколько его разум ныне привязан к человеческой физической оболочке, не распространился ли он на всю корневую и нервную систему леса. И независимо от того, потеряет ли разум леса с утратой нескольких коконов часть знаний и самосознания, у него останется память об агрессивности и враждебности людей — полученная уже на личном опыте.

Вся выучка, полученная в Космофлоте, приказывала Николаеву стрелять и уничтожить чуждый враждебный разум.

— Научный прорыв, — шептала Катя.

— Обрети гармонию с природой, — хором тянули зеленолицые дендроиды.

Капитан глубоко вздохнул, стараясь успокоиться и выстроить бешено мечущиеся мысли. Николаев был вовсе не рад, что принуждён обстоятельствами принимать судьбоносное для всего человечества решение, последствия которого невозможно просчитать — подобное явно выходило за рамки его компетенции. Но отступать было некуда, и капитан, всё тщательно взвесив и обдумав, выбрал курс…

Там, за гранью

Герард, паладин Империи людей, очнулся, огляделся вокруг. Где это он? Доспехи и меч при нём. Но это не его самодельные доспехи, а настоящие! Неужели… Давняя мечта стала явью?

Он стал припоминать, что только что было. Приехали на полигон, поставили палатку, переоделись в костюмы. Оставив приятелей, паладин Герард, вжившийся в свою привычную роль сразу же, как пристегнул к поясу ножны с мечом, отправился на предварительную разведку в поисках ближайшего укромного места за кустами. Что-то сверкнуло перед глазами, и он упал.

А очнулся совсем в другом месте. Поляна с большим плоским камнем в центре, возле которого стоит мужчина в чёрном балахоне. Лес виднеется в стороне. Да только тот ли это лес? Так, роща какая-то. Подняв взгляд, Герард увидел розовеющее небо и две луны — маленькую зеленоватую и большую ярко-синюю.

— Я попал, да? — воскликнул Герман, выйдя из роли. — Взаправду? Мир меча и магии, а я Избранный и должен всех спасти, победить Властелина Зла? И я стал паладином, всамделишным?

Мужчина в чёрном молча степенно кивнул.

Герман давно мечтал о чём-то подобном, хотя и не верил, что это возможно. Каждый раз, отправляясь на очередную ролёвку, он представлял, будто действительно попадает в волшебный мир, хотя полного соответствия достичь, конечно, было невозможно. Но теперь, когда это всё же произошло, парень был морально готов и знал, что делать и как себя вести.

Незнакомец указал на что-то, лежащее на камне. Герард подошёл и взял наручи из серебристого металла с чернёным узором. Повертел их в руках, к его золотистой броне паладина они не очень подходили.

— Они магические, да? — уточнил Герман, на что получил очередной кивок. — Ты мой проводник, наставник, который укажет мне путь к замку Властелина Зла и даст оружие, чтобы его победить?

Паладин кивнул своим мыслям. Да, всё по канону, как в книгах писали, так он себе это и представлял. Последние сомнения развеивались. Вот и великий маг готов оказать помощь.

Больше не раздумывая, парень нацепил наручи. И тут же рухнул на колени от пронзившей руки боли.

— Что… что это? — с трудом выдавил Герман.

— Оковы, — равнодушным тоном обронил мужчина. — Обращающие глупого героя в покорного раба. Иди за мной.

Незадачливого ролевика снова пронзила вспышка боли, исходящая из заколдованных наручей. Отдышавшись и утерев пот со лба, парень уныло поплёлся за чёрным магом. Доспехи тяжким грузом оттягивали плечи, ножны меча били по бедру и мешали идти. Приключение, поначалу показавшееся осуществлением мечты, обращалось в сущий кошмар. К тому же, провожатый шёл, не особенно обращая внимания на дорогу, будто не замечая препятствий. Плетясь по грязи, в которой сапоги утопали едва ли не до середины голени, Герман не мог не заметить, что маг вовсе не оставляет следов.

По пустым коридорам вслед за провожатым парень прошёл в тронный зал, мимолётно удивившись тому, что по пути не встретилось ни единого стражника или слуги.

На золочёном троне восседал мужчина средних лет. На Тёмного Властелина он ничем не походил. Зелёный камзол, украшенный драгоценными камнями, золотой венец на голове, ничего чёрного и мрачного не было в его облике.

— Готов ли ты покориться и служить мне, воин? — вопросил король.

Герман огляделся. В зале кроме них двоих никого не было, даже маг куда-то успел исчезнуть. Парень решил, что, возможно, это его шанс, и потянул меч из ножен. Тут же его тело пронзила вспышка боли, исходившая от браслетов.

— Паладины не сдаются, да? — презрительно хмыкнул король. — Что ж, слуги из тебя не выйдет. Но и твоим талантам применение найдётся.

— Вы не посмеете! — возмутился Герман. — Я свободный человек, у меня есть права!

— Чушь, — отмахнулся король. — Это мои земли, моё королевство, тут моя воля решает всё. И я могу делать с тобой всё, что захочу.

— И что вы собираетесь делать? — спросил Герман. Подумав, добавил: — Ваше Величество.

— Другое дело, — кивнул король, довольный переменой в поведении пленника. — Ты ведь паладин, воин света. С кем ты там раньше боролся? С орками! Хм, орков у меня нет. Есть один тролль. Как ты относишься к троллям?

Герман удивился такой осведомлённости собеседника. Парень уже не понимал, кем считать короля и как себя вести. Может быть, перед ним вовсе и не воплощение зла, а просто правитель, который не очень любит незваных гостей? Возможно, удастся с ним договориться?

— Тролли, как и все прочие нелюди — враги человеческой

расы и должны быть истреблены, — заученно объявил парень, возвращаясь к роли паладина.

— Прекрасно, — король задумчиво оглядел рыцаря. — Считай, что проходишь испытание. Ты, конечно, мой пленник, но… Если проявишь себя достойно, у тебя будет выбор. Вернуться домой или выполнить моё поручение и получить награду.

Парень кивнул. Всё возвращалось на круги своя. Испытание, квест — это было просто и понятно. Герой ведь не должен сразу сталкиваться со своим главным врагом, значит, король всё же не Властелин Зла. А плен — просто проверка.

Но приступы боли, которыми били магические оковы при сопротивлении, были самыми настоящими и весьма неприятными. Об этой стороне приключений Герман в своих фантазиях не задумывался. А если это только начало, то что же будет ждать впереди? Хотя ещё вчера парень насмехался над книжными героями, желающими сбежать из волшебного мира и вернуться к скучной и обыденной жизни, на практике всё оказалось сложнее. Путь героя переставал выглядеть столь радужно, а предложение о возвращении домой стало казаться очень заманчивым.

— Я готов к испытанию! — решительно произнёс паладин.

— Отлично!

Король хлопнул в ладоши, и в зал вошла девушка, несущая поднос с кувшином и двумя золотыми кубками. Выглядела она очень необычно из-за неестественно бледной кожи и белых волос. Но гораздо сильнее Германа поразил движущийся за ней следом без посторонней помощи стол на колесиках, уставленный многочисленными подносами с едой.

Когда девушка приблизилась, Герман разглядел, что у неё заострённые уши.

— Ты настоящая тёмная эльфийка? — удивился он.

— Нет, блин, от нервов поседела, — огрызнулась девушка.

— Молчать, рабыня! — прикрикнул на неё король.

Герман не стал больше ни о чём спрашивать девушку, чтобы не гневить короля. На руках у неё он заметил такие же магические оковы, какие были на нём, и не хотел, чтобы из-за него ей причинили боль. По употреблённому ей междометию, парень заподозрил, что на самом деле девушка такая же эльфийка, как он паладин.

— Выпьем, за истребление нелюдей! — провозгласил король, поднимая кубок.

Герман вынужденно поддержал тост и слегка пригубил вино.

Очнувшись, парень обнаружил, что находится уже не в

тронном зале. Окружающая обстановка напоминала подземелье, но он не был заперт в камере: на ближайшем дверном проёме, за которым виднелся коридор, даже не было решётки.

— Не советую туда соваться, — прозвучал голос за спиной.

Обернувшись, Герман увидел, что камеры в помещении всё же есть. За одной из решёток стоял говоривший — темноволосый парень, одетый в чёрное, на вид ровесник Германа. На руках у него виднелись всё те же магические оковы.

— Я Максимус, вампир из клана Бруджа, — представился он, протянув через решётку руку. Герман увидел, что его пальцы заканчиваются острыми когтями, и непроизвольно отшатнулся. Парень усмехнулся, продемонстрировав удлиненные клыки. — Вообще-то меня Максим зовут, лучше просто Макс. Не боись, рыцарь, не укушу, сыт я.

— Я паладин. Герард, то есть Герман. Можно просто Гера. А ты…

— Да не тушуйся, ты что, вампиров никогда не видал? — парень расхохотался. — Шучу, я как и ты сюда попал. Тут все ролевики.

— А когти… и клыки?

— Клыки, когти, — отмахнулся вампир. — Главное что? Правильно, что хвоста нет. А то могло быть и хуже.

Он подобрал с пола камешек и кинул его через решётку в соседнюю клетку. Кто там находится в глубине, Герман в слабом освещении рассмотреть не мог.

— Ыргх? — раздалось оттуда. — Ыргх крушить!

Что-то завозилось на полу среди тряпья, и на свет выбрался тролль. По крайней мере, больше всего это существо походило на тролля, хотя и не совсем соответствовало представлениям Германа. Ростом тролль был даже чуть ниже паладина, правда шириной плеч превосходил раза в полтора. Низкий лоб, маленькие глазки, торчащие из пасти клыки и зелёная шкура вполне совпадали с образом.

— Вот Ыргху больше всех не повезло, — заметил Макс. — А ты говоришь, когти. Ну, чесаться неудобно, так что с того.

— Хочешь сказать, он тоже был человеком? — не поверил Герман.

— А ты что, в троллей и вампиров веришь? Серьёзно? — удивлённо вскинул бровь парень. — И это меня в клетке заперли! Ну дела…

Герман уже перестал что-либо понимать и не знал, чему и кому верить. Вампир, запертый в камере и при этом сыплющий шутками, доверия не вызывал. Но и в словах короля об испытании возникли сомнения, после поднесённого вина, в

которое было что-то подсыпано.

— Хотя, пожалуй, лучше верь, — посерьёзнев, сказал Макс. — Так оно проще. Иначе каюк тебе будет на игре. Я вампир, Ыргх — тролль, а ты — паладин. Убивать нечисть — твоё призвание и священный долг.

— Что за игра? И убивать — это по игре?

— Убивать по правде, — буркнул вампир. Разговор явно перестал его веселить. — А про игру узнаешь. Может, тебе повезёт.

Вампир отошёл в дальний угол своей темницы, а Герман вновь обратил внимание на дверь. Он решил, что, возможно, кто-то другой из пленников объяснит ситуацию более понятно. Но при попытке выйти его снова пронзил приступ сильнейшей боли, так что парень упал на пол, зажмурился и стиснул зубы, чтобы не заорать.

— Макс, ты чего его не предупредил! — прозвучал возмущённый женский голос.

Проморгавшись, Герман увидел уже встречавшуюся ему тёмную эльфийку. За ней снова катился столик с едой, на этот раз поменьше и с более скромным меню.

— Предупреждал я, он тупой просто, — отозвался вампир. — Наверное, по шлему часто били. И вообще чокнутый, думает, всё по правде.

— Тебе не понять, — отмахнулась девушка.

— Ну да, я по лесам с мечом не бегал за такими же идиотами. Всего-то разок с друзьями решили в вампиров поиграть, и нате приехали, — буркнул Макс.

Герман в растерянности переводил взгляд с одного на другую, косясь и на камеру тролля, который, поворчав своё: «Ыргх, Ыргх крушить!», снова улёгся спать.

— Знаешь, что отличает вампира от человека больше, чем клыки и когти? — спросил Макс. — Насчёт бессмертия не вспоминай. Правильный ответ — Жажда крови. Так-то я ем обычную пищу, в этом не изменился. Жажда — она тут, — он постучал себя по голове.

— Кстати! — вспомнила эльфийка и, взяв с самоходного столика кубок, в котором плескалось что-то красное, протянула его вампиру.

— Она не настоящая, — усмехнулся Макс, видя вытянувшееся от изумления лицо Германа. — Не знаю, что это такое на самом деле и как работает, но помогает. Только перед игрой мне её не дадут, так что увидишь меня — руби, не задумывайся. Иначе глотку разорву, не смогу я себя контролировать.

Вампир отвернулся и уселся на пол, облокотившись спиной о решётку.

— На прошлой игре он убил двоих, — сообщила эльфийка. — Потом Жажда прошла, лёг в кустах и уснул. Повезло, что не храпит, а то нашли и прирезали бы.

— Повезло?! — вскочил и заорал Макс. — Чтоб тебе так повезло! Я же всё помню! Помню, как впивался клыками в горло, как разрывал когтями внутренности! Я себя не контролировал, но это же был всё равно я!

Эльфийка не пыталась его успокаивать, позволяя дать выход гневу. Пока он просто орал и метался по камере, стуча пустым кубком по решётке, в этом не было ничего страшного.

— Он пытался тогда покончить с собой, — шепнула девушка Герману. — Бился головой о стену, в буквальном смысле. Но за нами постоянно следят, вовремя заметили, вылечили. Память не стёрли, но, наверное, в мозгах всё же покопались. А может, сам справился, психует иногда только.

— Я всё слышу, — заявил Макс, внезапно резко успокаиваясь. — Я же вампир. Паладин, как там тебя, Герман, подойди сюда, а?

— Не надо, — удержала Германа эльфийка. — Он тебе в морду даст, разозлить хочет, чтоб ты его на игре убил. Макс, прекрати.

— Не могу я! — взвыл он, схватившись за прутья решётки так, что побелели костяшки пальцев. — Если я опять кого-то… Герман, будь другом, как увидишь меня — заруби. Сразу, пока я никого не убил. Тут нам помешают, а там можно. И нужно, поверь мне, нужно. Это правильно будет, ну…

Герман яростно замотал головой, не находя слов. Вампир раздражённо махнул рукой и убрёл в дальний угол.

— Что это за игра такая? — вопросил Герман.

— В лесу прячут магический артефакт, игрокам надо его найти и донести до поляны. Кто дойдет, тот победил и получает возможность уйти, — объяснила эльфийка. — Все стараются друг другу помешать… до смерти.

— А ты сама тоже участвуешь?

— Нет, — эльфийка почему-то помрачнела. — У меня не боевая роль.

— А какая? — уточнил Герман.

— Очень хочешь знать, да? — девушка зло сверкнула глазами. — Ладно!

Она отвернулась и принялась стягивать блузку. Её спина оказалась иссечена старыми шрамами и свежими рубцами от ударов то ли плётки, то ли кнута.

— Понял или в красках расписать? — осведомилась она. — Подробности интересуют?

— Зачем всё это? Почему мы? — с трудом выдавил Герман.

— Всё на радость зрителям! — выкрикнул из своего угла Макс. — Наш дорогой король говорит, очень популярное шоу получается. «Всевидящее Око» или как-то так, палантиры им в глотки! Народу нравится смотреть, как какие-то странные существа из других миров бегают по лесу и рвут друг другу глотки!

— Не может быть, — не поверил Герман.

— Почём купил, за то и продаю, — развёл руками вампир.

Герман хотел ещё что-то спросить, но вампир и эльфийка, как по команде, потеряли к паладину всякий интерес. Девушка ушла, а вампир впал в транс. Что-то бубнил и раскачивался из стороны в сторону.

Герман остался наедине со своими мыслями и вскоре уснул.

— Подъём, лежебока! — гаркнул вампир. — Началось!

Герман рывком вскочил на ноги. Быстро окинул помещение взглядом. Макс нагло скалился и как бы невзначай трогал кончиком языка удлинённые клыки. Паладин поморщился и только сейчас осознал, что принял защитную стойку — правая рука сжимает рукоять меча, а левая выставлена прямо, словно Герман упирался в невидимую стену.

«И когда успел выработать подобную привычку? Точно мозги промыли!» — подметил паладин.

— О! Да ты крут, паря, — съязвил Максимус, картинно сложив руки на груди.

Признаться честно, вампир вызывал у Германа отвращение. Хотелось выхватить клинок и разрубить заносчивого негодяя надвое, но слова эльфийки сдерживали. В конечном счете, с вампиром можно и на игре разобраться, раз уж он так стремится умереть!

Герман выпрямился, почесал небритый подбородок и устало сел на холодный пол. Ногой отбросил в сторону черепушку и попытался вздремнуть. Но неугомонный Макс продолжал доставать.

— Ты, главное, не дрейфь на игре. Всё не так плохо, как кажется на первый взгляд. — Макс прильнул к решётке и вцепился в прутья, глаза его нехорошо поблёскивали в свете чадящего факела. — Тебе досталась неплохая роль. Да ты и сам уже, наверное, понял. Вон как лихо вскочил, небось, и заклинание какое пробормотать успел, но железки на руках блокируют магию.

— Слушай, отвали, — сонно буркнул Герман. Вампир вызывал раздражение, злость, гнев, ярость. Герман даже удивился — откуда это в нём? Видать, всё дело в Герарде и его патологической ненависти ко всем нелюдям. Вампир, кажется, это понимал и продолжал гнуть свою линию.

— Наручи снимут. Вот тогда-то и начнётся самое весёлое, — зловеще протянул Максимус и по-кошачьи облизнулся.

— Если тебе так не терпится сдохнуть, — не разлепляя век, сказал Герман, — то советую найти в лесу — или где там будет проходить ваша игра? Так вот, найти палку, вбить её в землю, для верности заострить оба конца и нанизаться на этот импровизированный кол, а ещё лучше рухнуть с дерева — так надёжней.

Вампир побледнел, кожа стала почти прозрачной. Он зло сжимал и разжимал кулаки, стискивая прутья решётки. Но через минуту справился с собой и тихо прошептал:

— Игра не наша…

— Ну вот, если не наша, тогда советую объединить усилия, — паладин открыл глаза и внимательно посмотрел на собеседника.

Узник дрогнул и отшатнулся. В глазах вспыхнули огоньки надежды, но тут же потухли, словно вампир вспомнил что-то ужасное.

— Нельзя. Парами ходить запрещается. Ты в шашки играл когда-нибудь? — вдруг выдал Макс.

— Это тут при чём? — повёл бровью Герман.

— Бить обязательно…

Солнце. Нет, два солнца, а если быть точным — звезды, — буквально слепили, и Герман первое время закрывался ладонью от ярких лучей. Но вскоре зрение приспособилось, и паладин смог осмотреться. Его, Макса и Ыргха силой вытолкали на ровную поляну, где поджидала разношёрстная компания: орки, огры, маги в мантиях и кольчугах, с посохами и без, рыцари, какие-то дивные существа, эльфы (а как же без них-то). В общем, весь набор персонажей, который мог возникнуть в воспалённом мозгу ролевика. Герман на секунду задумался, а не является ли Король таким же пришельцем? Но быстро откинул эту мысль, потому как перед лицом выросла тень, и паладин чуть не врезался в могучую спину тролля. Ыргх грозно рыкнул и попытался зацепить Германа огромной лапищей, но оковы на руках слабо засветились, и тролль, согнувшись пополам, рухнул на траву. Паладин поспешно ретировался — связываться с таким бугаем себе дороже.

— А ну пошли! Вперёд! — сзади сильно ударили чем-то

тупым между лопаток, и Герман кубарем вылетел на поляну. Больно не было, доспех выдержал, но чертовски неприятно, когда тебя пихают в спину, сбивая с ног. Отряхнувшись, Герман быстрым шагом направился к толпе.

— Итак! Дамы и господа, люди, нелюди и прочие твари! — певучим голосом стал вещать уже знакомый Тёмный маг. Он взобрался на низкий постамент и в заученной форме продолжил: — Настало время Великой Игры! Вам выпала честь сражаться за право обрести свободу. Ваши мечты сбылись! Тому, кто вложит священный артефакт в руки Всемогущему, — маг указал пальцем на небольшую статую у края поляны, — король дарует свободу и щедро вознаградит!

— Бла-бла-бла, — буркнул Макс, который стоял позади. — Хрена вам, а не свободу!

— Утихни, клыкастый! — стоящий рядом Светлый рыцарь пихнул вампира локтем.

Макс грозно зашипел, показав клыки. Но рыцарь лишь скривился, отмахнулся и стал слушать Тёмного мага.

— Игра ведётся по чётким правилам: встретил — убил! Вам даётся полная свобода действий, никаких ограничений в способах одержать верх над противником. Единственное «*но*» — объединяться в команды запрещено! Нарушение — смерть.

Маг ещё что-то вещал, рассказывал о каких-то ловушках, линиях, за которые переступать нельзя, тоннелях и лабиринтах, но Герман не слушал. Паладин пристально изучал потенциальных противников. Наибольшую опасность представляли маги, но и эльфы с длинными луками выглядели серьёзно. Герман решил избрать тактику «малой крови», в голове откуда-то всплыли знания и формулы защитных заклинаний, атакующие и оборонительные стойки, работа мечом в паре со щитом. Щитом! Стоп! Герман осмотрелся и понял, что щита ему не выдали, тогда как у большинства рыцарей таковые имелись, за исключением двухметровых гигантов с двуручными мечами, но этим щит только помеха. Без щита будет трудно — это Герард отчётливо понимал.

Окинув поле взглядом, паладин приметил парочку с виду хилых бойцов — у этих щиты имелись, жиденькие, но всё же лучше, чем ничего. Интересно, как эти оборванцы попали на Игру вообще? Может, барды какие или оруженосцы? Одно Герард знал наверняка — этим не выжить, а Герман сильно удивился, с каким хладнокровием он об этом думает. Раздвоение личности жутко нервировало, но, в свете предстоящих событий, Герман решил всё же положиться на паладина, отдать власть над телом ему. Почему-то только сейчас парень осознал, в какую передрягу

попал. До сих пор всё казалось каким-то несуразным, шуткой, игрой, будто смотришь на мир глазами книжного героя.

Но окончательно испугаться и осознать незавидное своё положение Герман не успел. Тёмный маг хлопнул в ладони, и посреди поляны образовался овальный провал в пустоту. Не привычный искрящийся и шумящий портал в воздухе, а банальная яма в земле. Вот тебе и фэнтезийный мир! Яркий и волшебный, мать его!

Паладин горько усмехнулся и побрёл за толпой, которая лавиной скатывалась в яму, будто чья-то невидимая рука подталкивала вперёд. Но на деле так оно и оказалось. Приблизившись к постаменту, на котором грозной фигурой возвышался маг, Герман почувствовал всплеск силы, тело будто раздалось вширь, доспехи перестали казаться непосильной ношей, а руки обдало жаром. Паладин взглянул на них и ахнул. Наручи исчезли! Но мимолётная радость сменилась страхом. Плечи плотно стиснули руки-клещи и с силой потянули к провалу. Вспышка! Пронзительный свист и стремительный бег земли. Перед столкновением Герман успел удивиться, что трава исчезла, и теперь землю покрывал густой слой опавшей листвы.

От удара вышибло воздух из груди. Паладин ахнул, скривился от боли, но сумел найти в себе силы встать на колено. Перед глазами плыли круги, из носа текла кровь. Мотнув головой, Герман нашарил в листве шлем, который сорвало от удара, и надел обратно. Поднял забрало и, обнажив клинок, замер. Прислушался, принюхался, но пока нападать не спешили. Портал забросил в густой буковый лес, сырой и мрачный. Почва каменистая, повсюду виднелись огромные валуны, справа отвесная скальная стена, впереди метрах в двадцати журчал ручеёк.

Герман обернулся — и вовремя. Серебристый росчерк обдал жаром и со свистом вонзился в древесину. Паладин кивком опустил забрало и отшатнулся в сторону. Ещё две стрелы просвистели в опасной близости. Третья всё же достала, но со звоном отскочила в сторону. Поножи выдержали, но как больно-то!

Взвыв от гнева, Герман каким-то непонятным образом соткал призрачный щит, в котором тут же завязли стрелы противника, прошептал заклинание поиска и рванул вперёд. Заклинание вырвало из тени щупленького эльфа, и паладин метнулся к нему, выкрикивая на ходу непонятные Герману слова.

Но эльф, вопреки всем ожиданиям паладина, бросил лук, заверещал, как девчонка, и бросился наутёк. Секунда — и зелёный росчерк, сорвавшийся с небес, с шипением впился в тело

эльфа, разорвав того на части.

«Вот тебе и шашки!» — подумал Герман, а Герард тем временем приготовил ещё парочку заклинаний и навесил их на меч.

— И где же этот артефакт? — вслух вопросил паладин.

Тёмный на поляне обмолвился о какой-то реке Жизни, — значит надо искать реку. Знания Герарда подсказали, что надо идти вдоль ручья по течению, так отыскать реку будет намного проще.

Через час бесконечной череды скользких камней, по которым Герман скакал козликом, паладин выбрался на слияние ручья с более широкой речкой, но до реки Жизни она явно не дотягивала. Герман засомневался, но Герард подавил неуверенность парня на корню. Он просто знал!

Отдышавшись, Герман умылся и попил воды. Местность вроде была спокойная. Но это по меркам Германа. Паладин же отчётливо понимал, что идти по шумной реке, а порогов и одиноких камней тут было в избытке — глупо. Будешь как на ладони, да и дальше берегов ничего не увидишь и тем более не услышишь.

Водрузив шлем на голову, Герард решил двигаться лесом, держа реку в поле зрения. И не прогадал. Через сотню метров — нет, всё же шагов — паладин приметил одного из тех здоровенных рыцарей, любителей тяжёлых двуручных мечей. Но нападать не спешил. Человек был слишком уязвим, и убить его не представляло труда, воспользовавшись эффектом неожиданности, но Герард почему-то медлил. Вскоре Герман понял, что задумал паладин. Сотворив уже знакомое заклинание поиска, Герард на цыпочках последовал вдоль русла. Противоположный берег через несколько мгновений вспыхнул тремя алыми силуэтами. Двое сражались ниже по течению. Паладин отчётливо видел сероватые всполохи и сыплющиеся искры. Маги! Да, там сражались маги, но шум бурной реки заглушал звуки боя, поэтому ни рыцарь, ни третий силуэт, по всей видимости, орк, не могли знать об опасности. А маги всегда опасны.

Герард тихонько выругался. Велик был шанс, что сражающиеся могли засечь отголосок заклинания, но пока маги увлечены боем. Паладин замер. Рыцарь тоже. Видать что-то почуял. И понеслось!

Герман успел заметить серую тень, бросившуюся на исполина с противоположного берега. Резкий бросок рыцаря, короткий взмах мечом — и тело орка разделилось на две половины, окрасив воды реки алым. Всё это произошло за две, может три секунды, но Герард каким-то чудом за этот короткий отрезок

времени оказался рядом с рыцарем. На ходу сотворил несколько заклинаний (хрен с ними, с магами!) и швырнул в противника. Рыцарь покачнулся, но выстоял. Из-под шлема — страшной личины демона — вырвался грудной рык, и рыцарь бросился в атаку. Герард чудом успел нырнуть под тяжёлый клинок, но противник не провалился, а ловко сменил направление атаки, заставив паладина выставить меч перед собой. Страшный удар отбросил Германа, как котёнка, и парень плюхнулся в воду, но рыцарь добивать не стал, а точнее, не смог. Одно из заклинаний, закрёплённых на мече, сорвалось, и рыцарь отлетел в противоположную сторону. Запахло палёной плотью. Паладин вылез из реки и посмотрел на бездыханное тело — доспехи ещё искрились. Рыцарь был мёртв.

— Накачают мускулы, понимаешь, — буркнул Герман, разминая отбитые руки.

В ушах раздался звон, и Герард понял, что заклинание поиска больше не действует. Но ещё в полёте, после таранного удара, паладин краем глаза отметил, что маги исчезли. Оно и к лучшему, поубивали друг друга, должно быть. Герард ненавидел магов.

Ещё несколько часов парень бродил лесом, пару раз перебирался с берега на берег, преодолевал небольшие водопады, и вскоре вышел к новому слиянию. На этот раз Герард твёрдо решил, что это река Жизни — полноводная, с крутыми скалистыми берегами и невероятно прозрачной водой.

Но паладин не успел порадоваться успеху. Где-то справа громыхнуло, засвистело, взрывной волной подняло целый ворох бурой листвы. Снова взрыв, но уже гораздо дальше. Паладин рвался разведать, но тут Герман проснулся и взял тело под контроль. Хватит крови! И Герард подчинился.

Отбежав на пару сотен шагов прочь от очага сражения, или что там ещё творилось, паладин решил осмотреться. Здесь лес сменился на смешанный. Появились песчаные поймы на противоположном берегу, что жутко не понравилось Герарду. Подойдя к обрыву, паладин убедился в своих опасениях. Этот берег оказался коренным, о чём свидетельствовал скалистый обрыв. Судя по ландшафту — обрыв может протянуться на километры. Жаль, что картина терялась — русло реки изгибалось в пятистах шагах выше по течению.

Герман снова был ошеломлён знаниями, спонтанно возникшими в его голове, но что-то подсказывало, что двигаться теперь надо не по течению, а против него. Но Герард упорно настаивал на переправе. Паладина тянуло на тот берег.

Герман пока решил не поддаваться второму «я» и медленно

побрёл вдоль обрыва. В конце концов, по словам Максимуса, в игре не обязательно выигрывать, главное не проиграть. Если не удастся завладеть артефактом в этот раз, а разум подсказывал, что большинство противников — тёртые калачи, то будет следующий. Можно спрятаться и переждать, изучить местность, повадки соперников. А вдруг паладина поджидают прямо возле артефакта? Возможно, кому-то удалось переиграть соперников хитростью? А ещё хуже, если поджидать будут у самого выхода. Стоп! Выход! А где этот выход? Неужели Герман прослушал что-то в речах Тёмного мага?

Липкий страх закрался в душу. Но тут вновь вмешался Герард. Паладин заметил движение и ничком припал к земле. И вовремя. Огромный пылающий шар врезался в землю в двадцати шагах от Герарда. Громыхнуло. Паладина обдало смесью жара, полыхающих щепок и расплавленных камней. Зачарованные доспехи сдержали стихию, но удушающая гарь забралась в лёгкие, незащищённые кисти рук обожгло. Жуткая боль пронзила всё тело, и Герман отключился.

Очухавшись, паладин долго моргал, пытаясь понять, где находится. Сквозь узкую щель забрала рассмотреть что-либо не получалось, но поднимать защитную пластину он побоялся. Вокруг всё полыхало, доспехи шипели и плавились. Защита явно не справлялась.

Герард попытался восстановить в памяти, где была река, прежде чем он упал на землю. Кажется, справа. Отбросив всякие сомнения, он перекатами, а когда и ползком, устремился к спасительной влаге. Лучше уж утонуть, чем сгореть заживо! Паладин в очередной раз перекатился и камнем рухнул вниз. Герман даже не успел удивиться и что-либо предпринять, он по-детски зажмурился, ожидая удара, но вопреки здравому смыслу, всего лишь опустился на воду, будто утлая лодочка, спущенная в море — мягко и плавно.

«Что за чёрт?! Ведь должен же был пойти камнем на дно, в таких-то латах!» — посетила запоздалая мысль.

Доспех зашипел, обдав облаком пара. Могучий поток подхватил паладина и понёс навстречу смерти. В этом Герман не сомневался.

Из забытья вырвал пронзительный крик. Герман вяло перекатился на бок, откашлялся, сплюнул водой вперемешку с кровью и тупо уставился в песчаный берег. Неужели жив? Но как? Впрочем, это было неважно. Крик раздался снова, но уже гораздо ближе. Герман усилием воли заставил себя встать на ноги. Шлема на голове не было, должно быть, потерял в воде или же

инстинктивно скинул сам, чтобы не захлебнуться.

Крик повторился, но тут же перешёл на сдавленный хрип и оборвался. Паладин насторожился. Укрылся в кустарнике и затих. Минут десять стояла мёртвая тишина, даже птицы умолкли. Хотя чему удивляться? Какие птицы в лесу, кишащем убивающими друг друга горе-ролевиками?! За всё время Герман не встретил ни единого животного. Блеф. Всё блеф! Игра, показуха, зрелище! Паладин повертел головой в поисках камер наблюдения, но, естественно, ничего не обнаружил.

Плюнув на всё, Герман выбрался из укрытия и решительно пошёл в сторону, откуда не так давно кричали. Единственное, что он расслышал достаточно внятно — несколько нецензурных эпитетов. Несмотря на то, что там мог находиться кто угодно из игроков, Гера заподозрил, что выражается именно его знакомый вампир Максимус. А точнее — просто Макс. Покинув речное русло, Герман вломился в густой подлесок.

Паладин оказался прав. Макс находился в довольно забавном положении, особенно учитывая его вампирскую природу — свисал вниз головой, подобно летучей мыши. Впрочем, причина этого была весьма банальна — парень не заметил расставленную на земле ловушку-рычаг, захватившую его ноги в лассо и вздёрнувшую через ветку ближайшего дуба.

— Ты что тут? — не нашёл ничего лучшего спросить Герман.

— Вишу, — логично отозвался Макс. Банальность ответа была прервана кашлем, от которого на губах вампира выступила кровавая пена.

Герман заметил, что Максимус прижимает руки к животу, сжимая какую-то статуэтку.

— Да, это он, артефакт, — подтвердил вампир, глядя паладину прямо в глаза — их лица находились на одном уровне, хоть и перевёрнутые относительно друг друга. — Я, похоже, не жилец. Забирай.

Он выпустил статуэтку из рук, тут же со стоном прижав ладони плотнее к ране.

— Спасибо, — растерянно промолвил Герман.

— Да не за что, — скривился Макс. — Хоть ты уйдёшь красиво. Туда, за грань… В реальный мир… Ох, как надоел этот бред. Сплошная фальшивка. Трава, деревья, земля. Даже небо. Одни камни, только камни натуральные. И всё. Да уж, поиграл в вампира. На всю жизнь. Хотя, это уж точно. Жизнь-то сейчас и кончится…

— О чём ты? — почти ничего не понял Герман. Но вампир перешёл на совсем уж бессвязное бормотание.

Паладин огляделся и приметил тело вероятного противника

Макса, в борьбе с которым вампир обзавёлся артефактом и раной в живот. Это был тот самый рыцарь, что стоял с ним рядом во время построения перед игрой. Но главное в этом для Герарда — у рыцаря имелся щит, который уже не понадобится ему, но вполне может пригодиться паладину. Герман затолкал статуэтку за пояс и подобрал находку. Теперь, с мечом в одной руке и щитом в другой, он был готов ко встрече с кем угодно. И пусть только кто-то попробует остановить паладина на пути к заветной победе и свободе!

Герард бежал. Упорно, не обращая внимания на летящие из-за деревьев стрелы, пускаемые меткими эльфами — их он небрежно отражал новоприобретённым щитом. Перескакивал через кусты, стволы поваленных деревьев, трупы менее везучих игроков — не разбирая, что именно послужило препятствием. Он твёрдо знал свою цель — статуя Всемогущего. А с ней — свобода. Маленькую статуэтку сунуть в руки большой статуе — и победа. Домой! Он вернётся домой! При этой мысли паладин усмехался, а Герман внутренне ликовал. Для одной части его разума важна была только сама победа, для другой — грядущие последствия, но оба были едины в стремлении добраться до цели.

Идола переместили с места, где игроков строили перед боем. Теперь он располагался на самой границе непроглядного тумана. Стоило вложить статуэтку-артефакт в руки Всемогущего — часть тумана развеялась, открылась переливающаяся всеми цветами полупрозрачная стена. Портал. Герман, зажмурившись, шагнул вперёд, рассчитывая через миг оказаться на другом конце радуги — дома.

Небо будто моргнуло, и его вид полностью изменился. Вместо двух солнц — одна огромная кроваво-красная луна, которая будто стремилась упасть наземь. Или это земля мечтала слиться со старшей сестрой? Как бы то ни было, в отражённом свете планеты-гиганта отчётливо вырисовывалось тело паладина с мечом в одной руке и щитом в другой. На его лице застыла блаженная улыбка. Наблюдателям не было слышно звуков, поскольку упокоившегося победителя окружала лишь пустота вакуума. Тело ещё стремилось опуститься вниз, словно желая в последний раз прикоснуться к зеленеющей траве, но на его пути вставала невидимая, хотя и непреодолимая преграда. Паладин бился трофейным щитом об эту грань, с каждым столкновением взлетая всё выше и опускаясь вновь всё медленнее. Последний удар — и Герард навсегда преодолел силу притяжения, отправившись в краткий свободный полёт, пока не оказался

перехвачен гравитацией кровавого гиганта, бесследно сгинув в его недрах.

— Не ожидал, — пару раз хлопнув в ладоши, оценил король. — А этот парень и впрямь оказался хорош! Вот что Истинная Вера делает! Да, паладин — это вам не рыцарь. Верующему и Бог помогает.

С усмешкой мужчина задвинул крышку на подлокотнике трона, скрыв от посторонних глаз пульт управления. Силовые поля или магические силы — какая, собственно, разница? Для зрителей голографического онлайн-шоу уж точно никакого. «Наши спецэффекты — реальны!» — под этим девизом программа «Всевидящее Око» заняла первое место в рейтинге. Конечно, приобрести в частное владение астероид, накрыть его куполом и создать декорации обошлось недёшево, но все затраты оправдались сразу после премьеры. Зрители ещё никогда не видели актёров, которые не играют, а действительно живут и умирают во время шоу, веря, что всё происходящее — объективная реальность. А всего-то и понадобилось, что слегка изменить их внешний облик с помощью пластической хирургии, да вывести на передний план в сознании образы существ, какими они мечтали стать, с помощью ментоскопирования. И вуаля! Остаётся только собирать кредиты на счёт и наслаждаться жизнью!

При этой мысли Король покосился на сидящую возле его ног тёмную эльфийку. Власть над людьми, для закона не существующими, поскольку никогда в этом мире не рождались, приносила не только финансовую прибыль, но и удовольствия иного рода.

Девушка словно почувствовала обращённый на неё взгляд и обернулась.

— Хватит! — отрезала она. — Выброси меня туда, за грань, в космос. Лучше смерть!

— Кажется, нужно тебя хорошенько наказать за то, что посмела спорить, — улыбнулся Король. — Может, ещё и бежать попробуешь? Давай!

Он протянул руку в сторону опушки леса. Эльфийка открыла рот, чтобы что-то ответить, но так и замерла, заметив нечто неожиданное. Из-за деревьев выбрался тролль Ыргх. С трудом ковыляя и пятная траву кровью, он с натугой тащил в лапищах камень, крепко прижимая его к груди, будто дитя или свою последнюю надежду.

Король пока не приметил чудом уцелевшего игрока и продолжал вещать, перечисляя, какие инструменты применит для

наказания непокорной пленницы.

Тролль брёл, покачиваясь из стороны в сторону, периодически останавливаясь и мотая лобастой башкой. При этом он неотрывно таращился на камень, не глядя по сторонам. Неизвестно, что он там видел и насколько сознавал окружающее.

Король уже отключил силовое поле, скрывавшее его наблюдательную площадку и создававшее иллюзии-голограммы. Потому, Ыргх даже не заметил, как преодолел черту, отделявшую поле игры.

— К'роль?! — удивлённо рыкнул тролль, увидев, наконец, повелителя этого маленького рукотворного мирка. — К'роль м'реть! — объявил он, поднимая камень над головой. — Ыргх крушить!

Из последних сил тролль швырнул осколок астероида, бывший здесь задолго до того, как на безжизненную каменную глыбу ступила нога человека, пожелавшего превратить поверхность сателлита в площадку игры со смертью для чужого развлечения.

Эльфийка, взвизгнув, плашмя кинулась наземь. Её пленитель и господин всё ещё сидел на троне. Но теперь величественная картина, изображающая правителя окружающего мира, выглядела так, будто от неё оторвали верхний клок — на котором находилась часть спинки трона и голова короля.

— Ыргх сокрушить К'роля, — довольно улыбнулся тролль и грузно грянулся на траву.

Из подлеска выглянуло бледное лицо с заляпанными кровью губами. Макс огляделся по сторонам, оценил обстановку и выбрался из кустов на открытое пространство. Поднёс к лицу оторванную руку орка, изжёванную в области запястья, и с отвращением отшвырнул добычу за спину. Приветственно раскинув руки и улыбаясь плотно сжатыми губами, вампир зашагал к эльфийке.

— Да не бойся, я сытый, — отмахнулся он в ответ на опасливый взгляд девушки.

Подойдя к трону, Максимус небрежно столкнул тело Короля и уселся на его место. Попытался разобраться с устройством крышки на подлокотнике, но не сдержался и просто вырвал её когтями.

— Что ты собираешься делать? — уточнила эльфийка, наблюдая, как вампир пробежался пальцами по клавиатуре.

— Сейчас, разберёмся, — пробурчал парень. — Зря, что ли, я на программиста учился.

— Ты же говорил, что на втором курсе психологии! — напомнила девушка.

— Мало ли, чего я говорил, — хмыкнул Макс. — Ну что, хочешь отправиться домой? Или может, — он неопределённо помахал в воздухе рукой, возведя взгляд к небесам, — выключим всю эту штуку? Раз — и всё кончится.

— Домой? — вздохнула девушка, теребя между пальцами прядь белых волос. — Хотелось бы… Но такими?

— Особенно я, — согласился Максимус. — Убийца-кровопийца, да уж… В лучшем случае мне светит психушка. А может — исследовательская лаборатория, в качестве подопытного кролика.

— Но и умирать не тянет.

Макс окинул взглядом окрестности. Поле игры, тела тролля и Короля… Фальшивые солнца на голограмме купола.

— Решил стать новым Королём? — с подозрением осведомилась эльфийка дрогнувшим голосом.

— Ты не бойся, — задумчиво протянул парень. — Тебя не трону. В смысле, как этот, Король… Хотя если ты сама… Но это мы размечтались. Кто ж нам даст тут обустроиться.

— Верно мыслишь, — произнёс человек в коричневом балахоне с глубоким капюшоном, внезапно возникший на склоне холма. Внимательно приглядевшись, Макс заметил, что ноги гостя не касаются земли, и догадался, что это голограмма. — Пожалуй, нам стоит кое-что обсудить.

— А если не договоримся? — Макс угрожающе занёс руку над пультом, делая вид, будто в курсе, каким образом отключить силовой купол, удерживающий воздух и все декорации.

— Мы деловые люди, — заверил незнакомец в капюшоне. — А вы?

— А мы — нелюди, — ухмыльнулся вампир, сверкнув клыками. — Но поговорить можно.

Эльфийка встала справа от трона, выражая тем самым свою поддержку его действиям.

— Итак, наши условия… — начал Макс.

Транзитная зона

Бармен изрядно удивился, увидев посетителя — такие гости на орбитальной станции «Мнемозина» были редкостью. Основной контингент прибывающих на транзитную базу составляли паломники Ордена Белого Древа, ожидающие разрешения на посещение планеты Минерва. Периодически прилетали грузовые корабли, но они следовали установленному графику и надолго не задерживались, а большинство пилотов также являлись последователями Ордена.

Этот тип к числу верующих явно не относился. Для начала, на его одежде не было символа Белого Древа. Вместо присущей паломникам кислой мины, по их мнению изображающей просветление и отрешённость, на его небритой физиономии играла хитроватая усмешка. На простого работягу, доставляющего заказанные грузы, он тоже не походил. Бармен решил, что если этот парень что-то и привёз, то исключительно контрабанду, но в этом случае он явно ошибся координатами.

— Виски, двойной, без льда, не разбавленный, — сделал заказ пилот, усевшись за стойку.

Бармен не стал спорить. Хотя на станции, жившей по планетарному времени, сейчас было утро, только что прибывшего звездолётчика это явно не интересовало. А вот бармена снедало любопытство. Когда пилот прикончил третий стакан и перешёл на пиво, бармен решил, что уже можно приступить к расспросам:

— Каким ветром тебя занесло на «Мнемозину», приятель?

— Я вольный торговец, — отозвался мужчина, — привёз кое-какой груз, думаю выгодно его продать.

— На Минерве? — бармен скептически хмыкнул. — Орден Белого Древа не поощряет роскошь, а всё необходимое производится на планете или доставляется постоянными поставщиками. Хотя, может сами Жрицы заинтересуются? А если нет, попросту не пройдёшь таможню, а то и вовсе могут конфисковать груз.

— А я не собираюсь высаживаться на планету, — пожал плечами контрабандист. — Меня и транзитная зона вполне устраивает. Пусть с таможней покупатель сам разбирается.

— И что же ты такое привёз? — заинтересовался бармен.

— Ош.

От этого короткого слова у бармена от удивления отвисла челюсть. Он рефлекторно огляделся по сторонам, но в зале ожидания по-прежнему никого не было.

— «Звёздная пыль»? — шёпотом уточнил бармен.

— Что?! — пилот от возмущения ударил кулаком по стойке. — За кого ты меня принимаешь? У меня чистый ош, натуральный, прессованный. Ты тут не сравнивай!

— Да я ничего, — замялся бармен. — Я только слышал…

— Ну да, в состав «звёздной пыли» он тоже входит, но составляет меньше десятой доли… И вообще, всегда найдётся кто-нибудь, кто из самой замечательной вещи умудрится сотворить какую-нибудь гадость. А ош — это как философский камень, как панацея… Между прочим, двести семьдесят восемь Галактических религий утверждают, что ош был дарован людям именно их божеством.

— И много его у тебя?

— Сто тридцать тонн.

— Сколько? — лицо бармена вытянулось ещё больше.

— У меня небольшой корабль, — пожал плечами пилот.

В голове у бармена роились десятки вопросов, но на большинство из них контрабандист ни за что не стал бы отвечать.

— Так что вообще такое этот ош? Я всякое слышал. Фармацевтические компании клянут его на все лады, на многих планетах его запретили.

— Конечно, фармацевты против, — хмыкнул звездолётчик. — Они же разорятся мигом. Ош — отличное природное лекарство, половину болезней мигом как рукой снимает. И в целом укрепляет здоровье. Говорю же — практически панацея. Я его вообще в еду как приправу добавляю — пальчики оближешь. И это не всё. Ну, про «звёздную пыль» ты в курсе, но это не пример. Сам ош привыкания не вызывает. Хотя в сочетании с алкоголем расслабляет и может вызвать лёгкую эйфорию, настраивает на лирический лад. Знал я одного поэта, так тот без кружки пива со щепоткой оша двух слов срифмовать не мог.

— Может, и правда Жрицы заинтересуются, — с некоторым сомнением протянул бармен.

— Да есть у меня покупатель, — отмахнулся пилот. — Скоро должен прибыть. Ты сам попробуй ош, тогда поймёшь, что это. Угощаю. Налей самого дрянного пойла, какое у тебя найдётся.

Пожав плечами, бармен полез под стойку и, достав бутыль с прозрачной жидкостью, налил полный стакан. Пилот достал из кармана небольшой брусок прессованного оша и ногтем отковырнул крохотный кусок. Брошенный в выпивку, ош быстро растворился, с лёгким шипением.

— Пей, не бойся, — махнул рукой контрабандист. — Мелкими глотками. Не пожалеешь.

Бармен осторожно принюхался. Вопреки ожиданиям, напиток ничем не пах, даже спиртовые пары будто исчезли. Парень

осторожно отхлебнул.

— Это вкусно! — удивился он.

Медленно и с наслаждением он опустошил стакан. Воздействия алкоголя совершенно не ощущалось, но внутри будто разлилось приятное тепло, а мысли настроились на позитивный лад. «Мнемозина» больше не казалась ему унылой дырой, а паломники, хоть и остались странными чудаками, перестали быть противны.

— И правда, отличная штука, — признал бармен, по привычке шмыгнув носом. — Ого, насморк прошёл!

В зал ожидания вошла группа паломников, но к бару подходить не стали, усевшись в стороне. Видимо, скоро ожидался рейс на Минерву. Хотя Орден Белого Древа и не запрещал алкоголь, пьяных на борт шаттла не пускали.

При наличии посторонних ушей, разговор про ош сошёл на нет. Пилот травил анекдоты и байки, время пролетело незаметно. Через пару часов прозвучал сигнал прибытия шаттла.

Паломники редко возвращались с планеты, большинство предпочитали эмигрировать навсегда. Хотя некоторых всё же заворачивали восвояси — как несоответствующих канонам строгой доктрины Белого Древа. Но группа новоприбывших к таковым не относилась. Бармен уже в который раз за утро вытаращился от изумления. Пилот тоже не оставил визитёров без внимания.

— Это одна из Жриц, — шепнул бармен, кивком указав на молодую женщину, восседающую в установленном на антигравитационной платформе кресле. По углам платформы шествовали четверо солдат в бронескафандрах. — Впервые вижу, чтобы Жрица прилетала на «Мнемозину». Это она твой покупатель?

— Нет, не она, — рассеянно отозвался пилот. — Впервые, значит? Странно, а странности это всегда не хорошо.

— Не таращись так, — шикнул бармен.

— Да я на крону засмотрелся, — хмыкнул звездолётчик.

Бармен усмехнулся в ответ, вполне разделяя точку зрения собеседника. Балахон Жрицы, как и положено, украшал на груди символ Белого Древа, и его крона имела весьма выдающиеся очертания.

— Она похожа на мою четвёртую жену, — задумчиво протянул контрабандист.

— А сколько их у тебя было?

— Пока только три.

— Не надейся, — покачал головой бармен. — Она же Жрица Белого Древа.

— Подумаешь, Жрица, — развёл руками пилот. — Моя третья жена вообще была журналисткой.

Бармен не нашёл, что на это возразить и только озадаченно почесал в затылке.

Через полчаса вновь прозвучал сигнал стыковки. Увидев новоприбывших, уставший удивляться бармен достал из кармана электронный ежедневник и отметил текущую дату красным цветом.

В зал вошли три фигуры в громоздких скафандрах с затемнёнными непрозрачными забралами. У всех троих справа на груди был изображён символ в виде трёхпалой когтистой лапы. Неожиданные визитёры направились прямиком к Жрице.

— Рептилоиды, — озадаченно протянул бармен. — Их-то как сюда занесло?

— Всё страньше и страньше, — глубокомысленно изрёк пилот, отхлебнув пива.

Не все отнеслись к происходящему столь меланхолично. Паломники вскочили с мест, сбрасывая с себя балахоны. Под ними оказались стандартные лётные комбинезоны с нашивками на груди в виде символического изображения огня, почему-то зелёного цвета.

— Сейчас тут станет жарко, — заметил бармен, проворно прячась под стойку.

— Ага, весело тут у вас, — согласился звездолётчик, присоединяясь к нему, не забыв прихватить и пивную кружку.

Фальшивые паломники, а на деле — сектанты Ордена Зелёного Пламени вытащили из сумок лучемёты и открыли беспорядочный огонь. Охранники Жрицы и рептилоиды ответили тем же.

— В такие моменты даже я начинаю жалеть об отсутствии таможенного контроля при входе в транзитную зону, — вздохнул звездолётчик.

— А ты их ошем накорми, — предложил бармен. — Может, успокоятся.

— Это запросто, только понесёшь напитки им ты, — хмыкнул пилот.

Вылезать в гущу перестрелки ни один из них не собирался. Вместо этого оба уселись на полу под стойкой, попивая пиво в ожидании, когда в этой схватке определится победитель.

Впрочем, заранее было ясно, что преимущество не на стороне сектантов. Их противники были облачены в бронескафандры, а Жрицу прикрывали силовые поля, встроенные в платформу. Тогда как приверженцев Зелёного Пламени хранила только вера, оказавшаяся не в силах противостоять энергетическим зарядам.

С гибелью последнего сектанта стрельба прекратилась, но могла в любой момент возобновиться. Атмосфера оставалась накалённой. Какие бы цели не преследовали фанатики, их нападение грозило как минимум сорвать переговоры между рептилоидами и Жрицей.

— Вот теперь время подавать напитки, — шепнул контрабандист, доставая брусок оша.

Бармен послушно разлил по пивным кружкам дешёвое пойло, после добавления в него оша превратившееся в амброзию. С некоторой опаской парень выбрался из-за стойки и направился к ожесточённо спорящим противникам.

— Поди прочь, мы ничего не заказывали, нашёл время, — отмахнулась от него Жрица.

— Это за счёт заведения, особый фирменный коктейль, я назвал его Кровь Еретиков, — объявил бармен, кивнув на дымящиеся тела сектантов.

— Мне это нравится! — объявил рептилоид. — Испить крови поверженного врага было древней традицией нашего рода!

— Хорошо, подтвердим мир между нами, совместно испив символической крови сообща убитых врагов, — ухватилась за идею Жрица.

Рептилоид осушил кружку залпом, женщина только чуть пригубила, но распробовав, сделала ещё несколько глотков.

— И впрямь, неплохо, — одобрила она.

— Возможно, я немного погорячился, и ты не имеешь отношения к нападению, — признал утихомирившийся рептилоид. — Враги хотели помешать нашему союзу, но мы их поджарили! — он зловеще расхохотался. — Теперь можно и обсудить условия договора. И подать ещё этого напитка!

Бармен намёк понял и поспешил на своё место. Контрабандист, прекрасно слышавший громогласного ящера, щедро пожертвовал весь брусок оша.

— Не переборщи, по чуть-чуть сыпь, — посоветовал он. — Остаток себе заберёшь. Мой покупатель, похоже, уже не явится. Но у меня есть другой план. Если дельце выгорит, я тебе ещё пару ящиков подкину.

С этими словами он направился к столу, за которым уселись для переговоров Жрица и рептилоид.

— Где напитки? Я жажду крови еретиков! — рыкнул ящер.

— Это не бармен, — вздохнула Жрица. — Кто ты такой и чего тебе надо?

— Позвольте представиться, капитан Курт Даркхок, вольный торговец, — отрекомендовался контрабандист. — У меня есть груз, который, вероятно, вас заинтересует.

— Оружие? — осведомился воинственный рептилоид.

— Сто двадцать тонн оша.

Бармен едва не опрокинул поднос, услышав, что контрабандист решил оставить десять тонн для личного использования.

— Поднимает боевой дух, нейтрализует большинство ядов и токсинов, укрепляет иммунитет, — тем временем рекламировал свой товар звездолётчик. — Способствует здоровью и спокойствию мирных граждан, одухотворяет верующих, снимает религиозные противоречия. Философский камень растительного мира и панацея от всех проблем. А также замечательная приправа к пище. И в том числе входит в состав столь полюбившегося вам коктейля.

— Беру всё! — решительно объявил ящер. Его товарищи, успевшие также попробовать спешно поднесённый барменом напиток, яростно закивали.

— Нет, Орден Белого Древа покупает груз, — возразила Жрица. — В случае заключения союза, мы охотно поделимся.

Контрабандист назвал цену. На эти деньги можно было приобрести небольшой крейсер. Жрица и рептилоид начали торговаться, довольно быстро сумма выросла в полтора раза.

— По шестьдесят тонн каждой из сторон, — прервал торги пилот, решив не накалять атмосферу. — Оформим договор?

Он развернул голографический экран наручного компьютера, остальные сделали то же самое.

— За удачную сделку! — предложил тост ящер, когда с формальностями было покончено.

Осушив кружку, рептилоид закрыл глаза и захрапел, упасть со стула ему не позволил скафандр. Помощники подхватили своего командира под руки и, прищёлкивая языками, что у них означало смех, потащили на корабль.

— Вот не знала, что ош так действует на рептилоидов, — задумчиво постукивая пальцами по столу, протянула Жрица. — Они ведь даже к алкоголю не чувствительны.

— Я тоже не знал, — пожал плечами Курт. — Зато в таком состоянии с ними вполне можно иметь дело, на удивление сговорчивы. Определённо, хороший рептилоид — пьяный рептилоид. Будет забавно, если эффект окажется постоянным. Жаль, шестьдесят тонн на всех не хватит.

— Интересные у вас забавы, капитан Даркхок, — вскинула бровь женщина. — Менять мировоззрение нечеловеческих рас за завтраком.

— То ли будет к ужину, — усмехнулся Курт. — Кстати, не желаете ли поужинать вместе?

— Ни за что не упущу такую возможность, — улыбнулась Жрица.

Наблюдавший из-за стойки бармен сделал ещё одну пометку в записной книжке о воздействии оша на людей.